

Девочка, испугавшая Луну

КЕЛЛИ БАРНХИЛЛ

[HTTPS://VK.COM/FALLING_KINGDOMS](https://vk.com/falling_kingdoms)

Каждый год жители Протектората оставляют ребёнка как жертвоприношение ведьме, что живёт в лесу. Они надеются, что эта жертва успокоит её и не даст мучить горожан. Но лесная ведьма, Ксан, добра и мягка. Она делит дом с мудрым болотным чудовищем по имени Глерк и совершенно крошечным драконом, Фирианом. Ксан спасает брошенных детей и доставляет их в хорошие семьи по ту сторону леса, подпитывая ребятню по пути звёздным светом. Однажды Ксан случайно даёт ребёнку вместо звёздного свет Луны, наполнив дитя магией. Она решает, что должна вырастить брошенное дитя — и называет её Луной, именует своей внученькой. Чтобы сохранить юность Луны в безопасности от мощи её собственных сил, Ксан прячет магию в глубинах её сознания. Когда Луне вот-вот исполнится тринадцать, магия её начинает просыпаться — но ведь Ксан далеко! А юноша из Протектората намерен освободить своих людей, убив ведьму. И вскоре Луна защитит тех, кто защитил её — даже если для этого придётся разрушить весь тот безопасный мирок, что она знала. Известная автор "Мальчишки-ведьмака" создала ещё одну прекрасную сказку, что обязана стать современной классикой.

Переводчик: Габриэла Полонская

Редактор: Елена Семагина

Глава 1. В которой рассказывается история

О, да.

В лесу живёт ведьма — в лесу всегда живут ведьмы.

Остановишься ли ты хотя бы сегодня? О, пресветлые звёзды, никогда прежде не встречала столь подвижного ребёнка!

Нет, милая, не видела я её никогда. И никто не видел — не в этом веке. Мы предприняли определённые меры, чтобы никогда её не увидеть.

Ужасные меры.

О, не заставляй меня об этом говорить... Ты, по крайней мере, уж точно знаешь.

О, милая, нет, никто не понимает, зачем ей дети! И не знаем, почему она вечно хочет заполучить самого маленького среди нас! Нет, и спросить её мы не можем — ведь её нельзя увидеть. А мы тщательно следим, чтобы её никогда нельзя было увидеть...

Разумеется, она существует! Что за вопрос? Посмотри на этот лес, такой опасный!

Посмотри на ядовитый дым, на воронки, на кипящие гейзеры и то, как ужасны и опасны деревья! Думаешь, это случайно? Мусор... Это всё ведьма, и если мы не сделаем так, как она хочет, что ж с нами будет?

Тебе действительно надо, чтобы я всё это объясняла?

О, нет, нет...

О, тише, тише, не плачь... Совет Старейшин за тобой не придёт — ты слишком уж взрослое дитя.

Из нашей семьи?

Да, милая... Давным-давно, до твоего рождения. Это был очень красивый мальчик...

А теперь заканчивай свой ужин и подумай о своих обязанностях. Завтра пора

вставать. В День Жертвы никого не спасти, и все должны присутствовать там, чтобы увидеть ребёнка, что ещё на год спасёт всех нас...

Твой братик? Но как я могу за него сражаться... Если это сделать, ведьма всех нас убьёт, и что ж дальше? Пожертвовать одним, чтобы спасти всех — законы мира! И этот закон не изменить, даже если очень постараться.

Достаточно вопросов! Хватит, хватит, глупое дитя...

Глава 2. В которой несчастная женщина становится совсем уж безумной

В то утро великий старейшина Герланд никуда не спешил. В конце концов, лишь раз в год приходил День Жертвоприношения — и ему нравилось наблюдать за этим немым шествием к проклятому дому, за мраком, скопившемся над головами народа. Он призывал старейшин следовать ролям — народ должен был увидеть, насколько всё это опасно и ярко.

Он осторожно провёл кистью по обвислым щекам, под глазами нарисовал тёмные круги. Проверил в зеркале зубы, чтобы убедиться, что между ними не застряла зелень. Зеркало ему нравилось — единственное во всём Протекторате. А Герланд, казалось, не мог радоваться чему-либо больше, чем обладанию некоего уникального предмета. Особенность доставляла ему удовольствие.

У Великого Старейшина было много уникального — хоть какая-то привилегия от его работы.

Протекторат — одни звали его Кэттейл-царством, другие — Гордом Печалей, — замер между коварным лесом и огромным болотом. У большинства людей не было за что жить. Матери рассказывали своим детям о славном будущем — не таком и хорошем, на самом деле, но это было лучше чем то, как жили они сами. Но в болоте весной было слишком много цветов Зирина — и летом, и осенью можно было отыскать их луковицы. А они обладали невообразимыми волшебными и лекарственными свойствами, а значит, их можно было собирать, готовить, как лекарство, и продавать тем, по другую сторону леса — а те переносили плоды болот в Свободные города, далеко-далеко. Ведь мало кто, кроме жителей Города Печалей, был готов войти в лес и сойти с тропы. Добираться сюда можно было только по Дороге.

Дороге, которой владели старейшины.

А это означало, что Великий Старейшина Герланд владел Дорогой — остальные значения не имели. Ведь старейшины принадлежат Богу... Как и сады, и дома, и рыночные площади, и даже те маленькие клумбы.

Вот почему семьи протектората выбирали обувь из тростника. Вот почему в трудные времена давали своим детям воду из Болота, надеясь, что бог даст им достаточно силы.

Вот почему и старейшины, и их семьи были здоровы и сильны, румяны от съеденной говядины, масла и пива.

В дверь постучали.

— Войдите, — выдохнул Великий Старейшина Герланд, одёргивая свою длинную мантию.

Это был Энтен, его племянник, которого Старейшина взял только тому, что в одну гадкую минуту слабости умудрился пообещать смехотворной матери мальчишки его воспитать. Но Энтен был довольно милым, хотя ему и исполнилось уже тринадцать, а ещё оказался трудолюбивым, так что учить его было легко. Он хорошо усвоил цифры, а ещё мог с лёгкостью смастерить удобную скамью для уставшего Старейшины, и мигнуть не успеешь.

И, вопреки всему, Герланд чувствовал, что в нём возросла необъяснимая, но сильная любовь к мальчишке...

Вот только...

У Энтена было много идей — и огромные мысли. А ещё вопросы. Герланд нахмурился. Энтен был... Как бы сказать правильно? Может быть, слишком сильным? Если так пойдёт и дальше, дойдёт до крови — и мысль об этом камнем лежала на душе Герланда.

— Дядюшка Герланд! — крик Энтена едва не оглушил старейшину.

— Уймись, малец! — огрызнулся тот. — Сегодня очень важный, торжественный день!

Мальчик, кажется, успокоился, и теперь его быстрые глаза уставились в землю. Старейшине даже пришлось сражаться с желанием погладить его по голове.

— Меня отправили, — уже чуть мягче промолвил он, — сказать, что остальные старейшины уже готовы, а у Дороги выстроилось население.

— Все до одного? Никто не пытался увильнуть?

— После того, что случилось в прошлом году, сомневаюсь, что кто-то осмелится не прийти, — содрогнулся Энтен.

— Жаль, — тяжело вздохнул Герланд. Он вновь посмотрелся в зеркало, провёл кончиками пальцев по линии румян. О, он с огромным удовольствием задал урок этим простолюдинам! В конце концов, от этого ситуация стала только в сто раз яснее. Он потянул за складку на подбородке и нахмурился. — Ну, племянник, — протянул он, шелестя своими мантиями, что, казалось, таких огромных и в мире не найти. — Пойдём.

Этот ребёнок, в конце концов, не собирался становиться жертвой — и вылетел на улицу, только там натолкнувшись на Энн.

Обычно день Жертвоприношения проходил со всей пышностью, со всем горем и важностью, на которую заслуживал. Детей отдавали без единого кривого слова. Их семьи словно немели, молча оплакивали их, прижимая к груди горшки с едой, относя их на кухни, эти жалкие подачки от утешителей-соседей, что пытались облегчить утрату.

Обычно никто не нарушал правил.

Вот только не сегодня.

Великий Старейшина Герланд нахмурился. Вопли матери доносились до него до той поры, пока процессия не свернула на самую последнюю улицу, и граждане как-то неловко переглядывались, топчась на месте.

Когда они прибыли в дом этой семьи, Совет Старейшин, кажется, замер на месте, узрев удивительное зрелище. Их у дверей повстречал мужчина с исцарапанным лицом, опухшей нижней губой, кровавыми залысинами на голове — кто-то целыми клоками выдирал его волосы. Он выдавил из себя улыбку, но язык инстинктивно тянулся к тому месту, где недавно был зуб, а поклон показался до ужаса неуклюжим.

— Простите, господа Старейшины, — наверное, он был отцом, — понятия не имею, что с нею случилось, словно одурела...

Женщина выскользнула к ним, когда Старейшины уже вошли в дом — и громко взвыла. Её блестящие чёрные волосы теперь казались извивающимися змеями, и она, как ядовитая гадюка, шипела и плевалась. Одной рукой она упёрлась в потолок, второй — прижимала маленького ребёнка к своей груди.

— Убирайся! — вырвался из груди крик. — Убирайтесь все до единого! Вы её не получите — иначе я плюну вам в лица и прокляну имена! Покиньте мой дом, иначе я вырву

ваши глаза и скормлю воронам!

Старейшины смотрели на неё, распахнув рты, не в силах поверить. За обречённых детей никогда не боролись — их просто отдавали, и всё.

И заплакал один лишь Энн, но сделал всё, что мог, чтобы взрослые этого заметить не смогли.

Герланд, понимая, в чём дело, заставил себя ласково улыбнуться. Он показал матери пустые ладони, показывая, что не желает вреда, и за улыбкой спрятал сжатые крепко зубы. Доброта казалась почти что убийственной.

— Ведь это не мы отбираем её, моя бедная, запутавшаяся девочка, — в голосе Герланда чувствовалась нежность. — Это ведьма её возжелала, а мы делаем то, что она нам приказывает.

Мать издала странный гортанный звук, напомнивший вдруг им всем сердитого медведя. Герланд опустил руку на плечо недоумённого, растерянного мужчины и нежно сжал.

— О, мой милый, ты действительно прав — твоя прекрасная, добрая жена и вовсе сошла с ума... — он делал всё, на что только был способен, чтобы только скрыть свой отчаянный гнев за обыкновенным беспокойством. — Редко такое бывает, но однажды, впрочем, всё же случилось. Мы должны проявить сострадание, ведь она нуждается в одной лишь заботе, а не в обвинениях...

— Ложь! — сплюнула женщина. Ребёнок зашёлся приступом плача, и женщина выпрямилась пуще прежнего, поднялась ещё выше по лестнице, на которой стояла, прислонилась спиной к склону крыши, словно пытаясь преподнести себя так, будто бы она могла и вправду оставаться здесь, вне досягаемости — и уберечь своего ребёнка. Дала ему грудь — и дитя тут же успокоилось.

— Если ты её заберёшь, — прорычала она, — я обязательно её отыщу — и заберу. Вы увидите, что я обязательно сделаю это!

— И посмотришь в лицо ведьмы? — рассмеялся Герланд. — И всё только ради твоей прихоти. О, бедная, потерянная душа! — его голос казался медовым, но в глазах пылали угли. — Горе заставило тебя потерять свою доброту, а шок разрушил скудное сознание, но это не имеет значение. Моя дорогая, мы сделаем всё, что сможем. Стража!

Он щёлкнул в комнату, давая сигнал войти вооружённым стражникам. Их всегда готовили отдельно, и этот отряд состоял из Сестёр Звёзд. На спине у них висели луки и колчаны со стрелами, в ножны на поясе были вложены короткие и острые мечи. Их длинные волосы были заплетены в косы до талии, словно в подтверждение долгих лет созерцания и боевой подготовки на вершине башни. Лица казались каменными, и старейшины, вопреки своей силой, тоже всегда отступали от них. Сёстры — пугающая сила, не те, с кем стоит шутить.

— Заберите дитя из рук сумасшедшей и проводите беднягу в Башню. Он посмотрел на выпрямившуюся, побледневшую вдруг мать. — Сёстры Звёзд знают, как собрать твои силы и исцелить ум, моя дорогая, и никогда не причинят тебе боль.

Охрана всегда была спокойной — и абсолютно беспощадной. У матери не осталось ни единого шанса. Спустя несколько мгновений её связали и утащили. Громкий крик эхом раздавался в тишине улиц, а после вдруг оборвался, стоило огромным деревянным воротам башни захлопнуться, запирая её внутри.

Младенец, которого передали Великому Старейшине, заплакал было, а после, казалось, всмотрелся в черты склонившегося над ним обрюзгшего лица, рассматривал все складки и

подбородок. Взгляд казался торжественным, даже спокойным и немного скептическим, и Герланд не мог заставить себя отвернуться. Чёрные волосики, чёрные глаза, кожа, будто сияющий янтарь, и родинка на лбу в виде полумесяца, равно как и у матери. Обычно люди говорили, что это особенные дети. Герланду не нравились особенные — и этот ребёнок, конечно, тоже не нравился, ведь граждане Протектората могли посчитать это дитя своей надёжной. Он наморщил лоб, нахмурился, надулся, но ребёнок в ответ только высунул язык.

Ну что за несносное дитя!

— Господа, — сказал он настолько церемонно, насколько только смог, — пришло время, — и именно в это мгновение ребёнку надо было оставить мокрое пятно на его одежде! Пришлось притвориться, будто бы он не чувствует этого тепла, но внутри всё кипело.

Она сделала это нарочно, старейшина в том не сомневался. Ну что за гадкое дитя!

Процессия всё же была привычно мрачной, медленно и невыносимо тяжёлой, и Герланду казалось, что он с ума сойдёт от нетерпения. Стоило только воротам Протектората закрыться за ними, стоило гражданам с их меланхоличными детьми скрыться в своих серых домишках, как старейшины ускорились, почти переходя на бег.

— Но почему мы так спешим, дядя? — полюбопытствовал Эnten.

— Тише, дитя! — прошипел Герланд. — Не отставай!

Никто не любил отходить далеко от дороги, будь то старейшина, будь то даже Герланд. За стенами Протектората, конечно, было безопасно, но все знали, что случится, если забрести слишком далеко, упасть в яму, наступить на глиняный горшок и вскипеть изнутри или блуждать целую вечность, никогда не возвращаясь домой... Лес — слишком опасное место.

Они шагали по извилистой тропе к маленькой ложине, окружённой пятью огромными деревьями, которых величали Ведьмиными Слугами. Или их шесть? Разве не пять? Герланд пересчитал в который раз — нет, шесть, то... Нет, это не имело значения, просто лес протягивал к нему свои лапы. А ведь деревья были столь же старыми, как и весь этот мир...

Внутри кольца поляна казалась на диво мягкой, покрытой мхом, и старейшины положили ребёнка ровно по центру, стараясь ни на что больше не смотреть, и на дитя тоже. Стоило только повернуться спиной и поспешить обратно к Протекторату, как самый младший из них смущённо откашлялся.

— Так мы просто оставим её здесь? — спросил Эnten. — Это так обычно всё происходит?

— Да, племянник, — раздражённо отозвался Герланд. — Именно так, — он почувствовал, как на плечи его упала необыкновенная волна усталости, а позвоночник словно собирался разрушиться на маленькие кусочки.

Эnten ущипнул себя за шею — что за дурацкая непобедимая привычка!

— Разве нам не стоит подождать того мига, когда придёт Ведьма?

Старейшины затихли, и молчание казалось воистину неловким.

— Опять придёт? — спросил вдруг Распин, самый старый среди всех них.

— Придёт, конечно, — голос Энтена зазвучал куда тише. — И нам следовало бы её дожидаться... — теперь слова было практически невозможно расслышать. — А что случится со всеми нами, если первыми придут дикие звери и унесут её отсюда?

Все остальные уставились на Великого Старейшину, зло поджимая губы.

— К счастью, племянник, — быстро ответил он, хватая мальчика под руку, — такого

никогда не случилось.

— Но... — Эnten в очередной раз ущипнул себя за шею, уже так сильно, что даже остался красноватый след.

— Ничего не случится, — повторил Герланд, положив на спину племянника руку и зашагав по проторенной тропе в разы быстрее.

Так, один за другим, Старейшины убегали прочь, покидая ребёнка.

Они оставляли его, и никто, кроме Энтена, не задавал вопрос, съедят ли ребёнка животные — разумеется, съедят.

Они оставили дитя там, зная, что ведьма не придёт. Потому что там никогда не было никакой ведьмы, просто полный опасностей лес, одна тонкая дорога и желание жить — а ещё старая страшилка, которой старики много поколений запугивали своих внучат. Ведьма — вера в ведьму, — для этих испуганных, покорных, послушных людей, что всю жизнь провели в странном печальном полудрёме, облачая все свои беды в красивые ведьминские одеяния, казалась самым настоящим спасением. Это казалось таким удобным для старейшин. Да, неприятно, но что поделать?

Пробираясь сквозь чащу, они слышали детское хныканье, но вскоре его сменил шум с болот, пение птиц, скрип деревьев по всему лесу. И каждый старейшина был совершенно уверен в том, что дитя не доживёт и до утра, что о нём никто больше никогда не услышит, никогда не увидит её, никогда о ней не вспомнит.

Они думали, что она пропала навсегда.

И, конечно же, они очень сильно ошибались.

Глава 3. В которой ведьма обретает ребёнка

Посреди леса таилось небольшое болото. На его поверхности вздувались согретые подземным, мирным вулканом пузырьки, покрытые тонкой пеленой слизи, цвет которой менялся от синеватого до кровавого в зависимости от времени года. Сейчас, когда близился в Протекторате день Жертвоприношения, день Ребёнка Звёзд, зелень понемногу приобретала голубые тона.

На краю болота, у самой линии камышей, пробившихся сквозь грязь и ил, стояла старуха и опиралась на причудливый посох. Она была низенькой, приземистой, горбатой. Седые косматые волосы были завязаны в тугий узел, из прядей выбивались на свободу цветы и листья. Лицо, вопреки досаде, всё ещё казалось улыбчивым, и старые глаза не утратили собственную яркость. Вот только с какой-то стороны она казалась огромной, доброй жабой.

Её звали Ксан. И она была Ведьмой.

— Как думаешь, возможно ли спрятаться от меня, смешное чудище? — обратилась она к болоту. — Ведь я знаю, где ты. Так что тут же возродись и извинись передо мною! — она попыталась нахмуриться, — иначе я тебя заставлю! — на самом деле над монстром у неё никакой власти не было, слишком уж велик его и её век. Она могла заставить его кашлять болотом, но вряд ли это так сильно его бы напугало. Ну, впрочем, могла бы лишиться дыхания одним жестом руки...

Она вновь попыталась нахмуриться.

— Я знаю, где ты!

Пузырями пошла болотистая вода, и на свет показалась огромная голова болотного чудища. Он моргнул — сначала одним глазом, потом другим, — а потом нагло закатил глаза.

— Не смей так смотреть на меня, юноша! — раздражённо одёрнула его старуха.

— Ведьма... — пробормотало чудище, всё ещё прячась в густых болотах. — Ведь я на много веков старше тебя — и даже твоей бабки и дед, — его широкие губы выдыхали воздух, оставляя поток пузырьков на поверхности болота. — Тысяча лет или больше? Кто бы знал.

— Мне совершенно не по душе твой наглый тон, — Ксан поджала свои огромные губы, казалось, скорее как юная девица, чем как старая, коварная ведьма.

Чудище раздражённо откашлялось, прочищая горло.

— Как однажды сказал один замечательный поэт, сударыня, "Я не позволю шлю..."

— Глерк! — ошеломлённо воскликнула она. — Попридержи-ка свой язык!

— Прощу прощения, — мягко протянул Глерк, хотя, казалось, совсем не от чистого сердца. Он упёрся обеими руками в грязный берег — и все семь пальцев каждой его руки плотно прижимались к болоту. Ворча, он выбрался на траву, несносно пачкая лес. Прежде делать это было куда проще, как вдруг подумалось ему... Впрочем, как на его огромный век, что он даже не помнил даты собственного рождения, это казалось вполне нормальным результатом.

— Вон, бедняжка, кричит, вытаращив глаза, — хмыкнула Ксан. Глерк только глубоко вздохнул. Ксан лишь упёрлась посохом в землю, и брызги искр рассыпались во все стороны, удивив, кажется, даже саму ведьму. — И как же ты чёрств... — она покачала головой. — А ведь это всего лишь ребёнок!

— Моя милая Ксан, — Глерк чувствовал, как гудело что-то у него в груди, и ему хотелось верить, что это звучало внушительно и драматично, а не будто во время простуды. — Это старше тебя! И пришло время...

— Ты знаешь, о чём идёт речь, не говоря уж о данном матери обязательстве!

— Пять сотен лет уже прошло, а кажется, ещё и пару десятков — и эти заблуждения, все эти кошмары ты подталкиваешь, возвращаешь, превращаешь в нечто истинное... Чем ты помогаешь миру? Ведь это не просто Огромный Дракон! А будет ли, ты думаешь? Неизвестно, есть ли вообще шанс! И в чём позор — быть прекрасным Крошечным Драконом! Ведь размер не всё на свете значит! Древний, почтённый вид, какими бы они ни были, и сколько существует великих мыслителей Семи Веков! Поверь, это уж точно повод для гордости.

— Мать выразилась очень ясно... — начала было Ксан, но чудище только быстрым жестом прервало её.

— В любом случае, давно уже известно о его наследии и о месте в этом мире! А я продержался куда дольше, чем вообще должен был это делать! Но сейчас... — все четыре лапы Глерка прижались к земле, и он наконец-то немного ослабил спину, позволив наконец-то своему тяжёлому хвосту обвить тело огромной, блестящей ракушкой, а животу провисать прямо над кривыми, сложенными ногами.

— Не знаю, моя дорогая, что — но что-то уж точно изменилось, — его влажное лицо помрачнело, стало хмурым, но Ксан только покачала головой.

— И мы вновь пришли к этому самому! — издевательски протянула она.

— О, как говорит поэт, когда изменилась Земля...

— О, чтоб этого проклятого поэта повесили! Извиняйся! Немедленно! Прямо сейчас, в эту же секунду! Ведь тебя, в конце концов, видят! На тебя смотрят! — Ксан взглянула на небо. — Пора лететь, мой дорогой. Я опаздываю, так что, давай, я на тебя рассчитываю.

Глерк рванулся к ведьме, и та похлопала его ладонью по щеке. Он мог, конечно, ходить на своих двух, но со старостью всё чаще предпочитал двигаться на всех шестерых своих лапах — или даже семи, если считать за лапу хвост... Или на пятерых, если одна из его передних лап тянулась к ароматному цветку, подносила его к носу... Или же он собирал камни, или наигрывал какую-то надоедливую мелодию на какой-то резной дудочке. Он прижал свой массивный лоб ко лбу Ксан.

— Прошу, будь осторожна, — промолвил он, и его голос звучал очень тревожно. — Слишком часто в последнее время меня посещают страшные сны. Ты уходишь — и мне страшно за тебя... — Ксан изогнула брови, а Глерк, загудев, отстранился. — Замечательно! — промолвил он. — Что ж, скажем другу нашему Фириану... Путь к Истине — в сердце, в котором живёт мечта, как говорят нам поэты...

— Да что за вздор! — выдохнула Ксан, прищёлкнула языком и поцеловала чудище. А после подпрыгнула вверх, рванулась вперёд, пропадая в густой зелени.

...Вопреки странным убеждениям людей Протектората, лес не был проклят, и магии в нём оказалось не так уж и много. Вот только он всё равно был опасен. Под лесом таился вулкан, огромный, широченный, очень хитрый... Он ворчал сквозь свой сон, выпускал воздух гейзерами. Сначала никто не думал о трещинах, пока те наконец-то не стали настолько глубокими, что и дна не увидеть... Там кипели целые ручьи грязи, сыпались земляные водопады, люди пропадали в глубоких ямах, туда же стекали воды, пролетая милю за милей. Сквозь дыры прорывались странные запахи, пепел сыпался белыми хлопьями, а ещё были дыры, что, казалось бы, совершенно ничего не демонстрировали людям — до той поры, пока ногти человека не синели вдруг от дурмана, а мир не крутился перед глазами.

Единственным местом, по которому безопасно было идти через лес, по крайней мере, обыкновенному человеку, оказалась Дорога, что тянулась по тонкой линии скалы, пусть и сгладившейся со временем. Дорога не менялась, не сдвигалась, и вулканов под нею не было. Вот только, жаль, управляли ею головорезы-хулиганы из Протектората, поэтому Ксан никогда не пользовалась ею. Терпеть не могла головорезов! И хулиганов. Слишком уж много обвинений сыпалось с их уст. По крайней мере, в прошлый раз, когда она решила проверить... С той поры столько лет прошло — столько веков! И она проделала свой путь, пользуясь магией и странным новшеством в виде здравого смысла.

По лесу ходить было нелегко, но это оказалось необходимым. Прямо возле Протектората её ждало дитя, дитя, чья жизнь зависела от её прихода, и дойти следовало вовремя.

Сколько ни помнила себя Ксан, каждый год в одно и то же время мать из Протектората обрекала своё дитя на смерть в лесу. Ксан не знала причины и не судила людей, но в тот же миг не собиралась позволить погибнуть несчастному младенцу. Именно по этой причине каждый год она отправлялась к тому кругу из сикоморов и забирала оттуда юное дарование Протектората, брала дитя на руки и несла на другую сторону леса, в один из Свободных городов, к которым и вела дорога. То были счастливые места, да и детей там очень любили.

Кривая тропа вела к стенам Протектората. Быстрые шаги Ксан стали более осторожными. Протекторат — то ещё местечко. Отвратительный воздух, гадкая вода, бесконечная скорбь, скользившая облаком над крышами домов. Она чувствовала, как это гадкое чувство отлагалось в её собственных костях отравой.

— Просто забери ребёнка и уходи, — повторила про себя Ксан эту ритуальную, ежегодную фразу.

Со временем она стала готовиться — то брала с собой одеяльце, сотканное из самой мягкой овечьей шерсти, для того, чтобы укутать младенца, согреть его, то прихватывала немного простыней, чтобы сменить мокрые пелёнки, хватала пару бутылочек коровьего молока, дабы накормить... Или козье. Когда оно заканчивалось — ведь поход был длинным, а молоко — слишком тяжёлым, — Ксан делала то, что могла сделать каждая разумная ведьма: однажды, когда стемнело достаточно, подняла руку и собрала свет звёзд, и с той поры каждый раз собирала шелковые нити паутинок сияния и кормила дитя. Каждая ведьма знала, что свет звёзд — это лучшая пища для крохотного младенца. В этом свете прячутся ловкость, талант, да та же магия, но дети ищут в ней просто пищу. Они полнеют, насыщаются, глазки их блестят.

Прошло не так уж и много времени, прежде чем Свободные Города принялись считать ежегодное прибытие Ведьмы чем-то вроде праздника. Детишек, что она привезла с собой, издалека было видно, и их кожа, их глаза изнутри светились звёздным светом, и их принимали за благословения. Ксан выбирала правильную семью каждому ребёнку, подбирая их характеры, даже чувство юмора, чтобы они оказались хорошим подспорьем для маленькой жизни, о которой она заботилась столь долго. И Звёздные дети — так их звали, — превращались из счастливых младенцев в добрых подростков, потом в любезных взрослых. Они были совершенными, щедрыми и богатыми, и умирали от старости в богатстве и достатке.

Когда Ксан прибыла в рощу, ребёнка ещё не было — слишком рано, да и она устала. Она подошла к одному из огромных деревьев и прислонилась к нему, судорожно вдыхая запах коры своим старым носом.

— Немножко сна — и мне станет намного лучше... — промолвила она. Да, чистая правда. Путешествие, что она совершила, было долгим и изнурительным, а то, что как раз она собиралась начать, оказалось ещё более долгим. И ещё более изнурительным. Так что следовало присесть и немножечко отдохнуть. Она часто так делала, надеясь обрести покой вдали от дома — и уже по привычке Ксан превратилась в огромное дерево, покрытое лишайниками, с широкими лапатыми листьями и крепкой корой, что напоминала кору платанов, что стояли на страже этой крохотной рощицы. И, только-только став деревом, она так и уснула.

Не слышала процессию.

Не слышала протестов Энтена, не слышала скорбного и смущённого молчания старейшин Совета, грубых криков и лжи Великого Старейшины Герланда.

Пока она спала, не могла слышать даже маленького ребёнка. Даже его хныканье. Даже его плач.

Но когда ребёнок завопил уже на полную силу, Ксан наконец-то очнулась и выбралась из пелены сна.

— О, пресветлые звёзды! — воскликнула она это своим резким, колючим, лиственным голосом, потому что всё ещё не превратилась обратно. — Я и не видела, как ты тут оказался!

Младенец, кажется, не особо впечатлился. Он всё ещё кричал и продолжал плакать. Лицо покраснело и казалось ну уж точно яростным, а крошечные ручонки сжались в кулачки, и родинка на лбу опасно потемнела.

— Одну минуточку, дорогая. Тётушка Ксан придёт так быстро, как только сможет!

Разумеется, она не солгала ребёнку. Трансформация — дело хитрое, даже для такой опытной ведьмы, как Ксан. Ветви её принялись втягиваться в ствол дерева, в позвоночник,

понемногу растворялись складки на коре, превращаясь в глубокие морщины.

Ксан потянулась за своим посохом, повела плечами, пытаясь избавиться от усталости в теле — сначала повернула голову вправо, потом влево. Она посмотрела на ребёнка, что немного утихомирился и теперь любовался на ведьму точно так же, как она любовалась на него — так спокойно, внимательно и тревожно. Тот самый пристальный взгляд, что пробивался в самую душу и, кажется, играл самой арфой в сознании человека. Это едва не испугало Ведьму.

— Бутылка, — Ксан попыталась не обращать внимания на треск своих костей. — Тебе срочно нужна бутылочка... — она принялась шарить по карманам в поисках бутылочки с козым молоком, что утешило бы голод младенца.

Громко топнула нога — и Ксан обратила маленький грибок в замечательный стул как раз ей по размеру. Она прижала ребёнка к своему животу и стала ждать. Полумесяц на лбу стал бордовым, а тёмные кудри отлично оттеняли девичьи глаза. Лицо сияло, будто драгоценный камень, и она так была довольна молоком, что тут же успокоилась, а пристальный взгляд теперь скользил по корням деревьев. Ксан только коротко хмыкнула.

— Чудненько. На меня так смотреть не стоит. Вернуть тебя туда, где ты была прежде, я не могу. Всё закончилось, так что позабудь об этом. Ну-ну, — дитя начало хныкать. — Не плачь! Тебе понравится то место, куда мы придём, как только я решу, в какой город тебя отвести. Они все прекрасны, и ты полюбишь свою новую семью. Уж я-то об этом позабочусь.

Вот только эти простые слова заставили сердце Ксан зануть, и её одолела печаль. Ребёнок оторвался от бутылочки, взирая на неё, но ведьма просто пожала плечами.

— О, не спрашивай меня, — вздохнула она, — ведь я понятия не имею, почему тебя оставили в лесу. Я и половины человеческих действий не понимаю, а на вторую могу только смиренно покачать головой. Но оставлять тебя здесь, конечно же, я совершенно не собираюсь. О, драгоценное дитя, нас впереди ждут очень важные дела!

"драгоценное" почему-то оцарапало горло Ксан. Она не понимала причин — только шумно выдохнула воздух и мягко улыбнулась девочке. Потом склонилась чуть ниже и прижалась губами ко лбу ребёнка. Она всегда целовала младенцев — по крайней мере, была в этом уверена. Дитя пахло хлебом и материнским молоком, и Ксан на мгновение прикрыла глаза, наслаждаясь запахом.

— Ну-ка, — протянула она, заставляя голос звучать ещё мягче, — давай-ка посмотрим на мир!

Устроив поудобнее ребёнка в одеяле, Ксан направилась в лес, насвистывая незатейливую мелодию.

И она отправилась бы прямо в Свободные города. Конечно же, она туда направлялась.

Но по пути оказался водопад, заинтересовавший ребёнка. И скалистая почва с особенно прекрасной водой. И ей вдруг показалось, что она сама хочет поведать всё этому ребёнку, спеть ему песню... И пока она пела, то шагала всё медленнее и медленнее. Ксан винила в этом свою старость, то, что спина сильно болела, что ребёнок был слишком неспокоен, но и сама знала, что всё это было настоящей ложью.

Ксан вновь остановилась — и вновь и вновь отворачивала одеяльце, чтобы посмотреть в эти глубокие чёрные глаза.

Каждый день Ксан уходила всё дальше и дальше от дома. Казалось, она блуждала кругами, не в силах шагать быстрее. Как правило, она шла через лес почти так же прямо, как

и по дороге, а теперь блуждала настоящими извилинами, словно ворвался в жизнь ветер и внёс беспорядок. А ночью, когда закончилось уже козье молоко, Ксан потянулась за паутиной из звёздного неба, и ребёнок вкусил истинную магию. И каждый глоток звезд делал глаза ребёнка всё темнее и темнее, и в глазах её терялись целые галактики.

На десятую ночь путешествия — этого обычно хватало, — она прошла лишь четверть пути. Луна росла каждую ночь, хотя Ксан не обращала на неё внимание, лишь потянулась привычно за звездным сиянием.

В звёздном сиянии, все знали, магия была. Но она оказалась такой хрупкой и рассеянной из-за огромных расстояний, превратилась в столь тонкие нити... Да, этого хватало, чтобы откормить ребёнка, чтобы он был здоровым и красивым, чтобы в сердце проснулось лучшее, что там только было, а ум и душа всегда гармонировали между собой. Да, этого хватало на прекрасное благословление, но не на магию.

Однако, был ещё лунный свет — совсем другой.

Лунный свет — кого угодно спроси! — был магическим.

Ксан от ребёнка не могла отвести глаз. Солнца и звёзды, и маленькие кометы... Пыль туманностей. Чёрные дыры и шлейфы, безграничные пространства... И огромная луна, большая, сверкающая...

Ксан потянулась к облакам. Она не смотрела на небо — она не заметила луну.

Может быть, она всё-таки заметила, как тяжёлый, физически ощутимый свет ударил её пальцы? Заметила, каким он был липким? Каким милым?

Она махнула пальцами над головой, а потом опустила руку, не в силах больше держать её так высоко.

Может быть, ощутит тяжесть силы на своём запястье? Но нет. Она вновь и вновь пыталась его почувствовать, но ничего не выходило.

А ребёнок съел. И не отрывался — а внезапно вздрогнул и вывернулся на руках Ксан, а потом выдал громкий вскрик. Очень громкий. А потом удовлетворённо вздохнул и тут же уснул, прижимаясь к ведьминой груди.

Ксан посмотрела на небо, чувствуя, как падает ей на лицо лунный свет.

— Боже мой! — прошептала она. Она и не заметила лунного света, сильной магии... Ребёнку хватило бы и одного глотка — а ведь девочка выпила много, много больше.

О, как же она жадна!

Так или иначе, было ясно — и луна сверкала над деревьями. Ребёнок переполнился магией, и в этом не было никаких сомнений. И теперь стало ещё сложнее, чем было прежде.

Ксан устроилась на земле, скрестила ноги и уложила на колени спящего ребёнка. Нельзя было её будить хотя бы пару часов. Ксан пробежалась пальцами по девичьим тёмным кудрям. Даже сейчас она чувствовала пульсирующую под кожей силу, чувствовала каждую ниточку лунного света, что наполняла её тело, её кости. Она на какое-то время стала до ужаса хрупкой — но, разумеется, не навсегда. Совсем ненадолго. Вот только Ксан помнила довольно много о волшебниках — и от них тоже, — что воспитали её когда-то давным-давно, когда она была ещё маленьким ребёнком, и пояснили, что не так уж и просто вырастить ребёнка-волшебника. Её учителя очень спешили, чтобы передать ей всё, что только успеют. И её хранитель, Зосим, не раз упоминал об этом в своих длинных рассказах, более того, казалось, до бесконечности говорил: "Дать ребёнку магию — это всё равно, что в руки младенца вложить меч, даровать ему столько власти, но не дать ни капельки здравого смысла! Ты разве не видишь, моя девочка, как нам трудно справиться с тобой?!"

И, разумеется, это была чистая правда. Дети, в жилах которых текла не кровь, но магия, были очень опасны. И, конечно же, такого ребёнка с кем попало — даже с самыми хорошими людьми, — она оставить просто не имела никакого права!

— Ну, любовь моя, — промолвила она наконец-то. — Разве ты не приносишь хлопот вдвое больше, чем обычные, нормальные дети?

Ребёнок громко вдохнул носом воздух. На напоминающих лепестки роз губках появилась несмелая, самая первая в жизни ребёнка улыбка. Ксан почувствовала, как громко, как гулко забилось её сердце, и она прижала младенца к своему сердцу.

— Луна, — прошептала она. — Тебя отныне зовут Луна, и я буду твоей бабушкой. Мы станем замечательной семьёй.

Как только она это произнесла, Ксан поняла, что это чистая правда. Слова струнами натянулись между ними, сильнее любой магии.

Она встала, положила ребёнка обратно в тёплые одеяла и начала свой долгий путь к дому, задаваясь вопросом, как, во имя всего святого, пояснит это Глерку.

Глава 4. В которой есть только сон

Сколько ж ты задаёшь вопросов!

Никто не знает, что на самом деле делает с детьми ведьма. Да никто и не спрашивал! Мы не можем, разве ты не понимаешь? Слишком больно...

Хорошо. Она их ест. Доволен?

Нет, я так не думаю. Мама мне говорила, что она поедает их души, и что эти бездушные тела бродят по земле, не в силах жить, не в силах умереть. Опустошённые глаза, опустошённое лицо, бесцельное блуждание по свету. Но не думаю, что и это правда. Мы б тогда их увидели, верно? Хотя бы одного, за все эти бесчисленные годы!

А бабушка рассказывала мне, что она держит их как рабов. Они живут в подвалах под её огромным дворцом в лесу и мешают болото в её огромных котлах, выполняют её приказы с утра до ночи. Но и это, думаю, ложь. Случись такое, кто-то из них уж точно бы сбежал. За все эти годы хоть кто-то нашёл бы выход и вернулся бы домой. Нет, не думаю, что они стали рабами.

На самом деле, мне кажется, там вообще ничего нет. Не о чем и думать.

Но порой я мечтаю... О твоём брате — он снится мне. Ему восемнадцать или девятнадцать. Я вижу этот сон — у него тёмные волосы, в глазах его сияют звёзды... Я представляю, как он улыбается мне, и всё сияет вокруг на много-много миль. А прошлой ночью мне снилось, что он ждал у дерева прихода девушки, звал её по имени и держал за руку, а сердце его колотилось, когда он её целовал!

Что? Нет, я не плачу... Зачем мне плакать, что за глупости!

Так или иначе, это был просто сон.

Глава 5. В которой чудище внезапно влюбляется

Глерк не одобряет — так он и сказал в первый день по прибытию ребёнка.

И повторил это на следующий день.

И на следующий.

И на следующий.

Ксан отказывалась слушать.

— Дети, младенцы, — раздавались песни Фириана. Он обрадовался. Крошечный дракон сидел на ветке прямо над дверью в дом Ксан, распахнув свои разноцветные крылья так широко, как мог, а ещё вытянув длинную шею. Голос его был громок, а ещё он ужасно фальшивил, и Глерк зажимал уши.

— Дети, дети, дети, дети! — продолжал Фириан. — Как же я люблю детей! — однако, прежде он никогда не встречался с ребёнком, по крайней мере, этого не помнил, но дракону это любить их не мешало.

С утра до ночи Фириан пел, Ксан суежилась у малышки, а Глерка всё так же никто и не слышал. Ко второй неделе жизнь их перевернулась с ног на голову — пелёнки-распашонки и детские наряды висели на верёвках и сушились, свежeweымытые бутылочки покоились на столах, была куплена новая коза (Глерк понятия не имел, откуда она взялась), и Ксан разделяла молоко на то, что пьют, и на то, из которого делают сыр и сливочное масло. А ещё весь пол был просто засыпан игрушками! Не один раз Глерк, опуская свою лапу на пол, внезапно выл от боли, наступив на что-то до жути твёрдое и колючее. Он внезапно обнаружил для себя, что привык выбираться из комнаты тихо-тихо, почти на когтях своих лап, чтобы не разбудить ребёнка, не напугать ребёнка, не замучить ребёнка своей поэзией.

К концу третьей недели у него вполне сложился образ этого маленького монстра.

— Ксан, — промолвил он. — Я настаиваю на том, чтобы ты не смела любить это дитя!

Старуха только громко фыркнула, но ничего не ответила.

Глерк нахмурился.

— Ну, я ведь совершенно серьёзно! Я запрещаю тебе это делать!

Ведьма только громко рассмеялась и, более того, этот несносный ребёнок рассмеялся вместе с нею! Они были какой-то замкнутой системой восхваления друг друга, и Глерк просто не мог этого вынести!

— Луна! — пропел Фириан, влетая через открытую дверь. Он порхал по комнате, издавая отвратительные птичьи звуки. — Луна! Луна! Луна!

— Да прекрати ты наконец-то! — воскликнул Глерк.

— Фириан, мой милый, не слушай его, — промолвила Ксан. — Детям нравится пение, это все знают! — ребёнок в ногах у неё замурчал, и Фириан пристроился на плече Ксан, продолжая напевать забавную песенку. Стало чуть лучше, но не так чтобы сильно.

Глерк расстроено вздохнул.

— Ты знаешь, что говорит поэт о том, как ведьмы растят детей? — спросил он.

— Мне абсолютно всё равно, что какой угодно поэт говорит о ведьмах и о младенцах, хотя я не сомневаюсь в том, что это очень проникновенно, — она оглянулась. — Глерк, не мог бы ты передать мне вон ту бутылку?

Ксан устроилась на дощатом полу, скрестив ноги, а ребёнок возился с её юбкой.

Глерк подошёл ближе, склонился над ребёнком и скептически осмотрел его. Дитя запихнуло в рот кулак, и теперь по пальцам стекала слюна, а вторая ладошка тыкала в чудище. Розовые губки девочки растянулись в широкую улыбку.

Она делала это нарочно, пыталась заставить его тоже улыбнуться в ответ! Она была совершенно очаровательна — что за злая, отвратительная хитрость! Что за дивный ребёнок!

Луна взвизгнула и пнула Глерка своей маленькой ножкой. Её глазки не отрывались от болотного монстра, и они сверкали, будто те звёзды.

Не надо влюбляться в этого ребёнка. Он должен быть строгим.

Глерк откашлялся.

— Поэт, — с выражением промолвил он, прищурившись и посмотрев на девочку, — ничего не говорил о ведьмах и детях!

— Ну, — вздохнула Ксан, прижимая свой нос к носу ребёнка и заставляя девочку смеяться — а та хихикала раз за разом. — Мне кажется, об этом нам беспокоиться уж точно не стоит. О, нет, нет, мы не будем этого делать! — её голос стал отчего-то слишком высоким, и она почти что напевала что-то себе под нос, и Глерк вынужденно в очередной раз закатил глаза.

— Моя милая Ксан, ты совершенно потеряла рассудок. Тебе не хватает здравого смысла!

— А тебе не хватает этого маленького ребёночка и заботы о нём! Это дитя, так или иначе, останется здесь и будет жить! Человеческие младенцы крохотны лишь миг, они взрослеют так быстро, как бьются крылышки колибри. Успей насладиться этим Глерк! Наслаждайся — или иди, — она не смотрела на него, когда произносила эту фразу, но Глерк чувствовал странную холодность и колкость, что буквально исходила от Колдуньи, и это едва ли не разбило его сердце.

— Ну, — промолвил Фириан. Но сидел на плече у Ксан и с интересом наблюдал за тем, как ребёнок возился по полу. — Она мне нравится.

Он не позволил подобраться слишком близко. Ксан ведь объясняла, что это для их общего блага. Переполненный магией ребёнок — это словно спящий вулкан энергии, тепла и магии, и он может стоять спокойно долгое время, а потом без предупреждения вспыхнуть. Ксан и Глерк были в целом не слишком восприимчивы к чарам (Ксан из-за своего ведьмовства, а Глерк — ибо был куда старше и магии, и детских шалостей) и не беспокоились об этом, но Фириан был довольно нежен, да и без того часто икал. А икал он, между прочим, пламенем.

— Не приближайся слишком, Фириан, родной. Посиди на плече у тёти Ксан.

Фириан спрятался за завесой волос старушки и наблюдал с ревностью и тоской за ребёнком.

— Я хочу с ней поиграть! — заныл он.

Поиграешь, — успокоила его Ксан, как только вручила ребёнку бутылочку. — Я просто хочу убедиться, что вы не причините друг другу вреда.

— Не причиню! — выдохнул Фириан, после вдохнул воздух. — Мне кажется, на ребёнка у меня аллергия.

— У тебя не аллергии на ребёнка! — воскликнул Глерк, когда Фириан чихнул огнём Ксан в голову. Та даже не содрогнулась, только мигнула, и пламя обратилось паром и пятном поднялось над её головой, а после осело на плечи.

— Ну, благословляю тебя, мой милый, — фыркнула Ксан. — Глерк, почему б и тебе не прогуляться с Фирианом?

— Ненавижу прогулки! — воскликнул Глерк, но Фириана с собой всё равно взял. Когда Глерк шагал, Фириан вился у него над головой, метался из стороны в сторону, вперёд и назад, носился за бабочками. Сначала он решил коллекционировать цветы, потом собирал их для ребёнка, но то икал, то чихал, каждый лепесток превратился в пепел, но он этого не замечал, только продолжал фонтанировать вопросами.

— А ребёнок будет таким гигантским, как ты и Ксан? — поинтересовался он. — О, там ведь много гигантов! Я имею в виду, в большом мире. Мире не здесь. Ах, как я хочу его увидеть! Мир, в котором все больше, чем я!

Бредовые заявления Фириана не утихали вопреки уверениям Глерка. Он был размером с голубя, но продолжал верить, что был куда типичнее человека, а самое главное, что должен находиться как можно дальше от людей, иначе станет причиной всемирной паники.

— Однажды наступит тот день и час, сын мой, — промолвил он, повторяя слова своей матери — она так говорила, погружаясь в вулкан, и мир изменился навсегда. — Однажды ты узнаешь свою истинную цель. И ты станешь огромным на этой прекрасной земле. Никогда не забывай об этом!

Фириан, кажется, уловил смысл этой фразы — огромный и безграничный. Не было сомнений в том, что так и будет, и Фириан напоминал себе об этом буквально каждый день.

И вот уж пять сотен лет как Глерк говорил ему что-то подобное.

— Ребёнок будет расти, как обычно это делает каждое нормальное дитя, сдаётся мне, — уклончиво ответил Глерк. И когда Фириан умолк, Глерк попытался вздремнуть, устроившись в болоте посреди лилий, и закрыл глаза, но так и не смог нормально задремать.

Воспитание ребёнка — с магией или без, — не проходило без проблем: безутешный плач, вечный насморк, одержимость — запихнуть в рот что помельче!

И шум.

— Ты можешь заставить её вести себя тише? — умолял Фириан, стоило только ребёнку перестать быть чем-то новым. Ксан, конечно, отказалась.

— Магия не должна подавлять волю другого человека, Фириан, — раз за разом повторяла Ксан. — Как я могу учить её не делать ничего подобного, и самой совершать? Это ведь лицемерие!

И даже тогда, когда Луна была довольна, тихой она не оказалась. Она напевала, она клокотала, она лепетала, она заливалась смехом, она кричала. Она постоянно издавала звуки, без конца! Во сне даже — и там бормотала!

Глерк сделал для Луны седло, что свисало с его плеч — когда он шагал на шестерых. Он ступал с нею по болотам, миновал мастерскую, развалины замка, возвращался обратно, а ещё постоянно декламировал стихи.

Нет, он всё ещё не собирался любить ребёнка.

— Из песчинки, — декламировало чудище, — родится свет и пространство, и время безмерное из зёрен песочных все вещи на свете пускает вспять!

Это был один из его любимых стихов. Ребёнок наблюдал, как он шёл, изучал его глаза, его уши, толстые губы и массивные челюсти. Она осмотрела каждую бородавку, каждую морщину, каждый кусочек слизи на его спине, удивлённо улыбаясь. Она засунула ему палец в ноздрю. Глерк чихнул, и девочка захихикала.

— Глерк! — но, вероятно, она ничего не промолвила, это была просто отрывка. Но Глерка это не волновало. Она произнесла его имя! И его сердце чуть не лопнуло в его груди.

Ксан ведь со своей стороны сделала всё возможное, чтобы не сказать, как это удалось — и её дело увенчалось удачей.

В первый год ни Ксан, ни Глерк не видели ни капли магии в ребёнке. Хотя нет, они всё ещё наблюдали за тем, как под кожей её перетекали океаны чар — и чувствовали это, впрочем, каждый раз, когда несли девчушку на руках, — и она всё ещё не позволяла неразрывной волне высвободиться.

В ночное время лунный и звёздный свет тянулся к ребёнку, затекал в её колыбель. Ксан завешивала окна тяжёлыми шторами, но каждый раз те распахивались, и во сне ребёнок пил лунный свет.

— Луна, — вздыхала Ксан, — всегда поразительна.

Но беспокойство оставалось — и магии становилось всё больше.

На второй год магии в Луне стало в два раза больше. Ксан это чувствовала. И Глерк. Но чары не вспыхнули.

Волшебные младенцы — дети опасные, как день за днём напоминал себе Глерк. Когда не держал Луну. Или пел Луне. Или шептал ей на ухо стихи, пока она спала. И спустя некоторое время, даже вопреки пыланию магии под кожей, она показалась ему обычной. Энергичный ребёнок. Любопытный. Озорной. Но с этим они справиться могли.

Лунный свет всё тянулся и тянулся к малышке, и Ксан решила, что хватит об этом беспокоиться.

На третий раз магии вновь стало в два раза больше. Ксан и Глерк этого не заметили. Они просто таскали ребёнка на руках — а тот всё исследовал, рылся всюду, царапал слова на книгах, бросался в коз яйцами, пытался заскочить на забор, однажды свалившись оттуда и сколов себе зуб... Она всё лазила по деревьям и пыталась ловить птиц, а иногда играла с Фирианом и заставляла его плакать.

— Поэзия поможет, — вздыхал Глерк. — И язык не даст ей стать зверем.

— Наука организует её разум, — отвечала Ксан. — Как ребёнок может быть непослушным, изучая звёзды?

— Я научу её математике, — обещал Фириан. — Она не сможет меня разыграть, если будет занята расчётом чисел до одного миллиона!

Именно так они взялись за образование Луны.

— В каждом ветре весна обещает... — шептал Глерк, пока Луна дремала зимой. — Каждое дерево спит, и мечты зеленеют бесплодными горами трав...

Волна за волной магия вспыхивала под её кожей, но не выходила за берега. Пока что не выходила.

Глава 6. В которой Энтен обретает новые проблемы

Первые пять лет, обучаясь у Старейшины, Энтен делал всё возможное, чтобы убедить себя в том, что в один прекрасный день работать станет много легче. Но нет — он ошибался.

Старейшина выкрикивал ему приказы во время заседаний Совета, когда часами обсуждал что-то. Ругал его, узрев на улице. Или, когда они сидели за пышным ужином в столовой матери... Они все увещивали его, когда он следовал за ними...

Энтен застывал на заднем плане, то и дело хмурясь.

Казалось, что б Энтен ни сделал, старейшины мрачнели от гнева и начинали кричать.

— Энтен! — кричали старцы. — Стань прямо!

— Энтен! Что ты сделал с декларациями?!

— Энтен! Сотри со своего лица этот жуткий взгляд!

— Энтен! Как ты мог забыть о закусках?

— Энтен! Что ты пролил на наши халаты?!

Казалось, не было вещи, которую Энтен мог сотворить правильно.

Да и в семье дела обстояли не лучше.

— Как ты можешь быть всё ещё на обучении у старейшин? — морила его ночь за ночью мать, отказываясь давать ужин. Иногда она швыряла ложку на стол, пугая слуг. — Мой брат обещал мне, что ты станешь Старейшиной! Обещал!

И она кипела, ворчала, пока младший брат Энтена, Вайн, не начинал плакать. Энтен был самым старшим в их небольшой семье по стандартам Протектората, состоявшей всего лишь из шести братьев, и с той поры, как умер их отец, мать не хотела ничего другого, кроме как убедиться в том, что каждый из её сыновей достиг самого лучшего, что только мог предложить Протекторат.

Потому что, в конце концов, кто должен это получить, если не её сыновья?!

— Дядя говорит, что для этого надо время, мама, — тихо ответил Энтен. Он усадил малыша на колени и покачивал его, пока ребёнок не успокоился. Он вытащил деревянную игрушку, вырезанную своими руками карманную ворону со спиральными глазами и погремушкой, спрятанной внутри, и восторженный мальчик тут же запихнул её в рот.

— Твой дядя может заставить сойти с ума кого угодно! — завывала она. — Мы заслужили эту честь! Ты заслужил, мой милый сын!

Энтен не был в этом так уверен.

Он извинился, уходя из-за стола, пробормотав, что ему надо работать, но на самом деле он планировал пробраться на кухню и помочь рабочим, а потом в сад — скрасить последние рабочие часы садоводов. Потом он отправился в сарай, вырезать из дерева... Энтену нравилось работать с ним — нежная красота зерна, утешительный запах опилок и масла... Мало что он любил больше — он вырезал до глубокой ночи, изо всех сил стараясь не думать о своей жизни. Приближалось следующее Жертвоприношение, и Энтену нужен был повод забыться.

Следующим утром Энтен надел свежий халат и задолго до рассвета отправился в зал Совета. Каждый день он читал жалобы граждан, запросы, нацарапанные мелом на огромной черепичной стене, оставлял те, что заслуживали внимания, а многие просто смывал.

— А что, если они все важны, дядя? — однажды спросил Энтейн Великого Старейшину?

— Такого быть не может! В любом случае, отказывая людям, мы делаем людям огромный подарок. Они учатся принимать в своей жизни хоть какие-то решения, узнают, что на самом деле всё на свете несущественно. Их дни продолжаются точно так же, как и должны, и облака продолжают окутывать небеса. Нет никаких лишних даров, больших, чем то, что мы способны дать им сейчас. Именно в эту секунду! И где мой жасминовый чай?

Потом Энтен проветривал комнаты, потом развешивал повестку дня, взбивал подушки для слишком костистых старейшин, распылял какие-то придуманные в лабораториях Сестёр Звёзд духи, чтобы у людей подкашивались колени, заплетался язык, появлялось чувство испуга и благодарности, и всё это одновременно, а после стоял в комнате, ждал слуг, властно приказывал им, что надо делать, и лишь тогда вешал одежду в шкаф и шёл в школу.

— А если у меня не получается говорить властно, дядя? — раз за разом спрашивал парень.

— Практика, племянник. Только практика.

Энтен медленно плёлся к школе, чтобы насладиться временными лучиками солнца. Было темно. Туман всегда цеплялся к городским стенам и улочкам, будто тот мох, и мало кто рисковал выходить так рано утром. А жаль, ведь, как думалось Энтену, им не хватало солнечного света. Но он поднимал голову и чувствовал минутный прилив надежды.

Он опустил глаза — взгляд неловко скользнул по чёрной башне, сложной, похожей по форме на странные галактики и дивные звёзды; маленькие, круглые окошки смотрели глазами наружу. Та мать — та сумасшедшая, — всё ещё там. Взаперти. Продолжает сходить

с ума. За пять лет в заключении она до сих пор не сумела выздороветь. И что-то в памяти Энтена всё ещё возвращало то дикое лицо, эти яркие чёрные глаза и пылающую почему-то бордовым кожу — а ещё родинку на её лбу. То, как она поднималась раз за разом всё выше и выше, то, как кричала, то, как сражалась. Он всё ещё не мог об этом забыть.

И не мог простить себе то, что случилось.

Энтен зажмурился и попытался отключить своё слишком уж яркое воображение.

Почему это должно длиться? Как же болит его сердце, показывая, что есть другой путь!

Разумеется, он первым прибыл в школу. Не было даже учителя. Он уселся на ступеньки, достал свой журнал. Тот был совсем-совсем школьным, но сие не имело значения. Его учитель настаивал на этом, называл "старейшиной Эntenом" хриплым, уставшим голосом, вопреки тому, что он ещё не был никаким старейшиной, а ещё никогда не получал высокие оценки, сколько б ни старался. Вероятно, он мог бы сделать что-то с этими пустыми страницами и наконец-то получить отметки получше. Эnten всё ещё продолжал стараться и трудиться. Он знал, что учитель просто ждал специального отношения к себе — но он не думал об этом. Всё рисовал собственный дизайн умного кабинета в доме, придумывал, как лучше было бы организовать садовые инструменты или придумать что-то с колёсами, чтобы можно было с лёгкостью повезти молоко в ведре, предназначенное для такого доброго главного садовника...

На его работу упала тень.

— Племянник, — важно проговорил Великий Старейшина.

Эnten слишком уж быстро вскинул голову.

— Дядя, — с трудом выдавил из себя он, поднимаясь на ноги и случайно уронив бумаги — те разлетелись по земле. Он поспешно собрал их, и Великий Старейшина Герланд раздражённо закатил глаза.

— Ну же, племянник, — шелестя своими одеждами, протянул Великий Старейшина, поманив парня за собой. — Нам с тобой нужно поговорить.

— А как же школа?

— Ну, школа — это дело отнюдь не первой необходимости! Цель её — развлечь тех, у кого нет пока достаточно сил, пока они не вырастут достаточно, чтобы трудиться на благо протектората. Люди твоего возраста и уровня — наставники, удивительно, вне границ моего понимания, как ты мог от этого отказаться! В любом случае, тебя будет не хватать...

И вправду. Будет не хватать. Эnten каждый день сидел сзади в классе, тихо работал и очень редко задавал вопросы. Особенно сейчас, когда единственный человек, что считал его хорошим или хотя бы не убеждал в обратном, присоединился к Сёстрам Звёзд. Её звали Эсин, и хотя Эnten никогда не сказал ей больше трёх слов подряд, он с каждым днём всё больше и больше надеялся, что она передумает и вернётся.

Прошёл уже год. Никто не оставляет Сестёр Звёзд. Никогда. Но, тем не менее, Эnten продолжал ждать и надеяться.

Он трусцой последовал за своим дядей.

Остальные Старейшины ещё не прибыли в зал Совета — вероятно, их не будет до полудня или даже до позднего вечера, — и Герланд приказал Эntenу сесть.

Великий Старейшина долго смотрел на него, и Эnten не мог прочесть ни одной его мысли. Сумасшествие? Ребёнок, оставленный в лесу, этот плач, что бил набатом им в спину? Кричащая мать? Как же она сражалась! И как же они немо и тихо уходили...

Это воспоминание каждый день пронзало Энтена, покрывая его душу ранами.

— Племянник, — наконец-то важно промолвил Старейшина. Он сложил руки пирамидкой, поднёс их к своим губам. Глубоко вдохнул воздух, и Эnten внезапно осознал, что лицо его дяди было поразительно бледным. — Вот, подходит очередной День Жертвоприношения...

— Я знаю, дядя, — голос Эntenа звучал очень тонко. — Пять дней. И... — он вздохнул. — Это никогда не ждёт...

— Тебя не было в прошлом году, ты не стоял рядом с остальными Старейшинами, потому что у тебя было что-то с ногой, верно?

Эnten вперил взгляд в землю.

— Да, дядя. И лихорадка.

— На следующий день она прекратилась?

— Слава Протекторату, — слабо промолвил он. — Свершилось чудо.

— А за год до этого, — продолжил Герланд, — у тебя случилась пневмония.

Эnten кивнул. Он знал, к чему всё это вело.

— А до этого в сарае случился пожар, верно? Славно, что никто не пострадал, и ты сам со всем справился. Сражался с огнём.

— Все остальные следовали по пути, — промолвил Эnten. — Никто такое не пропустит, так что я остался там один.

— В самом деле, — Великий Старейшина Герланд бросил на Эnten пристальный взгляд прищуренных глаз. — Молодой человек, — промолвил он, — сколько ты ещё думаешь так себя вести?!

Между ними застыла безмерная тишина.

Эnten вспомнил колечки чёрных локонов, обрамление ярких чёрных глаз. Вспомнил, как кричал ребёнок, оставленный один в лесу. Вспомнил, как тяжело стукнули двери башни, запирая за собой сумасшедшую мать — и содрогнулся.

— Дядя... — начал Эnten, но Герланд только отмахнулся от него.

— Послушай, племянник! Я был о тебе, куда лучшего мнения, предлагая подобное место. И сделал я это не из-за нескончаемых просьб и молитв моей дражайшей сестры, а от великой любви, что и была, что и есть у меня к тебе, сделал ради твоего драгоценного отца, почивай он в мире! Он очень хотел бы убедиться в том, что твой путь определён и обеспечен ещё до его смерти, и я не вправе отказать ему в подобном порыве. И то, что ты здесь, — на его лице проявились поразительно жёсткие черты, а после на миг лицо Герланда, привычно суровое, вдруг смягчилось, — было противоядием моей долгой глубокой печали. Я ценю это. Ты хороший мальчик, Эnten, и твой отец будет гордиться тобой.

Эnten облегчённо выдохнул, но лишь на мгновение — потому что Старейшина, махнув широкими полами своей мантии, резко поднялся на ноги.

— Но, — сказал он, и в маленькой комнате поразительно странно звучал его голос, — любовь моя к тебе достигает только до сего мгновения.

В голосе его звучал странный надлом. Глаза были широко распахнуты — и в них даже таились где-то в глубине слёзы. Беспокоился ли о нём его дядя? Нет. Разумеется, нет.

— Молодой человек, — продолжил дядя. — Это просто не может продолжаться. Остальные Старейшины шепчутся. Они, — он выдержал паузу, и голос зазвучал особенно сдавленно, а щёки покраснелись, — они совсем не рады. Моя защита велика, но, мой милый мальчик, она отнюдь не безгранична.

Зачем его защищать? Эnten всё задавался этим вопросом, всматриваясь в напряжённое

лицо своего дяди.

Великий Старейшина закрыл глаза и попытался унять рваное дыхание. Он жестом приказал племяннику встать, и его лицо вновь стало властным и самоуверенным.

— Ну что же, мой мальчик, пришло время возвращаться в школу. Мы будем ждать тебя, равно как и всегда, во второй половине дня, и мне хочется верить, что хотя бы одного человека ты сегодня заставишь пред собою пресмыкаться. Это отмело бы подозрения большинства Старейшин. Обещай мне, Эnten, что ты будешь стараться. Пожалуйста.

Эnten двинулся к двери, Великий Старейшина скользил за его спиной. Пожилой мужчина вскинул руку, возложил её мальчику на плечо — словно позволяя ему воспарить на мгновение, дать подумать, что он может считать его чем-то лучшим — а потом позволить рухнуть вниз со всей силой притяжения, на которую он только способен, этот мир.

— Я постараюсь, дядя, — промолвил Эnten, выходя за дверь. — Обещаю, я постараюсь.

— Думай о том, что ты делаешь, — шёпотом отозвался Великий Старейшина.

Пять дней спустя, когда Жертвоприношение прошло по городу, рванувшись к проклятому дому, Эnten был дома, страдал от боли в животе и вырывал свой обед. Или сказал так. Остальные Старейшины всю процессию ворчали. Ворчали, когда забирали ребёнка у податливых родителей, ворчали, спеша к платановой роще.

— У мальчишки будут дела, — бормотали они, и каждый точно знал, что это означало.

"О, Эnten, мой мальчик, мой милый мальчик! — думал Герланд, пока они шагали, и беспокойство сковывало его сердце, сжимало и сдавливало со всей силой. — Бедное, глупое дитя, что же ты наделал?!"

Глава 7. В которой волшебное дитя приносит в два раза больше бед

Когда Луне исполнилось пять, пять раз в ней удвоились чары, но оставались в ней, влились в её кости, в мышцы и в кровь. В самом деле, каждую клеточку её наполнила сила. Инертная, неиспользованная, но всё же невероятно могучая.

— Так больше не может продолжаться, — вздыхал Глерк, — чем больше в ней копится магии, тем больше выльется потом! — он корчил девочке рожи, вопреки своим словам, и Луна хохотала, словно сумасшедшая. — О, помяни мои слова! — он тщетно пытался быть серьёзным.

— О, ты не знаешь, — покачала головой Ксан. — Может быть, она никогда не вырвется на свободу, и плохо никогда не станет.

Вопреки её неустанной работе по поиску дома брошенным детям, Ксан испытывала глубокое отвращение к сложным вещам. И к печальным вещам. И к неприятным вещам. Она пыталась о подобном не думать, если, конечно, не могла это остановить. Она сидела с девочкой, пускала милые пузыри, красные и зелёные, творила волшебство, и цвета крутились на их поверхности. Девочка ловила их, каждый пузырёк рано или поздно касался её пальцев и рассыпался цветочными лепестками, или бабочками, или листьями деревьев. Она даже сотворила особенно большой пузырь, в котором крутились травинки.

— В мире столько красоты, Глерк! — вздыхала Ксан, — как можно думать о чём-то другом?

Глерк только покачал головой.

— И сколько это будет длиться, Ксан? — спросил он, но ведьма отказалась отвечать.

А потом он держал девочку на руках, напел ей колыбельную. Он чувствовал вес магии

на себе, он чувствовал пульс и волны магии, что бились в ребёнке, не находя верный путь к берегу.

Ведьма говорила, что ему просто померещилось.

Она настаивала на том, что сосредоточить усилия следовало на воспитании маленькой девочки, что сама по своей природе была самым настоящим клубком озорства, движения и бесконечного любопытства. Казалось, каждый день способности Луны нарушать правила как-то по-новому поражали всех, кто только её знал. Она пыталась седлать коз, чтобы кататься с гор, скакала по валунам в сторону сарая, катила их туда (говорила потом, что хотела всё украсить), пыталась научить кур летать, а однажды чуть не утонула в болоте (но, к счастью, её успешно спас Глерк). Она дала гусю эль, чтобы увидеть, как он будет смешно ходить (и это вправду того стоило), а ещё подсыпала перец в корм для коз, чтобы посмотреть, будут ли от этого козы прыгать (но они не прыгали, зато славно разрушили забор). Каждый лень она вынуждала Фириана творить что-то чудовищное, а ещё шутила над бедным дракончиком, и он страшно рыдал. Она поднималась, прятала, строила, ломала, писала на стенах и портила платья, когда их только-только ей давали. Её волосы завязывались узлами, нос вечно был измазан в чём-то, и она оставляла отпечатки ладоней всюду, где только находилась.

— А что ж будет, когда у неё появится магия? — раз за разом спрашивал Глерк. — Что ж она тогда станет творить?

Ксан старалась об этом не думать.

Ксан посещала Свободные Города дважды в год, один раз с Луной, один раз — без неё. Она не объясняла ребёнку цель собственного второго визита, не поведала ей о печальном городе по другую сторону леса, ни слова не проронила о младенцах, что оставляли на небольшой полянке, вероятно, только с целью убить их. В конце-концов она, разумеется, вынуждена будет рассказать девочке. Однажды, повторяла Ксан сама себе, она обязательно это сделает. Но не сейчас. Во-первых, это было слишком грустно, а, во-вторых, Луна казалась слишком маленькой для того, чтобы всё понять.

Когда Луне исполнилось пять, она в очередной раз отправилась в один из дальних Свободных Городов, в тот, что носил красивое название Обсидиан. И Ксан поняла, что оказалась с ребёнком, что тихо сидеть не будет. Ни за что.

— Барышня, вы тут же сбежите из этого дома и найдёте себе друзей, с которыми можно поиграть?!

— Бабушка, смотри! Шляпа! — и она залезла в миску, натянула тесто себе на голову и даже поправила, как заправская модница. — Шляпа, бабушка! Красивая шляпа!

— Это не шляпа, — возразила Ксан, — а кусок теста! — она находилась как раз в клубке магии. Учительница лежала на кухонном столе, спала, и Ксан прижимала к щекам юной женщины ладони, пытаясь сконцентрироваться. Учительница страдала от страшных головных болей, что, как обнаружила Ксан, были причиной новообразования в её мозгу. Ксан могла убрать его с помощью волшебства, кусочек за кусочком, но сделать это было трудно и опасно. Задание для умной ведьмы, но не было ведьмы умнее, чем Ксан.

Но работа всё ещё оставалась трудной, да ещё и куда сложнее, чем ей казалось. А ещё очень трудоёмкой. Ксан винила во всём старость. Её магия в эти дни так быстро истощалась, а потом её было так трудно пополнять! И как же она устала...

— Молодой человек, — обратилась Ксан к учительскому сыну, хорошему мальчишку

лет пятнадцати отроду, и кожа его будто бы светилась. Ещё одно Звёздное Дитя. — Прошу вас принять этого хлопотного ребёнка в своё распоряжение, вывести его на улицу и поиграть там наконец-то, чтобы я могла сосредоточиться на исцелении вашей матери, при этом не умудрившись попутно её убить, — мальчишка побледнел. — О, милый, я, разумеется, шучу, ведь со мной твоя матушка в полной безопасности! — и Ксан хотелось верить, что это правда.

Луна схватила мальчишку за руку, и её чёрные глаза засияли настоящими драгоценными камнями.

— Давай играть! — воскликнула она, и парень заулыбался. Он любил Луну, равно как и все остальные, и они, расхохотавшись, выбежали через дверь и растворились в лесу.

Позже, когда новообразование было удалено, а мозг учительницы зажил, и женщина спокойно уснула, Ксан почувствовала, что может наконец-то расслабиться. Взгляд её упал на чашу за прилавком. Чашу с тем самым тестом.

Но никакого теста там больше не было. Вместо него оказалась огромная, широкополая шляпа, с такими прекрасными изгибами — и это оказалась самая красивая шляпа из всех, что когда-либо видела Ксан.

— Ах, — прошептала ведьму, поднимая шляпу и чувствуя, как плескалось в ней волшебство. Синее с серебристым отливом. Лунная магия. — Ах, о мой боже...

Следующие два дня Ксан делала всё возможное, чтобы завершить свою работу в Свободных Городах столь же быстро, как только это было возможно. Луна, впрочем, в этом совсем не помогала. Она то и дело игралась с другими детьми, гонялась за ними, прыгала через заборы. Она надоумила остальных забраться с нею на огромное дерево, а потом на чердак сарая. А ещё плясала на соседских крышах. За нею они следовали всё выше и выше, но постоянно сопровождать не могли. Она словно парила над ветвями и танцевала на берёзовых листьях.

— Немедленно спуститесь вниз! — кричала колдунья.

Маленькая девочка только рассмеялась. Она скользнула к земле, прыгая с листа на лист, и другие дети благополучно следовали за нею. Ксан видела завитки волшебства, что вились лентами за её спиной. Синева на серебре, синева на серебре... Они спиралями растворились в воздухе — и замерли только на земле. Ксан подхватила ребёнка — и быстренько превратила всё в пыль.

Осёл превратился в игрушку.

Дом стал птицей.

Сарай внезапно оказался сделанным из леденцов и пряников.

Она понятия не имела, что творила, думалось Ксан. Магия лилась из девочки потоком, но Ксан никогда в жизни не видела её в таком огромном количестве. Она так легко могла навредить себе! И Ксан тащила её на руках, хотя старые кости стонали, и отменяла все заклинания, что натворила своенравная девочка.

— Ещё не время, — сказала колдунья, потирая ладони, и Луна соскочила на землю. Она никогда не вмешивалась в магию других. Никогда. Много лет назад, почти полтысячелетия, она пообещала своему опекуну, Зосиму, что никогда этого не сотворит. Но сейчас... Ксан всё спрашивала себя, что она творит, и думала, что, возможно, заболела.

Все дети замерли — а Луна захрипела, выплюнув целую лужу слюней на землю.

— Она в порядке? — спросил один из мальчишек.

Ксан подхватила Луну на руки, ощущая вес ребёнка на плече и прижимая собственную

морщинистую щёку к её гладким волосам.

— Она в порядке, дорогой, — промолвила она. — Видишь, уснула, так уснула... А вам, я уверена, надо заняться какой-нибудь работой по дому, — Ксан отвела Луну в дом мэра, где они в это время остановились.

Луна и вправду спала, и дыхание её было медленным и ровным. Родинка в форме полумесяца немного светилась. О, будто бы рождающаяся луна... Ксан гладила ребёнка по чёрным локонам, наматывала пряди на пальцы.

— Что я натворила? — спросила она себя вслух. Может быть, она упускала что-то важное. Она не думала о своём детстве — словно это могло помочь! Всё казалось слишком грустным, а горе было таким опасным, хотя она понятия не имела, почему.

Память была словно скользким мхом на неустойчивом склоне, и так легко поскользнуться и упасть с него. Да и пять сотен лет — это так много, попробуй только запомнить! Но теперь воспоминания сыпались на неё, воспоминания о добром старике и ветхом замке, о том, как учёные умирали за книгами, о том, как скорбно прощалась со всеми мать драконов. И ещё что-то. Что-то страшное. Ксан пыталась потянуться за воспоминаниями, но они сыпались вниз яркой лавиной гальки, мелькали на свету на какие-то мгновения, а после исчезали.

Было что-то, что она должна помнить, она была уверена в этом — если б только могла ещё выудить те мысли!

Глава 8. В которой в истории появляется капелька правды

Историю? Пусть. Я расскажу тебе одну историю, но тебе она не понравится. И она заставит тебя рыдать.

Когда-то давным-давно существовали хорошие маги и хорошие ведьмы, и они жили в замке в центре леса.

Разумеется, тогда лес был совсем не опасен! Мы знаем, кто ответственен за лесное проклятие... Это тот же человек, что ворует детей и травит воду! Но в те дни Протекторат процветал и был поразительно мудр! Для того, чтобы пересечь лес, никому не требовалась дорога, да и он был совсем другим... И ещё можно было отправиться в замок и обрести защиту, спросить совет.

Но однажды на спине дракона вырвалась из леса злая ведьма. Она носила чёрные ботинки да чёрную шляпу, а платье её было цвета крови, и она выплеснула свой гнев в небеса.

Да, дитя моё, это правдивая история. А какими ещё, по-твоему, они бывают?!

Когда она летела на своём проклятом драконе, земля грохотала и раскалывалась. Реки грязи тянулись по лесу, и озёра превращались в пар. И Буг, наш прекрасный Буг, стал токсичен, и люди умирали, не в силах получить воздух! Земля под замком вздулась, и она всё поднималась и поднималась, а из-под его подножия вырывались клубы пара.

— Это конец света! — рыдали люди. И так было бы, конечно, если б один хороший человек не встал против ведьмы.

Один из добрых мастеров замка — никто не помнит его имени, — увидел ведьму на её грозном драконе, увидел, как они мчались по разбитым землям. Он знал, что пытается сделать ведьма: она желала вытащить огонь из самого центра, из ядра, а потом развеять его пламенем по всей земле, будто бы ткань по столу. Она хотела затопить всех нас теплом, огнём и дымом!

Ну, разумеется, она хотела именно этого! И никто не знает, почему. Откуда? Она же ведьма. Ей не нужны причины, разумеется.

Да, это реальная история, разве ты не слышишь?!

И вот, этот храбрый маленький мастер, игнорируя опасность, что грозила ему, прыгнул в дым и пламя. Он подскочил в воздух и стащил ведьму с её дракона. Он бросил дракона в пылающую яму на земле, и тот стал для неё, словно пробкой в бутылке.

Но он не убил Ведьму, потому что ведьма убила его сама.

Вот почему никто не хочет быть храбрым. Храбрость ничего не защищает, она ни к чему не приводит. Она просто кого-то убивает. И именно потому мы не противостоям Ведьме. Потому что даже могучий волшебник для неё не ровня!

Я уже сотый раз повторяю, правда это, правда! А теперь хватит, и не отклоняйся от своих обязанностей, а то отправишься к ведьме и будешь иметь дело уже с ней самой!

Глава 9. В которой кое-что пошло не так

Путь домой был самой настоящей катастрофой.

— Бабушка! — закричала Луна. — Птичка, — и пенёк превратился в огромную, розовую, озадаченную птичку, что развалилась на земле, поджав свои крылья, словно шокированная собственным существованием.

О, разумеется, так и должно быть, рассуждала Ксан. Она превратила беднягу обратно в пенёк, когда ребёнок отвернулся, и даже сейчас чувствовала облегчение.

— Бабушка! — завопила Луна, забегая вперёд. — Торт! — и впереди внезапно прекратился поток, и вода обратилась в самые настоящие пироги.

— Ням-ням! — завопила Луна, хватая горстями крем и на лице оставляя следы от глазури.

Ксан подцепила её за пояс и потянула вверх по склону, по извилистой тропе, бормоча заклинания, чтобы вернуть всё так, как было.

— Бабушка! Бабочки!

— Бабушка! Пони!

— Бабушка! Ягоды!

Заклинание за заклинанием срывались с пальцев рук и ног Луны, били молниями из её глаз и тонкими струйками дыма вытекали из ушей. Её магия скользила и пульсировала в воздухе. И всё, что только Ксан могла сделать — это не отставать от неё.

В ночное время, когда она, истощённая, мостилась спать, Ксан мечтала о Зосиме, о мастере, что умер пять сотен лет назад. Во сне он рассказывал о чём-то важном, но его голос таился за грохотом вулкана. Она могла сосредоточиться только на его лице — он морщился и усыхал у неё на глазах, а его кожа падала вниз лепестками лилий и светилась в темноте.

Когда они вернулись в свой дом, расположенный у кратера спящего вулкана, спрятавшийся за пышным запахом болот, Глерк стоял на своих двух и ожидал их.

— Ксан! — воскликнул он, а Фириан затанцевал и завертелся в воздухе, завизжал новообразованную песенку о своей любви ко всему знакомому миру. — Кажется, наша девочка теперь что-то более сложное, чем прежде, — он видел, как и так, и сяк тянулось от неё нитями волшебство, как вилось оно вокруг верхушек деревьев. А ещё он отлично знал, что на таком огромном расстоянии он не мог завидеть магию Ксан, зелёную, мягкую, цепкую, будто бы лишайники, что льнули к дубу. Нет, это была синева на серебре, синева на

серебре... Магия Луны. Или луны, у которой она её однажды украла.

Ксан только быстро, уверенно от него отмахнулась.

— Ты и половины не знаешь! — тяжело выдохнула она, когда Луна помчалась по болотам, собирая ирисы и вдыхая их аромат. И стоило только девочке ступить шаг, каждый её след прорастал радужными цветами. Когда она оказалась в болоте, то скрутила из камыша себе лодку, вскочила на её борт и поплыла сквозь алые водоросли, что прорывались прямо сквозь воду. Фириан устроился на носу её судна, будто бы и не заметив, что что-то явно пошло не так.

Ксан положила руку Глерку на спину и прижалась к нему всем своим телом. Ещё никогда в жизни она не чувствовала себя до такой степени уставшей.

— Это займёт определённое время и потребует много работы, — промолвила она.

И, тяжело опираясь на посох, Ксан направилась к мастерскую, чтобы подготовить её к обучении Луны.

Казалось, это было неразрешимой задачей.

Ксан исполнилось десять, когда в ней впервые забурлила магия. До той поры она не умела колдовать, потому испугалась. И маги, что обучали её, были совсем другого рода. Один, оказалось, был гоним голодом печали. И когда Зосим спас её, привязал к себе, подарил свою верность и заботу, она была так благодарна ему, что была готова последовать каждому правилу, которое он только мог придумать.

Но с Луной всё оказалось совсем не так просто. Ведь ей было пять лет, а ещё она была просто поразительно, кошмарно упряма!

— Сиди спокойно, драгоценная! — раз за разом повторяла Ксан, пытаясь заставить девочку направить магию именно на свечу. — Надо смотреть в пламя, чтобы понять его, юная леди, а не летать по всему классу!

— Бабушка, я ворона, — кричала Луна. На самом деле, это было не совсем верно, она просто отрастила огромные чёрные крылья и носилась по комнате. — Карр! Карр! Карр! — вопила она.

Ксан поймала ребёнка на лету и вернула всё на место. Такое простое заклинание заставило колени Ксан подогнуться. Руки её задрожали, а зрение затуманилось.

Что с нею происходило? Ксан, по правде, понятия не имела.

Луна ничего не заметила. Она превратила книгу в голубя, оживила свои карандаши, а иголки под её руководством исполнили на столе сложный танец.

— Луна, остановись, — промолвила Ксан, накладывая на девочку простое блокирующее заклинание. Она думала, что простое — его хватило бы на час или на два. Но заклинание вывернуло её наизнанку, заставило Ксан задохнуться — и даже не сработало! Не задумываясь, Луна с лёгкостью сняла блок. Ксан устало рухнула на стул.

— Выйти на улицу и поиграй, моя дорогая, — промолвила женщина, чувствуя, как отчаянно трясётся её тело. — Но, пожалуйста, ничего не трогай, не используй магию...

— А что такое магия, бабушка? — спросила Луна, тут же выбежав на улицу. Ведь там были деревья, по которым можно взбираться, и лодки, которые можно строить. А ещё Ксан была совершенно уверена в том, что видела, как её дитя разговаривало с обыкновенным краном...

С каждым днём магия становилась всё непослушнее. Луна врезалась в столы и превращала их в воду одним касанием локтя. Она превращала во время сна свою простыню в лебедя — и тот натворил ужасный беспорядок! Камни она под собой заставляла

превращаться в жар. Её кожа становилась такой горячей, что у Ксан выступали волдыри, или такой холодной, что у Глерка появлялись следы обморожения, когда она обвивала его шею своими руками. А ещё, чтобы заставить Фириана упасть, она вынудила его крыло пропасть во время полёта! И Луна усккала вперёд, совершенно не подозревая о том, что натворила.

Ксан пыталась закрыть Луну в защитном пузыре, повторяя, что это забавная игра, в которую они играют, сдерживать её великолепную силу и не позволять ей бить ключом. Она создала пузырь вокруг Фириана, а ещё вокруг каждой козы, каждого цыплёнка, и даже один огромный вокруг дома, чтобы не позволить ему в один прекрасный момент просто взять и загореться. И пузырьки удерживались магией — пока наконец-то не сделали своё дело.

— А ещё, бабушка! — закричала Луна, гоняясь по камням и превращая свои следы в зелень растений и мрачные цветы. — Ещё пузырьки, ещё, ещё!

Никогда в своей жизни Ксан ещё не была истощена до такой меры.

— Возьми Фириана на южный кратер, — сказала Ксан Глерку спустя неделю изнурительного труда и бессонных ночей. Кожа её побледнела и стала тонкой, будто бумага.

Глерк покачал своей массивной головой.

— Я не могу оставить тебя, Ксан, — сказал он, когда Луна заставила крекер превратиться в огромного козла. Она вручила ему огромный кусище сахара, что появился у неё на ладони, а после забралась в новую лодку, чтобы можно было показаться. Глерк покачал головой. — Какое я имею право?

— Мне надо, чтобы вы были в безопасности, — выдохнула Ксан.

Болотный монстр только бодро пожал плечами.

— Магия на меня практически не влияет, — промолвил он, — ведь я старше, чем она сама.

Ксан поморщилась.

— Возможно, но я не знаю... Ведь у неё этого волшебства до такой степени много! А ещё она понятия не имеет, не представляет даже, что творит на самом деле! — её кости казались теперь тонкими и ломкими, а дыхание на самом деле буквально грохотало в груди, но она делала всё, что только могла, чтобы скрыть это от Глерка.

Ксан следовала за Луной и переходила с места на место, пытаясь отменить заклинание за заклинанием. У коз пропадали крылья. Яйца вновь становились булочками. Дом на дереве не плавал в наколдованном озере. А Луна всё поражалась и восхищалась. Она проводила свои дни, без конца хохоча, вздыхая и удивляясь. А ещё плясала, и там, где она танцевала, извергались фонтаны земли.

А Ксан в то время становилась раз за разом всё слабее и слабее...

Наконец-то Глерк не выдержал. Оставив Фириана на краю кратера, он спустился вниз в своё любимое болото. Погрузившись в мутную воду, он поплыл к Луне, что как раз стояла посреди двора.

— Глерк! — закричала она. — Я так рада тебя видеть! Ты так мил, как кролик!

И Глерк тут же стал кроликом. Пушистым, белым, с красными кроличьими глазами и коротким хвостиком. У него были длинные белые ресницы, длиннющие уши, а нос без конца подёргивался.

Луна в тот же миг заплакала.

Ксан выбежала из дома, пытаясь рассмотреть, почему плачет дитя, и та рассказала ей — но когда женщина взялась искать Глерка, тот уже ушёл. Он ускал, понятия не имея, кто он

таков или что он такое. Ведь он стал кроликообращённым! И пришлось потратить много часов, чтобы его отыскать.

Ксан опустила девочку вниз, и Луна внимательно смотрела на неё.

— Бабушка, ты выглядишь иначе...

И она говорила истинную правду. Её руки стали покрученными и покрылись пятнами. Она чувствовала, как лицо покрывали всё новые и новые морщины, как она отчаянно старела. И в это мгновение, сидя на солнце с Луной и кроликом, что когда-то был Глерком, а сейчас дрожал у неё на руках, Ксан чувствовала — волшебство лилось из Луны, равно как лунный свет тянулся к девочке, когда она ещё была совсем маленькой. А ещё волшебство вытекало из Ксан в Луну, и она всё старела, и старела, и старела...

— Луна, — промолвила Ксан, поглаживая кролика, — знаешь ли ты, кто это?

— Это Глерк, — сказала Луна, усадив кролика на колени и ласково погладив по ушам.

Ксан кивнула.

— А откуда ты знаешь, что это Глерк?

Луна только весело пожала плечами.

— Я видела Глерка, а потом он превратился в кролика.

— Ах, — вздохнула Ксан, — и почему же, ты думаешь, он стал кроликом.

Луна улыбнулась.

— Так ведь кролики просто замечательные, а он хотел сделать меня счастливой! Умный Глерк!

Ксан замерла.

— Но как, Луна? Как он мог стать кроликом? — она затаила дыхание. День казался таким тёплым, а воздух — влажным и сладким... И единственное, что они могли слышать, это нежный журчащий звук, что доносился их болота, и даже лесные птицы притихли, прислушиваясь к их разговору.

Луна нахмурилась.

— Не знаю. Просто превратился — и всё...

Ксан скрестила угловатые руки на груди.

— Вижу, — промолвила она. Она сосредоточилась на волшебстве, что таилось ещё в её груди, и внезапно заметила, как бедными были её запасы. Конечно, она могла заполнить пустоту в душе звёздным и лунным светом, ну, или ещё какой-то магией, что отыскала бы свободной, но знала, что это будет только временным решением.

Она посмотрела на Луну и прижалась губами ко лбу ребёнка.

— Спи, моя дорогая, а твоя бабушка должна кое-что узнать. Сон, сон, только сон...

И девочка уснула, а Ксан почти рассыпалась на маленькие кусочки, пытаясь сделать это. Но у неё не было времени — и она обратила внимание на Глерка, попыталась проанализировать структуру заклинания, что сделало его кроликом, и собрать по кусочкам.

— Почему мне так хочется моркови? — спросил Глерк. Ведьма рассказала, что да как, и его это совсем не позабавило.

— Даже не начинай! — оборвала его Ксан.

— Теперь уже мне нечего сказать, — вздохнул Глерк. — Мы оба её любим, она — наша семья, но что теперь?

Ксан поднялась на ноги, и суставы её скрипели и трещали, будто бы те ржавые шестерёнки

— Ненавижу, но придётся... Она опасна себе самой. Она опасна и для каждого из нас.

Ведь она ни малейшего представления не имеет, что творит, а я понятия не имею, как её научить. Не сейчас. Не в тот миг, когда она столь юна, столь импульсивна и такая... Луна.

Ксан поднялась, выпрямилась, и её плечи напряглись. Она сотворила пузырь и коконом обвила его вокруг девочки, добавляя всё больше и больше новых нитей.

— Она не сможет дышать! — встревожившись, воскликнул Глерк.

— Она и не должна, — вздохнула Ксан. — Теперь она в стазисе, и кокон сдержит её волшебство, — она закрыла глаза. — Зосим делал это. Со мной. Когда я была ребёнком. Наверное, причины были точно те же.

Лицо Глерка помрачнело. Он тяжело опустился на землю, свернулся калачиком, и его толстый хвост обвернулся от него, теперь послужив самой настоящей подушкой.

— Я помню. Всё и сразу.... — он покачал головой. — Почему я забыл об этом?

Ксан сжала свои морщинистые губы.

— Печаль очень опасна. Или была такова. Сейчас я об этом помнить не могу. Думаю, мы привыкли не возвращаться мыслями к тем временам... Оставляли всё в тумане, и только.

Глерк догадывался, что в этом было что-то куда большее, но не позволил себе проронить ни единого слова.

— Фириан спустится вниз, если будет ждать, — вздохнула Ксан. — Он не может оказаться в одиночестве на такое время... Знаешь, не думаю, что это важно, но, на всякий случай, не позволяй ему прикоснуться к Луне!

Глерк положил свою огромную лапу на плечо Ксан.

— А что же будешь делать ты?

— Я отправлюсь в старый замок, — ответила Ксан.

— Но... — Глерк уставился на неё. — Там ничего нет, только старые-старые камни!

— Я знаю, — кивнула Ксан. — Просто мне надо немного там постоять. В том месте. Там, где я в последний раз увидела Зосима, увидела мать Фириана, увидела всех остальных. Мне просто нужно всё это вспомнить, даже если мне столь грустно...

Тяжело опираясь на свой посох, Ксан поковыляла прочь.

— Мне многое нужно вспомнить, — пробормотала она. — Всё. И прямо сейчас.

Глава 10. В которой ведьма находит дверь... И воспоминания

Ксан вернулась на болото, потом зашагала вверх по склону, в сторону кратера, где поставила своё лицо небу. Тропа была создана из огромных плоских камней, вдавленных в землю, так близко друг к другу, что в швы между ними едва-едва пролез бы тонкий лист бумаги.

Просто уже много лет с той поры, как в последний раз Ксан шагала по этому маршруту. Целые столетия, если по правде! Она содрогнулась. Всё так поменялось. И всё ещё — нет...

Во дворе замка когда-то давно был круг из камней. Они окружали центральную, самую старую башню, будто те часовые, и замок закручивался вокруг неё, как змея, что кусает собственный хвост. Но сейчас башня исчезла, хотя Ксан понятия не имела, куда и почему, замок превратился в щебень, а камни разбросал вулкан или поглотило землетрясение — или, может быть, за века с ним справились огни и воды. Сейчас остался только один камень, и тот было трудно отыскать. Его окружили высокие травы сплошным толстым занавесом, а по поверхности медленно плёлся огромный плющ. Больше половины дня Ксан провела только пытаясь его отыскать, и как только сделала это, ещё целый час потратила на редкостную

каторгу — пыталась сорвать с него плетение плюща.

И когда она наконец-то добралась до самого камня, то была ужасно разочарована. Конечно, на его поверхности были вырезаны определённые слова. На каждой грани красовалось обыкновенное сообщение. Зосим сам вырезал их когда-то давно, тогда, когда она была ещё совсем маленьким ребёнком.

— Не забывай, — сказал он одной стороне камня.

— Я говорю об этом, — прошептал другой.

Что не забывать?

Что он имел в виду?

Она ни в чём не была уверена. Вопреки тому, что она вспомнила — он всегда любил говорить загадками. И его предположения, и его неопределённость были для него такими же ясными, что, как он полагал, все остальные должны были бы понять.

И спустя все эти годы Ксан вдруг вспомнила, каким же раздражающим он тогда ей казался.

— Ох, проклятье, человек! — выдохнула она.

Она подошла к камню, а после прислонилась лбом к тем словам, что когда-то вырезал Зосим своей рукой, словно он мог превратиться в её наставника.

— О, Зосим! — прошептала она, чувствуя прилив эмоций, которые не испытывала уже более пяти столетий. — Прости меня! Я забыла! Я не хотела этого, но....

Волна магии ударила её в грудь, и словно лавиной отбросила её назад. Она приземлилась, чувствуя, как противно хрустнули рёбра, а после вскинула голову и посмотрела на камень, раскрыв от удивления рот.

Камень был заколдован! Ну конечно же!

И она смотрела на то, как камень раскололся ровно посередине, как рассыпался на части, раскрылись его створки, словно огромные каменные двери.

Ксан не нравились каменные двери — но это были всё-таки они.

Камень всё ещё стоял — и дверной проём красовался на фоне голубого неба, но зато вход вёл в тусклый коридор, там, где в темноте пряталась огромная каменная лестница.

И в тот же миг Ксан вспомнила этот день. Ей было тринадцать лет, и она была крайне впечатлена собственной ведьминской сообразительностью. А её учитель, когда-то столь сильный и могущественный, таял у неё на глазах.

— Будь осторожна со своей печалью, — шептал он, уже тогда до такой степени старый. Он состоял из углов и костей, а кожа его была похожа на бумагу, такая тонкая-тонкая, вот-вот прорвётся, и столь хрупкая... — Твоё горе очень опасно. Не забывай о том, что оно всё ещё преследует тебя... — и в тот миг Ксан прогнала печаль. И свои воспоминания тоже. Она захоронила их до того глубоко, что теперь никогда не найдёт их — так она, по крайней мере, думала в тот миг.

Но теперь она вспомнила дворец — вспомнила! Вспомнила, как он был хрупок, как был странен... Вспомнила бессмысленные коридоры, бесконечных людей, что жили во дворце, не только мастеров и учёных, но и поваров, и книжников, и ассистентов... А ещё она вспомнила, как всех их разметало по лесу, когда произошло извержение вулкана. Она вспомнила вдруг, как на каждого из них сыпала защитными заклинаниями, как каждый пропадал, и как все молились звёздам, чтобы магия сработала, пока они убегали. Она помнила, как Зосим прятал дворец в каждом камне круга. Каждый камень становился дверью.

— Тот же самок, разные двери. Не забудь, правда.

— Никогда не забуду, — говорила она в тринадцать лет.

— Разумеется, забудешь, Ксан. Разве ты не понимаешь? — он был тогда настолько стар... Насколько? Да ведь он практически превратился в пыль! — но ты не волнуйся. Я выстроил заклинание. А теперь, если ты не возражаешь, моя дорогая... Я дорожил знаниями, равно как и ты, сетовал на тебя, и смеялся с тобой, и каждый день мы проводили с тобой вдвоём. Но это было в прошлом, а сейчас пришло время нам расстаться. Есть много тысяч людей, которых я должен защитить от извержения вулкана, и, надеюсь, ты однажды убедишься в том, насколько они будут мне благодарны, да, моя дорогая? — он печально покачал головой. — Ну и что я такое говорю? Разумеется, нет. Разумеется, ты не будешь этого делать... — и он просто покачал головой, и они с Огромным Драконом исчезли в страшном дыму, погружаясь в самое сердце горы, чтобы остановить извержение и заставить вулкан уснуть беспокойным сном.

И тогда они оба навсегда исчезли.

Ксан ничего не делала, чтобы восстановить его память или пояснить, что он сделал.

На самом деле, спустя год она едва-едва могла его вспомнить. Никогда не приходило в голову, что он оставил ей какую-то частичку себя, а потом ушёл по ту сторону завесы. Затерялся навеки в тумане.

Она заглянула в темноту скрытого замка. Кости её ныли, ум мчался вперёд.

Почему её воспоминания спрятались от неё? Зачем Зосим скрывал замок?

Она не знала, но была уверена в том, что сумеет отыскать ответ. Поэтому она трижды постучала о землю, пока света не стало достаточно, чтобы развеять затаившуюся впереди мглу, а после прошла сквозь каменные двери.

Глава 11. В которой ведьма находит решение

Ксан сгребла книги в охапку и потащила их из разрушенного замка в собственную мастерскую. Карты, книги, документы, журналы... Диаграммы. Рецепты. Литература. Девять дней она не спала, не ела. Всё ещё в коконе оставалась Луна. Время не шло. Она не дышала. Не думала. Она умолкла. И каждый раз, когда Глерк смотрел на неё, он чувствовал странную боль и удар от собственного сердца, а потом каждый раз проверял, не оставило ли оно след.

И, разумеется, ему не следовало удивляться в тот миг, когда он вдруг сознавал. Оставило. Да ещё и какие!

— Ты не можешь войти, — проговорила Ксан сквозь закрытую дверь. — Мне надо сосредоточиться, — а потом он слышал, как она там, внутри, без конца что-то бормотала.

Ночь за ночью Глерк заглядывал в окно мастерской, наблюдал за тем, как зажигала свечи Ксан, как просматривала сотни книг, оставляла заметки на свитке, и тот становился с каждым часом длинней и длинней. Она качала головой. Она шептала заклинания над свинцовыми ящиками, захлопывала дверцы, когда они были произнесены, усаживалась на крышку, чтобы удержаться, а потом осторожно открывала — и заглянула внутрь, осторожно вдохнула и покачала головой.

— Корица, — выдохнула она, наверное. — И соль. В заклинании слишком много ветра, — и записать.

Или это:

— Метан. Не слишком хорошо. Может случайно взорваться... А ещё воспламенение! Ох,

это даже больше, чем мне казалось...

Или:

— Это сера? Боже. Женщина, что ты такое творишь?! Ты хочешь убить бедное дитя? — и она что-то черкала в собственном списке.

— Тётушка Ксан сошла с ума? — спросил Фириан.

— Нет, мой друг, — ответил ему Глерк. — Но она оказалась внезапно там, где не ожидала... Она ведь не привыкла делать что-то, не будучи с точностью уверенной в результате. И это оказалось для неё таким страшным... О, знаешь, как об этом говорит поэт? Дурак, отрываясь от твёрдой земли, с вершины спускаясь, от ясной звезды, и падая в мир, в черноту... Учёный, что свитка лишён и пера, роняет тома и тома — и может ответ обрётённый упасть, пока...

— Это настоящая поэма? — перебил его вдруг Фириан.

— Разумеется, это настоящая поэма! — фыркнул немного возмущённо Глерк.

— Но кто ж тогда написал её, Глерк?

Чудовище только молча прикрыло глаза.

— О! Это написал поэт. Буг. И немножко я. Это ведь одно и то же, как тебе известно...

Но он не мог объяснить толком, что на самом деле и вовсе имел в виду.

Наконец-то Ксан открыла двери мастерской настежь, и на лице её застыло выражение мрачного, но всё-таки удовлетворения.

— Видишь, — сообщила она крайне скептически настроенному Глерку, рисуя на земле большой круг цветным мелом, но оставляя его открытым, чтобы можно было пройти. Она расставила целых тринадцать меток на ровном расстоянии одну от другой, а потом воспользовалась ими, как точками для соединения в одну тринадцати лучевую звезду. — В конце концов, всё, что мы делаем, закрыто на времени. И каждый день, как видишь, идёт по определённом, давно уже выстроенному ещё до нас алгоритму. Ты ведь замечал это, верно?

Глерк покачал головой. На самом деле, ничего подобного он никогда не отмечал ни про себя, ни вслух.

Ксан продолжала трудиться, оставаясь всё такой же аккуратной, пытаясь делать всё как можно упорядоченней.

— Это тринадцатилетний цикл. Так ведут себя заклинания. И думаю, в нашем случае, весь механизм синхронизируется с её собственной биологией. Ей уже пять — так что часы устанавливаются на пять и угаснут, когда ей исполнится тринадцать.

Глерк прищурился. Всё это не имело для него совершенно никакого смысла. Конечно, сама магия для болотного монстра казалась своего рода нонсенсом. Ведь не было никакой магии в той песне, что однажды создала мир, она пришла куда позже, с лунным, со звёздным сиянием. Именно потому магия казалась ему разрушительной, эдакой незваной гостьей. И именно по этой причине Глерк всегда предпочитал исключительно поэзию.

— Я воспользуюсь точно тем же принципом, что и в этом защитном коконе, в котором она спит. Только теперь магия будет храниться внутри не какой-то стеклянной пластины, а внутри её самой. Прямо в её разуме, за центром, у лобных долей. Я могу сдерживать её и сделать такой крошечной, будто бы маленькая зернинка самого обыкновенного песка. Всё, что только поймаю — всё превратится в песок. Можешь себе представить?

Глерк ничего не сказал, просто смотрел на недвижимого ребёнка.

— Это не... — начал он, и голос звучал поразительно сипло. Он откашлялся и заговорил

вновь. — А разве это всё не испортит? Ну, мне кажется, что мне всё-таки нравится её мозг, и мне хотелось бы увидеть его целым и невредимым...

— О, что за глупая болтовня! — отмахнулась от него раздражённо Ксан. — На самом деле, с её мозгом всё будет просто прекрасно! Ну, по крайней мере, я уверена в том, что это будет достаточно хорошо... В некоторой мере...

— Ксан!

— Ну, да я ведь просто шучу! Разумеется, с нею всё будет в порядке. Просто это даст мне немного времени, чтобы убедиться, что у неё появился определённый здравый смысл, и тогда получится разобраться, что делать с её магией, когда та опять потеряет определённый контроль. Она должна быть образованной, должна прочесть все эти книги, понимать движение звёзд, происхождение Вселенной и то, почему надо быть доброй. Должна разбираться в математике и в поэзии, должна задавать вопросы! А самое главное, должна стремиться к пониманию! Понимать законы, причины и следствия, определённые последствия от каждого действия... Должна научиться состраданию, любопытству и страху! Всеми этому! Мы должны наставлять её Глерк — все мы, все трое. Это огромная ответственность!

Воздух в комнате словно потяжелел. Ксан откашлялась, завершая последнюю линию тринадцати пятиконечных звёзд. Даже Глерк, которого обычно всё это не трогало, казалось, сходил с ума от подкатившей к горлу тошноты.

— А что будет с тобой? — спросил Глерк. — Это остановит то, что вытягивает из тебя магию?

Ксан только весело пожала плечами.

— Что ж, я полагаю, это будет постепенно замедляться, — она поджала губы. — Возможно, пойдёт по маленьким кусочком... Ну, а когда ей наконец-то исполнится тринадцать, всё сразу вытечет. Уйдёт. Больше никакой магии! И я окажусь самым настоящим пустым сосудом, и ничего не будет, что заставит эти кости немного держаться кучи. А потом я отойду, — голос Ксан казался тихим и гладким, будто бы поверхность болота, и таким же прекрасным, как и оно. Глерк ощутил боль в груди, и Ксан попыталась улыбнуться. — Тем не менее, если б у меня был выбор — оставить её сиротой и научить чему-то... Мне кажется, надо правильно воспитать её. Подготовить. И лучше, когда всё уходит сразу, а не вытекает по капле, как то было с несчастным Зосимом.

— Смерть всегда внезапна, — промолвил Глерк, чувствуя, как сильно рвутся на свободу слёзы. — Даже если это на самом деле не так, — ему хотелось обхватить Ксан своими тремя, четырьмя лапами, но он знал, что ведьма не устоит, поэтому только поближе подтянул к себе Луну, когда Ксан взялась распутывать волшебный кокон. Маленькая девочка бормотала что-то себе под нос, прижималась сладко во сне к его холодной и влажной груди. Волосы её сверкали, как чёрные небеса, а сон казался невообразимо глубоким. Глерк посмотрел на фигуру на земле — для него всё ещё был открыт проход, чтобы пройти с девочкой. А после того, как Луна окажется на месте, а Глерк покинет меловой круг, Ксан завершит его и начнёт плести своё заклинание.

Но он колебался.

— Ты уверена, Ксан? — спросил он. — Ты абсолютно уверена в том, что делаешь?

— Да. Если я всё правильно сделаю, предполагаю, магия проснётся на её тринадцатый день рождения. Разумеется, точного дня мы не знаем, но можем предположить. Именно тогда она станет ведьмой. И именно тогда я отойду в мир иной. Хватит. Я и так уже

пережила всех, кого только можно, и длительность моей жизни становится абсолютно неразумной. Мне хотелось бы, чтобы всё стало на свои места. Ну, вперёд. Давай приступим!

Внезапно почувствовался запах молока, потом — свежесдобитого хлеба, а после примешалось к нему множество ароматов — и острые специи, и кожура яблок, и даже влажные волосы. А после внезапно запахло мыльной кожей, а потом — свежим горным бассейном... И примешалось что-то новое, какой-то тёмный, странный землистый запах.

И Луна закричала, правда, всего лишь один-единственный раз.

Глерк почувствовал, как в его сердце словно появилась глубокая и страшная трещина, тонкая, будто бы эту линию просто провели карандашом, но какая же болезненная! Он прижал все четыре собственные руки к груди, пытаясь удержать его и не дать вырваться на свободу.

Глава 12. В которой ребёнок узнает о Буге

Нет, дитя моё! Ведьмин дом — это совсем даже не болото! Как вообще можно было подобное сказать! Все хорошие вещи происходят именно на болоте! А где ещё мы собираем стебли Зирина, и цветы Зирина, и луковицы Зирина? Где б ещё мне найти камыши, и находила бы всё это, что так охотно ты ешь — эта рыба для твоего обеда, утиные яйца и даже жабья икра на завтрак? И, к тому же, если б не было Буга, твои родители никогда не нашли бы работу, и ты голодал бы всю свою жизнь!

К тому же, живи колдунья на болотах, мы бы обязательно столкнулись...

Ну нет же! Разумеется, весь Буг никому не обойти... И мне тоже! Ведь Буг охватывает добрую половину мира, а вторую занимает лес. Все прекрасно об этом знает.

Но если бы ведьма жила там, в болоте, то мне бы повстречались следы её проклятых стоп. И удалось бы услышать шёпот её имени от камышей. Живи ведьма в болоте, оно бы выкашляло её, равно как умирающий выкашливает собственную жизнь!

И, к тому же, Буг нас любит... И всегда любил! Ведь мир был создан именно из болота. Каждая гора, каждое дерево, каждая скала и каждый зверь, даже каждое насекомое. Да что там — сам ветер родился на болоте!

О, конечно, ты прекрасно знаешь эту историю. Да все хорошо её знают!

Пусть. Я скажу, если тебе надо услышать об этом ещё раз.

...Изначально был только Буг — болото и Буг. Никаких людей. Никакой рыбы. Ни единой птички, ни единого зверя, ни горы, ни дерева, ни кусочка небес.

Болото было всем — и всё было болотом.

Всё зло бежало из болота из одной реальности в другую. Оно изгибалось и плясало во времени. Не было ни слов, ни учения, ни музыки, ни поэзии, ни даже мысли! Только дышал Буг, огромное и чуждое болото, и содрогался, и постоянно сопровождал его тихую песню бесконечный шорох камыша.

Но Буг был поразительно одинок. Ему хотелось получить зоркие глаза, с помощью которых он мог бы увидеть весь этот мир. Ему хотелось обладать сильной, могучей спиной, что переносила бы его с места на место. Ему хотелось иметь ноги, чтобы ходить, и руки, чтобы касаться ко всему, а ещё хотелось иметь рот, чтобы суметь спеть настоящую песенку.

И именно потому Буг создал Чудище: огромного зверя, что вышел из болота на своих сильных ногах. Чудище было Бугом, и Буг был чудищем. Чудище любило Буга, и Буг любил

чудище, равно как человек любит своё отражение в тихой воде застоявшегося пруда, и смотрел на него с такой же нежностью. Он чувствовал, как любовь буквально лилась на свободу. И чудищу хотелось получить слова, чтобы объяснить свои чувства.

Так появились слова.

А ещё Чудищу захотелось, чтобы слова подходили друг другу по значению и по звучанию. Он раскрыл рот — и сотворил первое стихотворение.

— Круглый и жёлтый, жёлтый и круглый... — пробормотало чудище, и родилось солнце, зависнув у них над головой.

— Синий, белый, чёрный, серый, на рассвете — цвета взрыв! — пропело чудище, и родилось небо.

— Скрип и зелень, шелест, шёпот, зелень, радость, радость, зелень... — пело чудище, и появились леса.

Всё, что ты видишь, всё, что ты знаешь, сотворило болото. Болото любит нас, а мы любим его.

Ведьма, что живёт в болоте? О, прошу тебя! Большей глупости вовек не слышать!

Глава 13. В которой Эnten приходит в гости

Сёстры Звёзд всегда заводили себе подмастерье, и всегда — молодого мальчишку. На самом деле, подмастерьем он не был — скорее уж обслугой. Они нанимали его, когда ему было девять лет, и держали, пока не выдыхали ему свой приговор.

Каждый раз каждый мальчишка получал один и тот же приговор.

— У нас были такие огромные надежды! — отвечали ему. — Но он так разочаровал нас...

Некоторые мальчишки служили неделю, некоторые продержались целых две. Эnten знал одного из школы, что сумел провести там всего лишь один день. Большинство из них выпроваживали в лет двенадцать-одиннадцать, когда они уже начинали осваиваться. После того, как им становилось известно, что там, в высокой башне, прячутся знания, как только испытывали жажду к нему, их сразу отпускали.

Эntenу было двенадцать, когда он получил свой тот самый день, на следующий миг после того, как ему — после стольких лет прощения! — дали привилегию посещать библиотеку. Это оказалось сокрушительным ударом.

Сёстры Звёзд жили в башне, в огромной и массивной, что умела сама отводить от себя посторонние взгляды и сводить с ума. Башня стояла в самом центре Протектората и бросала тень на весь город.

Сёстры хранили свои библиотеки, и склады, и оружие в бесконечных подземных коридорах. Там были комнаты для трав, и комнаты для боёв, и комнаты для сражений... Сёстры были искусными во всех известных языках, в астрономии и в ядах, в танцах и в металлургии, в боевых искусствах и в творчестве, а ещё в тонкостях жизни наёмников. Надземные комнаты были обыкновенными жилищами сестёр, всего три комнаты — места для встречи, — а ещё непроницаемые тюремные камеры оказались здесь, пыточные и небеса обсерватория. И связывались они странной сетью угловатых коридоров и бесконечных лестниц, что, казалось, закручивались одна вокруг другой в этом огромном здании, от глубин и до самого-самого верха. И если кто-то был достаточно глуп, чтобы пойти сюда без особого разрешения, то много дней мог блуждать внутри, так и не сумев сыскать выход.

За долгие годы в башне Эnten наслушался ворчания сестёр в их тренировочных комнатах, а ещё он мог слышать рыдания из тюремных комнат и пыточных камер, и слышал, как сёстры устраивали очередные жаркие дискуссии о звёздах и о том, из чего состоят луковицы Зирина, а иногда даже прислушивался к их спорам относительно смысла той или иной поэмы. И пение сестёр он слышал, и то, как они мололи муку, перебирали травы и точили ножи. Он научился выполнять приказы, очищать уборные, сервировать столы, подавать замечательный обед, и стал почти что мастером изобразительного искусства по части нарезания хлеба. Он изучил требования к каждой чашечке чая и к тонкости подаваемого бутерброда, привык стоять неподвижно в углу комнаты и прислушиваться к тихому разговору, запоминая каждую деталь, но никогда не позволяя говорившим понять, что он и вовсе присутствовал здесь. Сестры довольно часто хвалили его в те времена, пока он был в башне, радовались тому, как он быстро и стремительно писал, насколько был вежлив. Но этого оказалось недостаточно. На самом деле, совершенно. Чем больше он узнавал, тем больше понимал, сколько ускользало. Знания таились в пыльных томах на полках библиотек, и Эnten жаждал заполучить буквально каждую из них. Но ему не было позволено. Он работал. Он делал всё, что мог — и старался не думать о книгах.

Тем не менее, однажды он вернулся в свою комнату и обнаружил, что его вещи уже были упакованы. Сестры приколотили записку к его рубашки, отправляя домой, к матери.

"У нас были большие надежды, — вещала записка, — но он разочаровал нас".

Он их никогда не разочаровывал.

И теперь, будучи Старейшиной в обучении, он должен был находиться в зале Совета, готовиться к ежедневным слушаньям, но не мог. Оправдавшись вновь, почему пропал на день Жертвоприношения, Эnten заметил отчётливую разницу в отношении к нему Старейшин. Они бормотали всё больше. Бросали на него косые взгляды. А дядя, что хуже, отказывался и вовсе смотреть на него!

Он не подступал к башне с момента своего ученичества, но теперь Эnten чувствовал, что пришло время посетить сестёр, что стали для него семьёй на короткое время, хоть странной, сдержанной и убийственной по общему мнению, но всё ещё семьёй. Он повторял про себя это, когда дошёл до дубовой двери и постучал.

Разумеется, была ещё одна причина — но Эnten едва ли мог признаться в этом самому себе и постоянно собирался.

Ответил его младший брат, Рук. Как обычно, с насморком, и волосы его немного отрасли — но ведь Эnten в последний раз видел его больше года назад.

— Ты здесь, чтобы забрать меня домой? — в голосе Рука смешались надежда и стыд. — Я тоже их разочаровал?

— Рад видеть тебя, Рук, — Эnten потрепал брата по голове, словно он был просто милой собачонкой. — Но нет. Ведь ты здесь только год, и у тебя ещё много времени, чтобы в самом деле их разочаровать. Есть ли сестра Игнатия? Я хотел бы поговорить с нею.

Рук содрогнулся, и Эnten не мог винить его в этом. Сестра Игнатия была грозной женщиной. И страшной. Но Эnten всегда получал от неё поручения, и она, кажется, его даже любила. Остальные сёстры убедились в том, чтобы он знал, насколько это было редко. Рук привёл своего старшего брата к сестрам, но Эnten мог бы проделать этот путь самостоятельно с завязанными глазами. Он знал здесь каждую ступень, наощупь определял дёрн на древних стенах, изучил каждую скрипучую половицу. Все эти годы он мечтал о том, чтобы вернуться в башню.

— Эnten! — промолвила из-за стола сестра Игнатия. Она, судя по всему, как раз переводила тексты по ботанике. Это была величайшая страсть в жизни сестры Игнатии. Её покои были переполнены растениями всех видов, она приносила их из самых таинственных участков леса, даже болота, некоторые даже из всего-всего мира, с помощью особых людей в городах по ту сторону пути.

— Что ж, мой дорогой мальчик... — промолвила сестра Игнатия, поднимаясь из-за стола. Каждый её шаг в сторону Энтена заставлял комнату вспыхнуть странным, но приятным ароматом, а после его лица коснулись её жилистые, сильные руки. Она нежно похлопала его по каждой щеке, но было всё ещё отчасти неприятно. — Ты так похорошел с того мига, как мы отослали тебя домой!

— Спасибо, сестра, — промолвил Эnten, испытывая знакомый укол стыда от обыкновенной мысли о том страшном дне, когда он покинул башню.

— Присаживайся, прошу, — она посмотрела на дверь и громко закричала: — Парень! — это к Руку. — Эй, парень, ты меня слышишь?!

— Да, сестра Игнатия, — пискнул Рук, бросаясь сквозь дверной проём и даже растянувшись на пороге.

Сестру Игнатию это отнюдь не позабавило.

— Мне нужен лавандовый чай и печенье из цветов Зирина, — она бросила на мальчишку раздражённый взгляд, и тот умчался, словно за ним следовал тигр.

Сестра Игнатия тяжело вздохнула.

— В твоём брате слишком мало твоих умений, — промолвила она. — Жаль. Мы питали такие надежды... — она жестом пригласила Энтена устроиться на одном из стульев. Тот был оплетён тем сортом винограда, что с шипами, но Эnten всё равно сел, пытаясь игнорировать впивавшиеся в кожу колючки. Сестра Игнатия села напротив него и наклонилась, всматриваясь в лицо.

— Скажи мне, мой дорогой, неужто ты уже женился?

— Нет, госпожа, — покраснев, ответил Эnten. — Я для этого пока что слишком молод.

Сестра Игнатия пощёлкала языком.

— Но, тем не менее, ты поразительно мил. О, ты ничего от меня не скроешь, мой голубчик, даже не пытайся! — Эnten старался не думать о той девушке с его школы, Эсин. Она где-то в этой башне... Но она потеряна для него, и ничего не поделать.

— Мои обязанности в Совете не оставляют много времени, — уклончиво, но правдиво ответил он.

— Да-да, разумеется, — она махнула рукой. — Совет... — Эntenу показалось, что последнее слово она произнесла с определённой насмешкой в голосе — но потом чихнула, и парень убедил себя в том, что ему просто покачалось.

— Я обучаюсь на Старейшину вот уже пять лет, но уже учусь, — он запнулся, а когда продолжил, то голос зазвучал куда глуше. — Когда-нибудь это закончится.

Ребёнок на земле.

Женищина, кричавшая с лестницы.

Как бы он ни старался, он всё ещё не мог вытолкнуть это из собственных воспоминаний. И реакцию Совета на его вопросы... Почему они с таким презрением на него реагировали? Эnten всё ещё не мог этого понять.

Сестра Игнатия склонила голову набок, испытываяюще посмотрев на него.

— Откровенно говоря, мой милый, милый мальчик, я была поражена, что ты принял

решение присоединиться к этому образованию, и, признаться, предположила, что это решение не твоё, но... твоей прекрасной матери, — она неприятно скривилась, словно отпила кислого.

И это была правда — Энтен не собирался вступать в совет и вовсе. Он бы предпочёл стать плотником... Он так часто говорил об этом своей матери, но она так и не смогла услышать!

— Плотник, — продолжила сестра Игнатия, игнорируя удивление на его лице — кажется, она могла читать каждую мысль Энтена. — Вот что я могу предположить. Тебе всегда так нравилось тесать что-то из дерева...

— Вы...

Она улыбнулась — одними только глазами.

— О, я не так уж и много знаю, молодой человек, — она потёрла нос и улыбнулась. — Ты был бы просто поражён!

Рук споткнулся, поднеся чай и печенье, и умудрился просыпать крошки и пролить горячую жидкость на колени своему старшему брату. Сестра Игнатия бросила на него острый, будто лезвие, взгляд, и он выбежал из комнаты столь быстро, словно кровь стекала с пальцев.

— Ну, а сейчас, — сестра Игнатия отпила чая и улыбнулась, — чем могу помочь?

— Ну... — пробормотал Энтен, жалея, что весь его рот был забит печеньем. — Я просто хотел прийти... Посетить... Ведь меня столько времени не было! Знаете, посмотреть, как вы...

Ребёнок на земле.

Материнские крики.

О, а что делать, когда придёт ведьма? Что с ним тогда случится?

Звёзды, зачем всему этому продолжаться? Почему никто не может её остановить?

Сестра Игнатия вновь мягко улыбнулась.

— Лжец, — промолвила она, и Энтен опустил голову. Сестра только нежно похлопала его по колену. — Не стыдись, бедняжка... — успокаивающе обратилась она к нему. — Ты не единственный, кто желает посмотреть на нашу страшную клетку изнутри.... Я довольно часто этим занимаюсь....

— О... — запротестовал Энтен. — Нет, я...

Она только отмахнулась.

— Не стоит. Полностью тебя понимаю. Она — редкая птица. Та ещё головоломка, целый фонтан печали... — она даже вздохнула, и уголки её губ дрогнули, а Энтен почти что ожидал увидеть раздвоенный змеиный язык.

— Её можно вылечить? — хмурясь, спросил он.

Сестра Игнатия рассмеялась.

— О, родной мой Энтен! Ведь печаль излечить невозможно! — её губы растянулись в широкой улыбке, словно это было замечательной новостью.

— Разумеется, но ведь... — пробормотал Энтен, — это не может длиться вечно. Ведь многие люди потеряли собственных детей, но их горе и рядом не стоит с этим...

Она поджала губы.

— Нет, нет... Её печаль подпитывается безумием. Или, может быть, безумие вытекает из страшной печали. А может, это что-то совершенно иное. От того она становится очень интересной. Посему, я ценю её присутствие в нашей прекрасной башне. Мы можем

использовать знания, которые получаем, наблюдая за её поведением. А знание — ценная монета, — Эnten заметил, что щёки старшей сестры немного покраснели, не так, как тогда, когда он в последний раз бывал в бане. — Но, по правде, хоть одна старая дама и оценит внимание такого прелестного молодого человека, не стоит тебе церемониться со мной. Однажды, дорогой, ты станешь полноценным членом Совета! Тебе надо только спросить у мальчишки, куда идти, и он покажет тебе любого заключённого, которого ты пожелаешь увидеть. Таков закон, — в её глазах застыл лёд, но лишь на какое-то короткое мгновение, а после губы вновь расплылись в тёплой улыбке. — Ну что ж, мой маленький старичок...

Она встала и подошла к двери, не произнеся и звука, умудряясь словно парить над землёй. Эnten следовал за нею, и под его весом половицы кошмарно скрипели.

Хотя тюремные камеры были всего этажом ниже, им пришлось миновать четыре лестницы, чтобы добраться туда. Эnten заглядывал во все открытые комнаты, надеясь увидеть Эсин хотя бы случайно. Увидел множество послушниц — но ни в одной не было и тени её, и парень отчаянно старался отогнать разочарование прочь.

Лестница повернула влево, потом вправо, а после тугой спиралью скрутилась к тюремному полу. Центральный зал оказался круглым, и здесь не было ни единого окна, а три сестры сидели в креслах в центре, спиной прислонившись друг к другу, образуя узкий треугольник, и у каждой на коленях покоился арбалет.

Сестра Игнатия властно посмотрела на ближайшую сестру, а после указала на дверь.

— Впусти его, пусть посмотрит на номер пять. Он постучит, когда пожелает уйти. Имейте в виду, что не должны даже случайно ему навредить!

А потом, заулыбавшись, вновь посмотрела на Энтена и даже обняла его.

— Ну, вперёд! — бодро воскликнула она, а после направилась вверх по винтовой лестнице, когда ближайшая сестра встала и открыла дверь под номером пять.

Она встретилась взглядом с Эntenом и пожала плечами.

— Она к вам не выйдет. Мы вынуждены давать ей специальные зелья, чтобы поддерживать спокойствие, а ещё — отрезать её красивые волосы, потому что она постоянно пытается их вырвать, — она окинула его пристальным взглядом. — Тебе нет с собой бумаги?

Эnten поморщил лоб.

— Бумаги? А причём здесь это?

Сестра сжала губы — они превратились в тонкую линию.

— Бумаги с собой брать нельзя, — отметила она.

— Но почему нет?!

Лицо сестры стало таким отсутствующим, таким невыразительным, словно она надела на себя маску.

— Увидишь, — отозвалась она.

И открыла дверь.

Клетка была вся засыпана бумагой. Заключённая складывала, рвала, скручивала и превращала её в бахрому — а потом сплетала тысячи бумажных птиц всех форм и размеров. В углу затаились бумажные лебеди, на стуле восседали бумажные цапли, к потолку были подвешены маленькие бумажные колибри. Бумажные утки, бумажные малиновки, бумажные ласточки, бумажные голуби...

Эnten чувствовал, как волнами на него накатывал шок. Бумага была дорогой, необыкновенно дорогой. Да, в городе были производители бумаги — они создавали прекрасные стопки материала для писания из древесной массы, камышей и дикого льна, а

ещё цветов Зирин, но большинство продавалось торговцам по ту сторону леса. И в Протекторате писали только после долгих раздумий, планирования и замыслов.

И эта сумасшедшая. Тратила её. Эnten едва смог сдержать удивлённое восклицание.

И всё же...

Птицы были такими красивыми, с таким количеством деталей! Они заполнили пол, они горой возвышались на кровати, они выглядывали из ящиков маленькой тумбочки. И он не мог отрицать их красоту, он не мог отрицать их прелесть, прижимая руку к сердцу.

— Ох... — прошептал он.

Заключённая лежала на кровати и, кажется, крепко спала, но немного сдвинулась с места при звуке его голоса, кажется, содрогнулась, только как-то слишком... замедленно. Очень медленно потянулась. Прижала локти к телу, всё так же неспешно, будто бы почти недвижимо подалась вперёд, склонилась к нему.

Эnten узнал её с трудом. Пропали красивые чёрные волосы — теперь кожа была бритой, гладко-гладко, — в глазах теперь ещё более виден был огонь, а щёки уже не румянились. Губы её превратились в сплошную тонкую полосу, словно пытались сдержать все слова, что лились из неё, а цвет кожи был каким-то тусклым, желтоватым. Даже родинка в форме полумесяца теперь на белом лбу казалась просто банальным пятном пепла. И её маленькие, но такие прекрасные и умелые руки были изрезаны — тонкие царапины от бумаги, — и Эnten думал, что видел на её пальцах ещё и яркие, уже, пожалуй, несмываемые чёрные пятна.

Её взгляд скользил от одного угла комнаты к другому, вверх-вниз, потом в сторону, и она ни разу не находила свою цель. Она, казалось, не могла посмотреть на пол.

— Мы знакомы? — медленно и заторможенно поинтересовалась она.

— Нет, госпожа... — отозвался Эnten.

— Ты кажешься, — выдавила наконец-то она, — знакомым, — и каждое слово будто бы доносилось из безумно глубокого, далёкого колодца. Такое странное эхо...

Эnten огляделся. На маленьком столике стояла целая стопка бумаги — но она не была изогнута. Там таились замысловатые карты, знаков на которых он не понимал — и все они были подписаны всё той же фразой, смысл которой терялся. Она здесь. Она здесь. Она здесь.

Кто здесь, задавался вопросом Эnten.

— Госпожа, я — член Совета. Временный член... Старейшина на обучении.

— Ах, — она откинулась на кровать и безучастно уставилась в потолок. — Ты. Помню тебя. Ты тоже явился сюда только для того, чтобы жестоко надо мною посмеяться?

Она закрыла глаза, плотно-плотно, а после громко расхохоталась.

Эnten отступил на шаг назад. Он почувствовал, как от звука её смеха по всему телу прошла страшная дрожь — словно кто-то лил ему на спину смесь раскалённого олова и ледяной воды. Он всё смотрел на бумажных птиц, что свисали с потолка. Удивительно, но все они походили на пряди её длинных, чёрных, волнистых волос... И все они кружились вокруг него — если б они только были перед ним раньше! Или нет? Или да?

Эnten чувствовал, как внезапно вспотели его ладони.

— Ты должен сказать своему дяде, — слишком медленно, словно укладывая слово к слову, будто бы тяжёлые круглые камни, — что он был неправ. Она здесь. И она ужасна.

Она здесь — вот что говорила карта.

Она здесь.

Она здесь.

Она здесь.

Но что это означало?

— Кто здесь? — пытаюсь победить себя, спросил Энтен. Зачем он говорил с нею? Ведь столько раз напомнил себе о том, что она сошла с ума? Такое не может быть правдой... Бумажные птицы шелестели над её головой. Ветер, казалось Энтену.

— Он забрал ребёнка? Моего ребёнка? — она грустно рассмеялась. — Она не умерла. Твой дядя полагает, что она мертва. Твой дядя ошибается.

— Почему он должен думать, что она мертва? Ведь никто не знает, что на самом деле делает с детьми ведьма, — он вновь задрожал. За спиной послышался шорох — словно что-то взмахнуло крылом. Он обернулся — но ничто не двигалось. И вновь, теперь уже справа. Опять обернулся — и ничего, ничего не было.

— Это всё, что я знаю, — выдохнула мать, поднимаясь на ноги, и от неё вихрем разлетелись бесконечные бумажные птицы.

Ветер, просто ветер — повторял про себя Энтен.

— Я знаю, где она сейчас.

Это выдумка.

— Я знаю, что на самом деле вы делали многие годы.

Что-то ползло по его шее. Боже. Это колибри. Боги! Больно!

Бумажный ворон пересёк комнату, крылом разрезав щеку Энтена, и кровь выступила маленькими алыми капельками.

Он был слишком поражён, чтобы закричать.

— Но это не имеет значения. Потому что расплата уже близко. Она приближается. Приближается. Сурмы играют... Время расплаты пришло...

Она закрыла глаза и покачнулась. Безумная — нет никаких сомнений! Это безумие повисло на ней, будто бы то облако, и Энтен знал, что должен был уйти, чтобы не заразиться и самому. Он постучал в дверь, но не услышал звука.

— Выпустите меня! — крикнул он сёстрам, но его голос будто бы умирал — не позволял словам сорваться с губ окончательно. Сумел ли он уже заразиться её кошмарным безумием? Может ли такое случиться? А бумажные птицы всё перемешивались между собой, всё сгибались и кружились вокруг него, и сгибались, и сгибались... Они поднимались огромными волнами над ним. — Пожалуйста! — завопил он, когда бумажная ласточка атаковала его глаза, а бумажные лебеди принялись кусать ноги. Он отпихивал их, но они всё ещё рвались к нему.

— Ты, кажется, хороший мальчик, — прошептала мать. — Выбери другую профессию. Вот тебе мой совет, — и она забралась обратно в кровать.

Энтен вновь постучал в дверь — и опять на его стук никто не ответил.

Птицы пронзительно кричали. Бумажные книги были будто ножи. Они окружили его — сформировали достаточную площадь для атаки, и Энтен только закрыл лицо руками.

И тогда они все рванулись на него.

Глава 14. В которой появляются последствия

Когда Луна проснулась, она ощутила себя иначе. Она не знала, почему так. Она долго лежала в постели, прислушивалась к пению птиц и не понимала, что они говорили. Она покачала головой. А зачем ей их понимать? Ведь это просто птицы! Она прижала руки к

лицу — и вновь прислушалась к ним.

— Никто не может разговаривать с птицами, — промолвила она вслух. И это было правдой. Так почему же она думала, что всё не так? Когда на подоконник сел яркий зяблик и принялся напевать свою сладкую песенку, Луне показалось, что сердце её вот-вот разорвётся. Действительно, оно доселе немного болело. Она поднесла руки к глазам и осознала, что плачет, хотя понятия не имела, почему.

— Что за глупости! — промолвила она вслух, чувствуя, что голос всё ещё дрожит. — Глупая Луна! — она и вправду глупая девочка, все об этом говорили.

Она огляделась. Фириан свернулся у её кровати. Это было привычно. Он любил спать рядом с нею, хотя бабушка частенько запрещала это делать, но Луна понятия не имела, почему.

По крайней мере, подумалось ей, она считала, что не знала, почему. Но глубоко внутри она ощущала, что когда-то поймёт. Может, она что-то сделала? Но вспомнить бы только, что...

Её бабушка спала на своей кровати по ту сторону комнаты, и её болотное чудище храпело у её ног.

Что за странность, подумала Луна. Она не помнила, чтобы Глерк когда-нибудь спал на полу или вообще в здании. Или не погружался в болото... Луна покачала головой. Она коснулась своих плеч, ушей — сначала с одной стороны, потом с другой. Мир, казалось, упал на её плечи, будто бы пальто, из которого она внезапно выросла. Кроме того, в её голове, глубоко-глубоко, билась о виски бесконечная головная боль. Она несколько раз ударила себя в лоб запястьем, но это ни капельки не помогло.

Луна выскользнула из постели, сбросила сорочку и натянула платье с глубокими карманами — именно такой наряд она попросила у бабушки. Она осторожно положила в один из огромных карманов спящего Фириана, стараясь его не разбудить. Её кровать была прикреплена к потолку с помощью разнообразны верёвок и тросов, чтобы в течении дня не занимать лишнее место в совсем уж крошечном домишке, но Луна всё ещё была слишком маленькой для того, чтобы иметь возможность поднять её самостоятельно. Поэтому пришлось оставить всё так, как есть — и девочка выскользнула на улицу.

Рассветало, и утреннее солнце всё ещё не перевалило через край горного хребта. Скалы казались такими прохладными, такими полными влаги и жизни... Из трёх вулканических кратеров к небесам поднималась тонкая струйка дыма. Луна медленно подошла к краю болота. Она посмотрела на свои босые ноги, что утопали во мху и оставляли цепочку следов. И там, где она ступала, не было никаких цветов.

Но ведь это было глупо — думать подобным образом? Откуда из её следов могут появиться цветы?

— Глупая, глупая... — вслух промолвила она, а потом почувствовала, что перед глазами всё буквально плыло. Она присела на землю и уставилась на болото, стараясь ни о чём не думать.

Ксан обнаружила Луну на улице, когда та сидела и смотрела на небо. Это казалось странным. Обычно она превращалась в вихрь, будила буквально всех, кто был рядом. Не так, как сегодня.

Ну что ж, подумалось Ксан, всё изменилось. Она только покачала головой — она ещё не всё решила. Вопреки тому, что магия теперь была в целости и сохранности, покоилась

глубоко-глубоко в детском сердце, это была всё та же Луна. Просто не придётся беспокоиться о том, что её магия станет вспыхивать всюду, куда только не глянь. Теперь она могла учиться мирно. И сегодня они обязательно примутся за дело.

— Доброе утро, драгоценная! — сказала Ксан, положив руку на макушку девочки и запустив пальцы в её густые чёрные кудри. Луна ничего не сказала, она словно всё ещё пребывала в некоем трансе, и Ксан отчаянно пыталась об этом не беспокоиться.

— Доброе утро, тётушка Ксан! — заявил Фириан, выглядывая из кармана и зевая, а так же вытягивая свои маленькие лапки так далеко, как он только мог достать. Он огляделся по сторонам, прищурился. — А почему я снаружи?

Луна, казалось, вернулась в этот мир — она посмотрела на бабушку и заулыбалась.

— Бабушка! — воскликнула она, с трудом поднимаясь на ноги. — Мне кажется, я тебя не видела столько времени!

— Ну, это потому что... — начал Фириан, но Ксан прервала его быстрым жестом.

— Тише, дитя моё, — промолвила она.

— Но тётушка Ксан! — взволнованно продолжал Фириан. — Я ведь просто хотел сказать, что...

— Ну, хватит болтать, глупый дракон! Довольно! Иди, найди чудище...

Ксан подняла Луну на ноги и потащила её за собой.

— Но куда мы идём, бабушка? — спросила Луна.

— В мастерскую, солнышко, — сказала Ксан, бросая на Фириана колкий взгляд. — Помоги Глерку с завтраком!

— Хорошо, тётушка Ксан. Мне просто хочется рассказать Луне о том, что...

— Сейчас же, Фириан! — отрезала она и зашагала ещё быстрее, уводя Луну прочь.

Луне нравилась мастерская её бабушки — и они уже изучали основы механики. И рычаги, и клинья, и шкивы, и зубчатые колёса... Даже в столь юном возрасте у Луны была определённая склонность к механике, и она уже могла выстраивать определённые маленькие машины, жужжащие и тикающие. Ей нравилось находить кусочки дерева, из которых можно было что-то тесать, соединять их и превращать одно в другое.

Сейчас же Ксан отставила все поделки и изобретения Луны в далёкий уголок и разделила всё на разделы — каждому полагалась отдельная книжная полка, отдельная полка для инструментов и отдельная для материалов. Осталось место для изобретательства и для строительства, появилось для научных исследований, для ботаники — и даже для изучения магии! А на полу оказалось множество рисунков мелом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А что случилось здесь, бабушка? — спросила Луна.

— Ничего, моя дорогая, — начала было Ксан, но быстро передумала. — Но, на самом деле, очень многое — но есть ещё кое-что важное, чем в первую очередь следует уделить внимание, — она уселась на пол напротив девочки, собрала магию в свою руку и позволила ей плавать прямо у неё перед глазами ярким, блестящим шаром. — Как видишь, моя дорогая, — объяснила она, — магия течёт во мне от земли к небу, но собирается тут. Внутри меня. Будто статическое электричество. Она трещит и гудит в моих костях. Когда мне нужно немножко больше света, мне достаточно только потереть руку об руку, вот так, и тогда между ладонями загорается свет — пока его не окажется достаточно для того, чтобы загореться и поплыть отдельно от моих рук. Ты видела, как я только что сделала маленький

шар — и я повторяла это не раз и до этого, просто никогда не объясняла. Разве это не замечательно, моя дорогая?

Но Луна словно ничего не видела. Глаза её опустели, лицо её опустело. Казалось, душа её оказалась где-то далеко-далеко, и она превратилась в обыкновенное зимующее дерево. Ксан тихо ахнула.

— Луна? — прошептала она. — Ты в порядке? Ты голодна? Луна? — но ничего не было, одни только пустые глаза. Пустое лицо. Что-то похожее на Луну — но на самом деле лишь дыра во вселенной. И Ксан почувствовала, как в её груди всколыхнулась паника.

И, словно пустоты и вовсе никогда не существовало, в глазах ребёнка вновь вспыхнул свет.

— Бабушка, а можно мне сладенького? — попросила она.

— Что? — переспросила Ксан, чувствуя, как росла её паника, вопреки тому, что глаза вновь стали осознанными. Она присмотрелась.

Луна покачала головой, словно пытаясь вытряхнуть из ушей воду.

— Ну, сладенькое, — медленно промолвила она. — Мне хочется чего-нибудь сладкого, — она изогнула бровь. — Пожалуйста... — добавила она. И колдунья кивнула, потянувшись к карману и вытащила оттуда горсть сушёных ягод. Девочка принялась их жевать и задумчиво огляделась.

— А почему мы здесь, бабушка?

— Мы провели здесь всё это время, — промолвила Ксан, взглядом скользя по ребёнку. Что происходило?

— Но почему? — Луна огляделась. — Почему мы не снаружи? — она поджала губы. — Я не... — она отступила прочь. — Я не помню...

— Я хотела провести с тобой твой первый урок, моя дорогая, — лицо Луны помрачнело, словно над нею остановилось облако, и Ксан запнулась. Она положила руку на щёку девочки. Волны магии больше не было. Когда она концентрировалась, просто до безумия, она чувствовала, как этот кусочек власти, твёрдый, будто гранит, герметичный, как орех или яйцо, притягивал её к себе.

Она решила попробовать ещё раз.

— Луна, любовь моя, что ты знаешь о магии?

И вновь глаза Луны потемнели. Она не двигалась. Она едва дышала. И казалось, что всё, из чего состояла Луна, весь свет, весь разум, просто исчезло.

Ксан вновь ждала. И на этот раз свету понадобилось куда больше времени, чтобы вернуться, а Луне — чтобы прийти в себя. Девочка с удивлением и любопытством посмотрела на бабушку. Сначала посмотрела направо, потом — налево, и нахмурилась.

— Как мы сюда попали, бабушка? — спросила она. — Я разве засыпала?

Ксан поднялась на ноги и принялась ходить по комнате. Она остановилась у изобретательского стола, посмотрела на карты, на деревья, на стёкла и на книги со сложными схемами и инструкциями. Она взяла в руку маленькую шестерёнку и пружинку — а после так резко прижала её к пальцу, что та даже оставила маленький кровавый порез, а на втором — только белый след. Она посмотрела на Луну и представила себе механизм внутри этой девочки — ритмично тикающие к её тринадцатому дню рождения часы, такие неумолимые, так замечательно отлаженные...

Ну, или, по крайней мере, были бы, окажись заклинание рабочим. Ничего в заклятии Ксан не указывало на подобную... Пустоту. Что она могла сделать неправильно?

Она решила попробовать другую тактику.

— Бабушка, что ты делаешь? — спросила Луна.

— Ничего, дорогая, — ответила Ксан, хлопоча над столом для волшебства, собирая гадальное стекло из земли, стекла, немного расплавленного метеорита, воды, оставила отверстие в центре, чтобы выпустить в воздух... Одно из лучших, между прочим, но Луна, казалось, его даже не видела. Взгляд её скользил из стороны в сторону. Ксан стала рядом — и посмотрела на девочку через щель.

— Мне хочется рассказать тебе одну историю, Луна, — промолвила пожилая женщина.

— Мне нравятся истории! — заулыбалась Луна.

— Когда-то жила ведьма, что отыскивала ребёнка в лесу, — начала Ксан. Сквозь стекло она видела, как пыльные слова залетали в ушах ребёнка. Она видела, как те кружились внутри — задерживались в девочке, а после порхали от центров памяти к образным структурам, туда, где обычно разум умеет играть с приятно звучащими словами. Ребёнок, ребёнок, ребёнок, снова, снова и снова. Глаза Луны стали темнеть. — Однажды, — продолжила Ксан, — когда ты была очень и очень маленькой, я взяла тебя на улицу, чтобы показать тебе звёзды.

— Мы всегда выходим на улицу, чтобы посмотреть на звёзды, — ответила Луна. — Каждую ночь.

— Да-да, — кивнула Ксан. — Ты заметила. Но однажды вечером, давным-давно, когда мы смотрели на звёзды, я собрала на кончиках пальцев их свет, будто бы нити, и дала выпить его тебе, словно пьют мёд из сот.

И взгляд Луны вновь потемнел. Она покачала головой, словно пытаясь освободить собственную память.

— Дорогая, — медленно промолвила она, словно само это слово стало огромным бременем.

Ксан, казалось, смутилась.

— А потом, — продолжила она, — однажды ночью бабушка не заметила растущую луну, что так низко висела над землёй. И она потянулась за звёздным светом, но тебе умудрилась по ошибке дать лунный. И так ты стала волшебницей, моя дорогая. Вот откуда в тебе появилась магия. Ты долго пила луну, и теперь луна собралась в тебе.

Теперь, казалось, на полу сидела не Луна, а небесное светило. Она не моргнула. Лицо её было неподвижным, будто камень. Ксан махнула рукой перед лицом девочки, и ничего не случилось. Ничего.

— О, дорогая... — прошептала Ксан. — Боже, боже мой...

Ксан подхватила девочку на руки и помчалась к двери, рыдая и зовя Глерка.

Большую часть дня заняло то, чтобы восстановить ребёнка.

— Ну, — отметил Глерк. — Ложка дёгтя...

— Ничего подобного! — отозвалась Ксан. — Я уверена, что это временно, — она добавила это таким тоном, словно по собственному желанию и вправду могла что-нибудь изменить.

Но это не было временным. Это просто следствие заклинания Ксан — теперь дитя не могло узнать о магии. Она не могла слышать, не могла о ней говорить, не могла даже узнать это слово! Каждый раз, когда она слышала общее что-то с магией, искра в её сознании, сама её душа, казалось, исчезала. И втягивалось ли это знание в ядро в мозге Луны или и вовсе исчезало, Ксан не знала.

— И что ж мы будем делать, когда придёт время? — спрашивал её Глерк. — Как ты тогда будешь её учить? — никак, потому что она будет мертва, но Глерку этого не сказала. Её магия откроется, и её будет выпита, а она, дорогая, пятисотлетняя Ксан, в ней больше ничего не останется, а ведь только магия держала её в живых. И теперь трещина в сердце Глерка становилась всё глубже и глубже...

— Может быть, она не вырастет, — отчаянно сказала Ксан. — Может быть, это будет длиться вечно, и мне не придётся с нею прощаться. Может быть, я попутала что-то в заклинании, и её магия никогда не вырвется наружу. Может быть, она никогда не была для неё предназначена...

— И ты отлично знаешь, что на самом деле это не так, — ответил Глерк.

— Это может оказаться правдой, — возразила Ксан. — Ведь ты на самом деле не знаешь! Она умолкла на мгновение, прежде чем вновь заговорить. — Альтернатива слишком уж печальна, чтобы думать об этом.

— Ксан... — начал Глерк.

— Печаль опасна, — отрезала она и, раздражённая, ушла.

Они вновь и вновь повторяли этот разговор — и наконец-то Ксан запретила и вовсе обсуждать об этом.

В ребёнке магии больше никогда не будет, повторяла сама себе Ксан. И в самом деле, чем больше Ксан себе это говорила, тем большей это казалось правдой, и она словно сумела убедить себя в том, что всё было по-настоящему. И если в Луне когда-либо и было волшебство, теперь вся власть была аккуратно закупорена и просто перестала быть проблемой. Может быть, она навсегда там застряла! Может быть, Луна теперь обыкновенная девочка. Обыкновенная девочка. Ксан раз за разом повторяла про себя это. Она столько раз сказала сию фразу, что, пожалуй, она должна была уже точно стать правдой. Именно это она и отвечала людям в Свободных Городах, когда те спрашивали. Очередная девочка, отвечала она. А ещё говорила, что у Луны была аллергия на магию. Она вся чесалась. Приступы. Глаза жгли. И желудок болел. Так что, она просила никогда не говорить о волшебстве рядом с девочкой.

И, разумеется, никто этого не делал — потому что советы Ксан никогда даже не обсуждались.

В тот же миг для познания Луны открылся целый мир — наука, математика, поэзия, философия, искусство. Разумеется, этого предостаточно! Она будет расти, как обыкновенная девочка, и Ксан будет рядом, пока хватит магии, медленно-медленно. Бессмертная Ксан. Разумеется, им никогда не придётся прощаться.

— Это не может так дальше продолжаться, — раз за разом повторял Глерк. — Луна должна знать о том, что таится внутри неё. Она должна знать о том, как работает её магия. В конце концов, она должна знать о том, что такое смерть! Она должна быть подготовлена к этому!

— О, будь уверен, я понятия не имею, о чём ты говоришь, — ответила Ксан. — Она ведь просто обыкновенная девочка. Даже если она таковой прежде не была, то сейчас уж точно такая. Моя собственная магия немного отжила, и я вряд ли буду пользоваться ею, по крайней мере, активно. Ведь нет никакой необходимости расстраивать бедное дитя! А зачем говорить о надвигающейся потере? Почему это мы должны ввести её в такую печаль? Она опасна, Глерк, помнишь ли ты?

Глерк только раздражённо хмурил лоб.

— Почему мы так думаем? — спросил он.

Ксан только покачала головой.

— Понятия не имею, — и вправду, не имела. Она знала об этом когда-то, но давно уже забыла.

Забыть было легче.

Вот так росла Луна.

И она не знала о лунном свете, не знала о том, что теперь застыло в её уме. И она не помнила ни о том, как стал кроликом Глерк, ни о том, как цветы вились под её ногами, ни о том, как пульсировала сила вокруг неё, как пульсировала и необратимо обвивала длинными тонкими нитями. Она не знала, что семя магии готовилось прорваться на свободу.

Она не имела об этом ни малейшего представления.

Глава 15. В которой Энтен лжёт.

Шрамы от бумажных птиц так и не зажили. По крайней мере, не затянулись правильно.

— Да ведь это была обыкновенная бумага! — причитала мать Энтена. — Ну как, каким образом она могла порезать тебя до такой степени?

Но это были не просто порезы. Инфекции оказались куда хуже, и это уже забывая о значительной потере крови. Энтен долго пролежал на полу, пока безумная пыталась остановить кровотечение от бумаги — и получалось у неё не так уж и хорошо. Лекарства, которые дала ей сестра, сделала её слабой. Она то и дело теряла сознание. И когда наконец-то за ним пришла стража, чтобы проверить, что произошло, он лежал рядом с сумасшедшей в луже крови, и столько понадобилось времени, чтобы определить, кто кем был!

— И почему! — морила его мать, — почему они не пришли, когда ты закричал? Почему они тебя бросили?

Никто не знал ответа на этот вопрос. Сестры всё утверждали, что они не имели об этом ни малейшего представления. Они его не слышали. К тому же, одного только взгляда на их бледные лица и воспалённые глаза хватало, чтобы понять, что это чистая правда.

Люди шептались, что Энтен сам себя изрезал.

Люди шептали, что его история о бумажных птицах была просто фантастикой. В конце концов, никаких птиц никто не нашёл. Это всё были кровавые комки бумаги на земле. И, в конце концов, разве в этом мире вообще кто-либо слышал о бумажных птицах, что нападают на несчастных людей?

Люди шептались, что у этого мальчика не было ничего — просто старейшина на обучении! И в тот миг Энтен просто не мог не согласиться с тихим говорком. К тому времени, как его раны исцелились, он объявил совету, что он уходит в отставку. И сейчас же. Освободившись от школы, от Совета, от постоянного нытья собственной матери, Энтен взялся плотничать — и, однако, был хорош в этом.

Совет, чувствуя странную неприязнь к себе — им было страшно неприятно смотреть на глубокие шрамы на лице мальчишки да слышать крики его матери, — дали парню кругленькую сумму, и он мог обеспечить себе и редкие материалы, и прекрасные инструменты, купить у торговцев, что перебирались через дорогу, всё, что пожелает. (И — о, эти шрамы! О, как он прежде был красив! Ах! Сколько всего потеряно... Как жаль, как жаль, как жаль...)

Энтену надо было работать.

Крайне быстро, вдыхая во всё это своё мастерство, которое он сумел прославить по обе стороны пути, Энтен обеспечил своей матери и братьям, да и себе тоже хорошую, весьма обеспеченную жизнь. Он построил для себя отдельный дом — он был меньше, проще и скромнее, чем у семьи, но при этом куда более удобен.

Но мать его всё ещё не одобряла уход из Совета, продолжала корить каждый день. Его брат Рук его не понял — хотя его неодобрение пришло куда позже, когда его изгнали из башни, и он в позоре вернулся домой (и в его записке не было ни слова о надеждах, в отличие от его брата, только короткое и злое "он разочаровал нас", вот только мать всё равно винила в этом Энтена).

Энтен этого не замечал. Он проводил дни и ночи вдали от всех остальных, от целого мира, трудился над деревом, над металлом, работал с маслами. Постоянно сидел в окружении опилок. Зерно скользило у него под руками. Он всё делал что-то красивое, цельное, реальное — и это было всё, о чём он заботился. Шли месяцы, шли годы, а мать всё приходила хлопотать о нём...

— Ну что за мужчина покинет Совет? — была она на следующий день после того, как уговорила отправиться с нею на рынок. Она причитала и жаловалась, минуя бесконечные киоски с их разнообразием цветов лекарственных и цветов только для украшений, а так же мёда из Зирина, варенья из Зирина, высушенных лепестков Зирина, из которых можно было добыть молоко, а если замочить, то потом следовало мазать на лицо — и можно было уже не беспокоиться о морщинах. Не каждый мог позволить себе покупки на рынке — большинство людей обменивалось со своими соседями, чтобы в их шкафах было не до такой степени пусто. И даже те, кто всё ещё мог сходить на рынок, не могли позволить себе те груды товаров, что складывала в огромную корзину мать Энтена. Что ж, статус единственной сестры Великого Старейшины имел определённые преимущества.

Она шурилась на высушенные лепестки Зирина, и бросила на женщину злой взгляд.

— Как давно ты их собирала? И не вздумай мне лгать! — цветочница тут же побелела.

— Я не могу ответить, госпожа... — пробормотала она.

Мать Энтена бросила на неё властный взгляд.

— Если ты не можешь ответить, то я не могу заплатить, — и она двинулась к следующему ларьку.

Энтен ничего не комментировал, только позволил своему взгляду скользнуть по башне, по глубоким выбоинам, а после скользнуть пальцам по шрамам, что превратили его лицо в уродливую карту рек на болоте.

— Ну что ж, — промолвила его мать, когда они как раз просматривали ткани, что были привезены из Свободных Городов, — мы можем только надеяться, что когда это плотницкое предприятие наконец-то изопьёт себя само и подойдёт к своему неизбежному концу, твой почтенный дядя всё-таки возьмёт тебя обратно, если уж не в качестве полноправного члена совета, то хотя бы как его сотрудника. А потом, в один прекрасный день, подберёт и твоего младшего брата. По крайней мере, у него есть здравый смысл, и он слушается мать!

Энтен только хмыкнул, но ничего не сказал. Зато он обнаружил, что шагнул в сторону ларька с бумагой. Он почти не прикасался к бумаге. Нет — если был шанс. Вот только эти листы Зирина были просто прекрасны. Он скользнул пальцами по пачке, а после позволил своему разуму утонуть в шипящем звуке бумажных крыльев, что черкали его по лицу и тут же исчезали из поля зрения.

Впрочем, мать была неправа относительно подступающей неудачи. Плотницкий магазин оставался успешным не только среди обыкновенных людей, а даже в торговой гильдии. Его рисунки на мебели, хитроумные конструкции оставались всё такими же популярными по ту сторону пути. Каждый месяц торговцы прибывали со списком товаров, и каждый месяц Энтену приходилось отказываться от некоторых, сообщая со всей любезностью, что он всего лишь человек, а рук у него не больше, чем просто две, а время, соответственно, ограничено.

Слыша такие отказы, торговцы предлагали Энтену всё больше и больше денег за его дело.

И когда Энтен оттачивал свои навыки, глаза его становились ясными и хитрыми, и его вещи становились всё красивее и умнее, и он становился всё известнее и известнее. Его имя гремело в городах, о которых он никогда не слышал, ну, и уж точно никогда не намеревался посещать. Мэры тех далёких мест звали его к себе. Конечно, Энтен с радостью давал им новую и новую мебель. Но он никогда не покидал Протекторат. Он никого не знал из живых, кто выезжал бы отсюда, хотя, разумеется, его семья с лёгкостью могла бы это себя позволить. Но даже одна мысль о том, чтобы делать что-то, кроме того, чтобы работать и спать, ну, и иногда почитать у огня книгу, казалась для него чем-то поразительно неуправляемым. Иногда ему казалось, что мир поразительно тяжёл, а воздух буквально погустел от тяжёлой печали, и его тело теперь плыло, словно в тумане.

Он знал, впрочем, и чувствовал удовлетворение от того, что дело его рук находило хороший дом. Ему нравилось быть в чём-то лучшем. И когда он спал, то видел приятные сны.

Его мать, как настаивала она сейчас, всегда знала, что у её сына будет большой успех, и ему так повезло, раз за разом повторяла она, что он избежал из монотонной жизни при Совете, как же лучше последовать своему таланту, блаженствовать в труде — но прежде от неё было не дожидаться этих слов.

— Да, мама, — Энтен едва сдерживал улыбку. — Ты и вправду всегда так говорила.

И шли года — одиночество и красота дела рук его, а ещё бесконечные клиенты, что так хвалили его работу, но кривились при виде его лица. В самом деле, это были не такие уж и плохие дни.

Мать Энтена замерла у двери в мастерскую поздним утром, и всё морщила нос от резкого запаха Зириного масла в маленьком тазу и от круживших вокруг неё опилок. Масло Зирина — это знали все, и Энтен в первую очередь, даровало древесине особый, просто-таки чарующий блеск. Только что Энтен наконец-то довёл до конца последнюю деталь на изголовье колыбели — дочертил последнюю звезду. Он не впервые делал подобную колыбель, равно как и не впервые слышал о Звёздных детях. Люди по ту сторону пути были странными — и об этом знали все, хотя никто не сталкивался с ними лично.

— Тебе нужен ученик, — заявила мать, осматривая его комнату. Тут было всё хорошо организовано, убрано и очень удобно. Удобно только для некоторых людей, впрочем — вот Энтену здесь очень и очень нравилось.

— Мне не нужны подмастерья, — ответил Энтен, втирая масло в древесину, и то засветилось золотом.

— Ты мог бы зарабатывать больше, будь у тебя ещё одна пара рук! Твои братья...

— В работе с деревом — те ещё остолопы, — мягко ответил Энтен, и это было чистой правдой.

— Ну! — разбушевдалась мать. — Подумать только, если ты...

— Я делаю своё дело очень хорошо, — отозвался Энтен, и это тоже было чистой правдой.

— Ну... — отозвалась его мать, переступая с ноги на ногу и поправляя плащ. Плащей у неё было куда больше, чем у множества семей в округе. — А что ж до твоей жизни, сынок? Ты тут строишь колыбели для внуков других женщин, только не для меня! И как я должна нести этот позор на своих плечах, без прекрасного внука, которого бы я качала на своих коленках?

Голос матери дрогнул. В какое-то мгновение Энтен понял, что и вправду мог бы прогуливаться по рынку под руку с девушкой, но ведь он был до такой степени застенчив, что не смог бы и подойти ни к кому! Вспоминая о прошлом, Энтен думал, что это, пожалуй, не так уж и трудно, стоило только попробовать. Он видел заказанные тогда матерью портреты — и мама заставляла сохранять воспоминания о том, как он был красив.

Это не имело значения. Он был хорош в своей работе, он любил её. Разве ему и вправду что-то нужно?

— Я уверен, что наступит день, когда женится Рук, мама. И Финн. И все остальные. Так что не надо смущаться... Я сделаю для каждого из своих братьев и шкафы, и брачное ложе, и колыбельки, когда им понадобится! И совсем-совсем скоро у тебя по лестнице в доме будет лазить целая гора внуков!

Мать на лестнице. Ребёнок у неё на руках. Крик, крик, крик! Жмурься, не жмурься... Оно никогда его не посмеет отпустить.

— Я разговаривала с некоторыми матерями. Они довольно остро смотрят на ту жизнь, которую ты способен воссоздать, более того, они бы с огромным удовольствием познакомили бы тебя со своими дочерьми! Не с самыми симпатичными дочерьми, сам понимаешь, но, тем не менее...

Энтен вздохнул, встал и покачал головой.

— Спасибо, мама, но не стоит, — он пересёк комнату и наклонился, чтобы поцеловать мать в щёку. Он видел, как она содрогнулась, когда слишком близко оказалось его покрытое безмерными шрамами лицо — а ведь он делал всё возможное, чтобы не причинить ей боль... И самой её не испытывать.

— Но, Энтен!..

— А теперь мне пора идти.

— И куда ты собираешься?

— У меня есть несколько поручений, с которыми срочно надо было бы разобраться... — это была чистая ложь. И с каждой новой ложью ему становилось всё легче и легче. — Через пару дней я приеду на обед. Я помню об этом, мама, — это тоже было ложью. На самом деле, обедать в своём доме он совершенно не собирался, только существовал предлог, который заставил бы мать уйти, и он собирался этим воспользоваться. А потом в последнее мгновение откажется...

— Ну что ж, возможно, я тебя провожу! — промолвила она. — Вот, давай... — она всегда любила ходить с ним куда-то, и Энтен прекрасно знал об этом.

— Будет лучше, если я отправлюсь один, — ответил Энтен. Он набросил себе на плечи плащ и зашагал прочь, оставив мать в тени.

Энтен шагал по тем улочкам, по которым практически никогда не ходили, блуждал по самым глухим переулкам Протектората. Хотя день был светел и ярок, он натянул капюшон

на лоб, пытаясь держать своё лицо в тени. Энтен давно уже заметил, что прятаться от людей было довольно комфортно, а ещё на него не так глазели. Иногда детишки застенчиво просили коснуться его шрамов... Если рядом находились их семьи, ребёнка тут же прогонял разозлённый родитель, и больше они никогда и не были. А если дитя не убегало — он снимал капюшон и говорил:

— Ну же, давай.

— А это больно? — спрашивало дитя.

— Не сегодня, — отвечал всегда Эnten. Очередная ложь. Его шрамы всегда болели. Не так, как в первый день или в первую неделю — но всё же, та тупая боль никогда не оставляла его наедине с самим собой.

Прикосновение маленьких пальчиков к бесконечным рубцам заставляло сердце позорно сжиматься, и Эnten испытывал глупую грусть.

— Спасибо, — говорил Эnten, и это каждый раз было чистой правдой.

— Спасибо, — всегда отвечало дитя — а после возвращалось к своей семье, и Эnten вновь оставался сам.

Его скитания — нравилось ему это или нет, — обыкновенно приводили его к подножию башни. Это был его дом на короткий отрезок юности, место, где навеки изменилась его жизнь. И сейчас вот тоже он оказался здесь — сунул руки в карманы, запрокинул голову назад и посмотрел на небеса.

— Почему же, — проронил какой-то голос, — это быть не Эntenу, что наконец-то прибыл к нам! — голос казался довольно приятным, хотя Эnten ощутил в нём какое-то странное рычание, так глубоко похороненное в плетиве слов, что услышать его было трудно.

— Здравствуйте, сестра Игнатия, — промолвил он, низко поклонившись ей. — Я удивлён тем, что вижу вас здесь. Неужели наконец-то наука ослабила хватку и позволила вам выбраться на свободу?

Это впервые они разговаривали с глазу на глаз с той поры, как он получил ту кошмарную травму. Их переписка состояла из кратких заметок, вероятно, за сестру Игнатию сочиняемых другими сёстрами, что умели копировать подпись. Она никогда не беспокоилась о нём и не явилась навестить с той поры, как он получил ранения. Парень чувствовал странную горечь во рту — и сглотнул, пытаясь заставить себя не скривиться.

— О нет! — беспечно ответила она. — Любопытство — проклятие умных... Или, может быть, ум — проклятие любопытных. В любом случае, чего-то всегда не хватает, и я всегда занята, но, пожалуй, уход за моим прекрасным садом позволяет мне немного отпустить себя и даже немножечко отдохнуть, — она вскинула руку. — О, помни, не трогай листья! И цветы. И землю, пожалуй, тоже — только не без перчаток. Большинство этих трав — смертельно ядовиты. О, скажи мне, разве они не ужасно милы, мой дорогой?

— Само совершенство, — отозвался Эnten, хотя на самом деле о травах он практически не думал.

— И что же привело тебя сюда? — шурясь, спросила сестра Игнатия, когда взгляд Энтена вновь скользнул по тому этажу, где жила сумасшедшая.

Эnten вздохнул. Он всё смотрел на сестру Игнатию, на садовую грязь на её рабочих перчатках, на пот, стекавший по разогретому солнцем лицу. Её взгляд светился так, словно она только что отведала самое вкусное во всём мире блюдо, а сейчас ещё наслаждалась послевкусием. Но нет, это было невозможно — ведь она работала на улице!

Эnten откашлялся.

— Мне хотелось сказать лично... Я не смогу сделать тот стол, который вы потребовали, за шесть месяцев или даже за год, — проговорил он. Разумеется, это было ложью. Конструкция оказалась довольно простой, а того материала, что они попросили, полно повсюду — особенно если пользоваться лесами на запад от Протектората.

— Что за глупости! — ответила сестра Игнатия. — Разумеется, ты можешь кое-что сдвинуть. Ведь сестры почти, что твоя семья.

Энтен покачал головой, и его взгляд вновь скользнул к окну. На самом деле он не видел сумасшедшую, по крайней мере, вблизи с того мига, как на него напали птицы. Но во снах она приходила к нему каждую ночь. Иногда стояла на стропилах. Иногда — плясала в камере. А как-то раз была всадницей на спине бумажной птицы и растворялась в ночи.

Он подарил сестре Игнатии половинчатую улыбку.

— Семья? — промолвил он. — О, госпожа, я верю, семья существует.

Сестра Игнатия притворилась, что ничего не слышала, но поджала губы, сдерживая усмешку.

Энтен вновь оглянулся на окно. Сумасшедшая замерла в узком проёме. Её тело казалось чуть больше тени — и он увидел, как её рука касается решётки, а птица кружится рядом и жмётся к её ладони. Сделанная из бумаги птица. Он практически слышал сухой шелест крыльев, что бились по воздуху быстро-быстро.

Энтен содрогнулся.

— Что ты видишь? — спросила его сестра Игнатия.

— Ничего, — солгал Энтен. — Ничего не вижу.

— Мой милый мальчик... Что случилось?

Он вперил взгляд в землю.

— Успехов вам в ваших начинаниях.

— Прежде чем ты уйдёшь... Почему б тебе не сделать нам одолжение, раз уж никакой платой мы не можем тебя соблазнить, чтобы ты сотворил те прекрасные вещи — вопреки тому, что мы будем просить?

— Госпожа, я...

— Эй, ты! — позвала сестра Игнатия, и тон её на секунду стал куда резче. — Ты закончила своё работу, дитя?

— Да, сестра, — полился по саду звонкий, яркий голос, напоминающий ему колокольчик. Энтен почувствовал, как сердце его сковывает старое, прочное железное кольцо. О, этот голос! Он помнил его. Он слышал его в школе — и все эти годы тот луною раздавался в его воспоминаниях.

— Замечательно, — она повернулась к Энтену, и из уст её вновь полились сладкие, нежные речи. — У нас есть один новичок — и дивное решение не потратить жизнь на изучение и созерцание, а на возвращение в огромный, страшный внешний мир. О, что за глупости!...

Энтен почувствовал, как его захлестнул ужас.

— Но, — запнулся он, — ведь так не бывает!

— В самом деле, прежде никогда и не было. И никогда не будет. Наверное, меня ввели в заблуждение, когда она впервые к нам пришла, желая стать одной из нашего ордена. В следующий раз я буду более разборчива.

Из садового сарая вышла молодая женщина. Она была одета в простое, маленькое на неё платье, вероятно, то самое, что было на ней, когда она вошла в башню, как раз после своего

тринадцатого дня рождения — но теперь она стала так высока, что то едва прикрывало её колени. На ногах красовались изношенные мужские ботинки, кажется, кривые — наверное, она взяла их у кого-то из садовников. Но стоило ей только улыбнуться — и, казалось, засветилось всё, и её маленькие веснушки на щеках и носу тоже.

— Здравствуй, Эnten, — мягко промолвила Эсин. — Сколько лет, сколько зим...

Эnten почувствовал, как выскальзывает из-под его ног земля.

Эсин повернулась к сестре Игнатии.

— Мы были знакомы, когда учились в школе.

— Мы никогда не разговаривали, — хриплым шепотом, вперив взгляд в землю, выдохнул Эnten. Шрамы его пылали. — Ни с одной девушкой...

Её глаза сверкали, на губах застыла яркая улыбка.

— Разве? Я помню нечто другое, — она смотрела на него. На его шрамы. Прямо на его лицо. И не отвернулась. Не содрогнулась. Даже его мать содрогалась. Его собственная мать!

— Ну, по правде, — ответил он, — я никогда не разговаривал с девушками. До этой поры — никогда. Моя мать может многое об этом поведать.

Эсин рассмеялась, и Эntenу показалось, что он вот-вот потеряет сознание.

— Поможешь ли ты нашему маленькому разочарованию донести её вещи? Её братья заболели, её родители мертвы. А мне бы хотелось, чтобы все доказательства этого фиаско пропали отсюда как можно скорее.

Если что-то из всего этого и беспокоило Эсин, она не подала вид.

— Спасибо за всё, сестра, — сказала она так сладко, и голос её лился, словно мёд. — Я никогда не получила бы больше, если б не прошла сквозь эту дверь.

— И никогда не получила бы меньше, если б не покинула её, — зло отозвалась сестра Игнатия. — О, молодёжь! — она вскинула руки. — Если она не может сама этого сделать, может, ты ей поможешь? — она повернулась к Эntenу. — Верно? Девушке не хватает благопристойности даже на то, чтобы отразить малейшую долю печали о собственном решении, — глаза главной сестры потемнели, словно она проголодалась по человеческой силе. Она прищурилась, нахмурилась, и мрак исчез — может, Эnten его просто придумал. — Я не выдержу ни секунды её общества!

— Разумеется, сестра, — сглотнул Эnten. Казалось, во рту царил песок. Он отчаянно старался взять себя в руки. — Всегда к вашим услугам. Всегда.

Сестра Игнатия повернулась к нему спиной и зашагала прочь, бормоча себе что-то под нос.

— Хотела б я посмотреть на это, если б не ты... — пробормотала Эсин. Эnten повернулся, и она подарила ему широкую улыбку. — Спасибо, что помогаешь. Ты всегда был самым добрым из всех, кого я только знала. Ох, пойдём, давай уберёмся отсюда как можно скорее! Столько лет прошло, а я всё ещё дрожу при виде сестёр!

Она вложила свою ладонь в руку Эntenа и повела его в сарай посреди сада. Пальцы её оказались мозолистыми, руки — сильными, и Эnten чувствовал какой-то странный трепет, дрожь в груди, и сердце билось всё сильнее и сильнее, словно крылья птицы, вырвавшейся из клетки и полетевшей к безграничному небу.

Глава 16. В которой слишком много бумаги.

Сумасшедшая в башне не могла вспомнить собственное имя.

Она вообще не могла вспомнить имена.

В любом случае, а что такое имя? Нельзя к нему прикоснуться. Нельзя вдохнуть его запах. Нельзя уложить его спать. Не нашептать ему свою любовь, ни первый раз, ни когда-либо ещё. Когда-то имена казались чем-то заветным, выше прочего, но теперь имя улетело птицей. И она не могла уговорить свою святыню вернуться.

Столько вещей улетело! Имена. Воспоминания. Её знание о себе самой. Однажды — она знала, — она была умна. Способная. Видная. Любила и любила. Однажды, когда её ноги ступали по земле, её мысли были разложены на полочках сознания, одна за другой, одна за другой... Но теперь её ноги вот уж сколько лет не касались земли, а шкафы в голове разметала на мелкие деревяшки буря. Может быть, навсегда.

Она помнила только касание бумаги. О, как она голодала по бумаге! По ночам ей снилась эта сухая гладкость собственных подушечек пальцев, болезненные укусы острых, тонких краёв. Она каждый раз мечтала, представляла в снах себе, как чернильные пятна смысловыми узорами расползаются по белому. Она видела в снах перед собою бумажных птиц и бумажное небо. Она представляла себе, как прекрасная, сделанная из бумаги луна сияла ярко над бумажными городами, над бумажными огромными, безграничными лесами, как освещала силуэты бумажных людей. Бумажный мир! Вселенная, сотканная до конца из одной только бумаги! Она мечтала об этом — каждый день и каждый час.

Она не только мечтала об этом, она и трудилась, не покладая рук. Каждый день Сестра Звёзд заходила в комнату, убирала нарисованные карты, отбирала слова, которые она написала, не потрудившись их прочитать. Они жгли, они ругали, они наблюдали. Вот только каждый раз она видела новый лист бумаги, новое перо, новую баночку чернил. У неё было всё, что нужно.

Карта. Она рисовала карту, и это было ясно, как день. Она здесь — писала она. Она здесь, она здесь, она здесь.

— Кто здесь? — раз за разом спрашивал юноша. Его лицо было таким молодым, таким красивым, ясным... А потом красным, разгневанным, кровоточащим. А после, когда порезы от бумажных птиц зажили, когда шрамы приобрели чернильный оттенок, когда стали розовыми, белыми... Они сотворили карту. Сумасшедшая спрашивала — видит ли он? Поймёт ли он, что всё это значит? Может ли кто-нибудь вообще это понять, или способна только она одна? Ведь она не могла говорить. Ей хотелось схватить перо и выводить на его лице "она здесь", там, где скула переходит в ухо. Ей хотелось заставить его понять.

Кто здесь? Она чувствовала его заинтересованный взгляд, когда он поднимал с земли взгляд на её башню.

Ей хотелось закричать — а разве ты не видишь? Но она этого не сделала. Все слова смешались. Она не знала, был ли смысл у того, что срывалось с её губ.

Она каждый день выпускала из окна стайку прекрасных бумажных птиц. Иногда их было больше десяти. И каждая таила в своём сердце карту.

В самом-самом сердце.

Она здесь, она здесь, она здесь — сокол, зимородок, лебедь несли это в себе.

Её птицы далеко не летели. Не с самого начала. Она видела из окна, как нагибались люди, поднимали их с земли. Она видела, как те смотрели на башню. Наблюдала, как они коротко качали головами. Слышала вздохи, бедняжка, бедняжка — и они так крепко обнимали своих близких, словно безумие было заразным. А может, они в самом деле совершенно правы? Может быть, это и вправду так? А вдруг?

Никто не смотрел на слова на карте. Они сминали бумагу, может быть, чтобы выбросить, может быть, чтобы переделать. Сумасшедшая их винить в этом не могла. Бумага дорога. Для большинства дорога. Ведь она получала её так легко. Она просто пробралась через пробелы этого мира и вытаскивала лист за листом. Каждый лист — птица. Каждый лист — в небо.

Она сидела на полу своей клетки. Пальцы сами по себе находили бумагу. Пальцы сами по себе находили перо и чернила. Она не спрашивала, как это случилось. Она просто рисовала карту. Иногда она чертила её, так и не проснувшись. Приближался этот юноша. Она чувствовала, она слышала его шаги. Скоро он остановится и посмотрит вверх — и вопрос навеки застынет в его сердце. Она видела, как юность превращалась в ремесло, видела, как в нём загоралась любовь. Но она не в силах погасить вопрос.

Она сложила бумагу в виде сокола. Позволила ему отдохнуть на её широко раскрытой ладони. Видела, как он подрагивал — и запустила в небо.

Она смотрела в окно. Бумажная птица была странной. Она летала слишком быстро, она не была сложена должным образом. Бедняжка не выживет... Она приземлилась на землю — так сильно ударилась о землю у ног того самого юноши со шрамами на лице. Он замер. Наступил ногой на тонкую птичью шею. Сострадание или месть? Одно и то же, впрочем.

Сумасшедшая прижала руку к губам — прикосновение пальцев будто свет, прикосновение пальцев будто бумага. Она пыталась рассмотреть его лицо, но оно вновь спряталось в далёкой тени. Разве это имело значение? Она знала его лицо лучше собственного. Она могла провести по кривизне его шрама в темноте. Она видела, как он замер, как поднял птицу, как смотрел на её рисунки. Она смотрела, когда он поднял голову, посмотрел на башню. Потом на небо. На землю. На лес. На карту.

Она прижала руку к груди, чувствуя, как её беспощадное горе расплзается там, будто бы та чёрная дыра, пробитая в сердце, способная поглотить любой свет, сколько б его ни появилось. Возможно, так всегда и было. Её жизнь в башне казалась со стороны попросту бесконечной. Иногда она чувствовала, что до скончания миров будет в заключении.

И во время очередной внезапной вспышки она почувствовала, что что-то изменилось.

Её сердце шептало о надежде.

Небеса шептали о надежде.

Птица в руках юноши и взгляд его шептали о надежде.

Надежда, свет, движение. Надежда, слияние, сотворение. Надежда, тепло, объединение. Чудо. Тяжесть. Трансформация. Каждую ценность разрушают, каждую ценность создают. Надежда. Надежда. Надежда.

Её печаль исчезла. Осталась только надежда. Она чувствовала, как излучает её — наполнила башню, наполнила город, наполнила весь мир.

И в этот же миг она услышала, как рыдала от боли старшая сестра.

Глава 17. В которой появляется трещина в орехе

Луна считала, что была обычной. Думала, что ей нравится это. Но всё казалось половинчатым.

Она была пятилетней девочкой — потом семилетней, потом, наверное, одиннадцатилетней.

На самом деле, это было прекрасно — так думалось Луне в одиннадцать. Она любила

симметрию. Одиннадцать — это даже визуально казалось чем-то таким обратным, но на самом деле числа смотрели в одну сторону и вели себя не так, как следовало. Она думала, она такая же, как и большинство одиннадцатилетних. Ведь её связь с другими детьми всегда ограничивалась тем, как бабушка посещала Свободные Города, и то, это были только те посещения, во время которых Луне было разрешено присутствовать. Иногда ведь бабушка путешествовала и вовсе без неё. И каждый год Луне казалось всё более и более яростным, раздражающим то, что её оставляли здесь одну.

В конце концов, ей было уже одиннадцать лет! С одной стороны — чётное, с другой — нечётное. Она была готова сотворить множество вещей сразу — она была всем этим одновременно. И ребёнком, и взрослым, самодостаточным поэтом, и известным инженером, и старательным ботаником, и даже драконом. А сколько можно было расширять этот список! Так что, её возмущало то, что её заставляли отсутствовать во время некоторых поездок. И она говорила об этом, заявляла часто — и очень громко.

Когда бабушка была далеко, большую часть времени Луна проводила в мастерской. Она сидела над книгами о металлах и горных породах, о воде, о цветах и мхах, о съедобных растениях и о животных, о биологии и о том, как ведут себя звери, о теории и принципах механики... Но любимыми книгами Луны были те, что говорили об астрономии. А ещё она так сильно любила сияющую на небесах луну, что могла обнять её руками и долго-долго петь красивую колыбельную. Ей хотелось собрать лунный свет в огромную миску и выпить его залпом. У неё был голодный ум, в ней полыхало любопытство, а ещё она умела и рисовать, и строить, и творить.

Её пальцы, казалось, существовали отдельно от неё самой.

— Видишь, Глерк? — воскликнула она, продемонстрировав механическую вещицу из полированного дерева, со стеклянными глазами, с крошечными металлическими ножками, прикреплёнными к туловищу. Он прыгал, он скользил, он добирался, он хватал... Он мог даже петь! А теперь Луна установила его рядом с собой, и маленький механизм перелистывал страницы книги, а Глерк морщил свой большой влажный нос.

— Он переворачивает страницы, — промолвила она. — Книги. Бывают ли механизмы умнее?

— Но ведь он просто листает их, хочет того он или нет! — вздохнуло чудище. — Это не то же самое, что читать книгу. И даже если б он задерживался и делал вид, что читает, это было бы не то же самое, что читаешь ты. Даже если б он мог на самом деле... Как это — подойти к странице и понять, о чём на ней на самом деле идёт речь? — на самом деле, он просто пытался немного её осадить. Разумеется, он был впечатлён тем, что она сотворила. Но, как он тысячу раз повторял ей, раз за разом, раз за разом, он не мог бы быть столь сильно впечатлён каждой внушительной вещи, которую она когда-либо за свою короткую жизнь умудрялась сотворить. В конце концов, сердце его и без того разрывалось и выталкивало его из старого мира, впихивая в этот новый и страшный.

Луна топнула ногой.

— Конечно, читать он не может! Потому что он переворачивает страницу только тогда, когда я ему об этом говорю! — она скрестила руки на груди и посмотрела на болотное чудище так, что тому должно было захотеться отвернуться.

— Мне кажется, вы оба правы, — промолвил Фириан, пытаясь заключить шаткий мир. — Мне нравится глупое. И умное. Я люблю всё на свете!

— Тише, Фириан! — в один голос воскликнули девочка и болотное чудище.

— Это занимает больше времени — расположить механизм так, чтобы он переворачивал страницу, научить его этому, чем просто перевернуть её самой. Так почему бы тебе и вправду не переворачивать страницу самостоятельно? — Глерк беспокоился, потому что шутка зашла слишком далеко. Он обхватил Луну своими четырьмя руками, прижал её к своему верхнему правому плечу, но она закатила глаза и выскользнула из его рук.

— Потому что тогда не будет механизма, — в груди Луны что-то кололо. Всё тело её кололо. Весь день она была колючей, будто ёж! — А где же бабушка?

— Ну, так ведь ты знаешь, где она сейчас находится, — ответил Глерк. — Она вернётся уже на следующей неделе.

— А я не хочу, чтобы она возвращалась на следующей неделе! Я хочу, чтобы она вернулась сегодня!

— Поэт говорит, что нетерпение — это удел мелочей. Головастики, блох, мушек. А ты, моя любовь, ну уж явно куда больше дрозодилы.

— Ненавижу поэта! От него голова кипит!

Эти слова резанули Глерка по сердцу. Он прижал к груди все четыре свои руки и упал на спину, защищаясь, завернувшись в свой хвост.

— Что ты такое говоришь?

— То, что ты слышишь! — отрезала Луна.

Фириан носился от девочки к чудищу, от чудища к девушке. И не знал, куда лететь.

— Ну, Фириан, — Луна открыла один из боковых карманов. — Ты можешь вздремнуть, а я пойду на путь, посмотрю, достаточно ли далеко бабушка, чтобы увидеть её отсюда. Мы можем очень далеко видеть с холма, ты не знаешь?

— Ты ещё не сможешь её увидеть! Несколько дней — нет, — Глерк внимательно посмотрел на девочку. Что-то сегодня было не так. Но он не мог понять, что именно.

— Так ведь ты не знаешь! — Луна повернулась на каблуках и зашагала по тропе.

— У терпения крыла нет, — продекламировал Глерк, когда она миновала его, — у терпения нет работы... Но ни взрывов в нём нет, ни полёта... Ведь терпение — зыбь океана, ведь терпение — гор сильных вздох... Ведь терпение — звёзд хороводы, бесконечное пение звёзд...

— Я не слушаю тебя! — не оборачиваясь, громко прокричала Луна. Но на самом деле она слушала. Глерк мог сказать это с абсолютной уверенностью.

К тому мигу, когда Луна добралась до нижней части склона, Фириан успел уснуть. Этот дракон мог спать где угодно и когда угодно! На самом деле, в этом он был попросту настоящим экспертом! Луна полезла в карман и погладила его нежно по голове, но он так и не проснулся.

— Ох, драконы-драконы... — пробормотала Луна. Это оказалось ответом на многие вопросы, хотя по правду никакого особого смысла в этом не было. Когда Луна была маленькой, казалось очевидным, что Фириан старше её. Он научил её считать, создавать числа, складывать и вычитать их, умножать их и делить, от самых маленьких до попросту огромных. Он научил её делать числа чем-то большим, чем они являлись на самом деле, пользовался ими для того, чтобы раскрыть более крупные понятия о движении и о силе, о пространстве времён и пространстве мест, и кривые с кругами выгибались пружинами в его умелых, разумных лапах — а после и в руках самой Луны они вились настоящими ветвями.

Но теперь всё оказалось иначе. С каждым годом Фириан казался ей всё младше и младше, каждый год убивал, капля за каплей, его превосходство над её слабыми, скромными знаниями. И иногда Луне взаправду казалось, что для него время течёт в обратном направлении — а она в это время просто неподвижно замерла в нём, но порой у неё возникало такое впечатление, что на самом деле всё было абсолютно наоборот: это Фириан замер на одном месте и не сдвигался ни на миг во времени, а Луна тем временем всё росла и росла вперёд. И она всё время задавалась вопросом, почему так получилось.

Драконы! Глерк смог бы объяснить, что да к чему.

Драконы! Ксан согласилась бы с нею, а потом пожала бы плечами. Это драконы, что ты с ними сможешь поделать?

И никто ничего не ответил. По крайней мере, Фириан никогда не пытался уклоняться от вопросов Луны и не намеревался её запутать. Во-первых, потому что он понятия не имел, что такое запутать, а во-вторых, редко мог ответить. Разве что если вопросы были по математике. Вот тогда он и вправду фонтанировал ответами! А что касалось всего остального, Фириан был не слишком мудрым.

Луна добралась до вершины холма до полудня. Она поднесла ладонь к глазам и попыталась увидеть так далеко, как только смогла. Она никогда не бывала так высоко — и поразилась, что Глерк позволил ей так далеко забраться.

Города лежали по ту сторону леса, внизу, на южной стороне горы, где земля становилась ровной и гладкой. Там земля больше никого не убивала. К тому же, как знала Луна, были там фермы, ещё одни горы, а потом — океан... Но так далеко луна никогда не бывала. По ту сторону, на севере горы, не было ничего, кроме леса, а за его пределами красовалось только болото, охватившее половину мира.

Глерк сказал, что он был рождён из этого болота. И мир был рождён из болота.

— Как? — спрашивала тысячу раз Луна.

— Стихотворение, — иногда отзывался Глерк. — Песня, — сообщал он в другое время. И тогда, вместо того, чтобы объяснять ей дальше, он говорил, что она когда-нибудь позже сама всё поймёт.

Глерк, как подумала Луна, был просто ужасен. Всё было ужасным. И самой ужасной казалась ужасная, страшная боль в голове, что ухудшалась в течение всего дня. Она села на землю, закрыла глаза. В темноте, что пряталась за ресницами, она видела синее с отливом серебра — и ещё что-то невероятное. Что-то твёрдое, что-то плотное, как орех...

И ещё ей казалось, что внутри что-то пульсировало, будто бы бился в её голове сложный часовой механизм. Нажми, нажми, нажми на кнопку...

Каждый щелчок, подумала Луна, приближал её к концу. Она покачала головой. Почему она так думает? Она ведь не имела ни малейшего представления о правде...

Отчего в её голове так тесно? Вот только ответ так и не приходил.

И вдруг она увидела маленький дом с огромным количеством одеял, сшитых вручную, одеял, что драпировали стулья, украшали стены, прикрывали красочные баночки на ярких полках, такие невообразимо соблазнительные... И эта женщина с чёрными волосами и родинкой в форме полумесяца, и песня — видишь маму? Да, моя милая? И это слово, что билось в её голове, от одного уха к другому, мама, мама, мама, снова, снова, снова, как будто кричала птица.

— Луна? — сказал Фириан. — Луна, почему ты плачешь?

— Я не плачу, — прошептала Луна, утирая слёзы. — И, в любом случае, я очень сильно

скучаю по бабушке.

И это было правдой. Ей так не хватало мудрой пожилой женщине! И сколько б она ни стояла, сколько б она ни смотрела, от этого ни на миг не уменьшалось время, которое было нужно, чтобы прийти из Свободных Городов на вершину спящего вулкана. Она была уверена в этом. Но дом, но одеяла, но черноволосая женщина — Луна видела их прежде! Но она не знала, где именно.

Она посмотрела вниз, на болото, на сарай с мастерской, на дом на дереве с его круглыми окошками, что выглядывали с каждой стороны массивного дерева, словно удивление немигающих глаз... И ещё один дом. И ещё одна семья. И этот дом. И эта семья. Она знала, что это таилось в её костях.

— Луна, что не так? — спросил Фириан, чувствуя тоску в своём голосе.

— Всё так, Фириан, — сказала Луна, обхватив его руками и притянув к себе, а после поцеловав в макушку. — Всё-всё на свете так, милый. Я просто думаю о том, до какой степени сильно я люблю свою семью...

И это была первая ложь, которую она когда-либо говорила. Даже вопреки тому, что её слова были чистой правдой.

Глава 18. В которой обнаруживается ведьма.

Ксан не помнила, когда в последний раз она путешествовала столь медленно. Много лет не истощалась её магия, но не было никаких сомнений, что сейчас она утекала куда быстрее. Теперь, казалось, она превратилась в крошечную струйку, что текла сквозь узкое отверстие в её пористых костях. Она видела всё серым, слух ухудшился, и бедра страшно болели (и левая нога, и нижняя часть спины, и плечи, и запястья и, как чудно, её нос). И состояние всё ухудшалось. Совсем скоро она не сможет держать Луну за руки, не коснётся её лица, не прошепчет, что любит её. Остался только последний раз — но этого уже слишком много.

На самом деле Ксан не боялась умереть. А зачем? Она ведь помогла облегчить боль сотням, тысячам людей, готовясь к этому пути в неизвестность. Она видела много раз лица людей, что отправлялись в последний путь, видела их удивлённый взгляд и дикую, безумную радость. Ксан была уверена, что опасаться ей просто нечего. Да и, в конце концов, у неё было ещё время... Месяц за месяцем она близилась к своему концу, что будет, она знала, далёк от достоинства. Когда она воскрешала свои воспоминания о Зосиме (а это, вопреки всем усилиям, было трудно), она видела его гримасы, его дрожь и пугающую худобу. Она вспоминала терзавшую его боль. И не хотела пойти по его стопам.

Она говорила, что всё это ради Луны. И это была чистая правда. Она любила эту девочку всё сильнее с приступом боли в спине, с каждым кашлем, с каждым ревматическим вздохом, и каждая трещина в её суставах наполнилась любовью. И не было ничего, что она не в силах была выдержать ради этой девочки.

И она должна была рассказать ей об этом. Конечно же, она должна!

Совсем скоро, повторяла себе Ксан. Совсем-совсем скоро, но только не сейчас. Ещё слишком рано.

От протектората шёл длинный пологий склон, что как раз вёл вниз, туда, где располагалось огромное болото — Буг и его Зирин. Ксан поднялась на скалистый уступ, чтобы посмотреть на город в последний раз, прежде чем спуститься вниз.

В этом городе что-то было. Слишком уж много печали зависло над ним — и вилась она

настоящим туманом. Оказавшись куда выше этого огромного печального облака, Ксан, хватаясь за спину, корила себя.

— Старая дура! — пробормотала она. — Скольким людям ты успела помочь? Сколько ран ты исцелила, сколько сердец успокоила? Сколько душ ты проводила на своём пути! И тем не менее, вот они, эти несчастные люди, мужчины и женщины, эти бедные дети, которым ты отказалась помочь! Ну что, что скажешь себе, старая ты дура?!

И ей нечего было ответить самой себе.

И она по сей день не знала, почему.

Она только знала, что чем ближе, чем скорее она умрёт, тем больше отчаянного желания было уйти — или остаться.

Она покачала головой, спустилась вниз к городу по склону, шурша гравием, листьями своих бесконечных юбок. И, шагая, она вспоминала. Вспомнила свою комнату в старом замке, вспомнила двух драконов, вырезанных на камнях по обе стороны от камина, изломанный потолок, открытое небо, которое магия не позволяла прорвать дождям. И она помнила, как забиралась в свою импровизированную кровать, прижимала руки к сердцу и молила звёздам, чтобы заполучить хотя бы одну ночь, которую не изрезали бы кошмары. Но никогда не происходило этого — и она помнила, как рыдала, уткнувшись в свой матрас, и лила слёзы. И помнила голос по ту сторону двери. Тихий, сухой, колючий голос, что всё шептал и шептал. Больше, больше, больше.

Ксан плотно завернулась в плащ. Она не хотела дрожать. А ещё она не хотела ничего вспоминать. Она покачала головой, чтобы отогнать дурные мысли, и двинулась вниз по склону, растворяясь в страшном облаке.

Сумасшедшая в башне увидела, как ведьма ковыляла сквозь деревья. Она была далеко, очень далеко, но глаза сумасшедшей могли видеть всё на свете, если она того хотела.

Если б она знала, как это сделать, прежде чем сошла с ума! А может, она и знала. Не замечала просто. Она однажды была преданной дочерью, после влюблённой девушкой... А потом была будущей матерью, что считала дни до прихода собственного ребёнка. Может быть... Потом всё просто пошло не так.

Сумасшедшая осознала, что она, может быть, знала о многом. О невозможном. Ведь мир, что таился в её безумии, был усеян сверкающими камнями и драгоценностями. Человек мог уронить на землю монету и никогда её не отыскать, но ворона обнаружит по короткой вспышке. А знание — это сверкающий драгоценный камень, а она — ворона. Она рвалась к ним, хватала и забирала. Она столько всего знала! Например, где жила ведьма. Она могла добраться туда, даже с завязанными глазами, если б её хоть на день выпустили из башни. Она знала, откуда колдунья забрала ребёнка. Знала, на что походили города.

— Как наша пациентка поживает этим утром? — каждый день говорила ей старшая сестра. — Ну, сколько ж горя терзает её несчастную душу? — а она была голодна. Сумасшедшая могла это почувствовать.

Нет, но сумасшествие не мешало ей говорить. Вот только она сказать ничего не могла.

Много лет сумасшедшая мучила главную сестру. Много лет она, как хищница, готовилась к прыжку (и, как она поняла, поедала печаль. Нет, об этом она прежде никогда не знала. Она отыскиала это, как и всё остальное, и щель в мирах испугала её вновь). Много лет она лежала молча лежала в своей камере, а старшая сестра наедалась её горем.

А после однажды не пришла печаль. Сумасшедшая научилась останавливать её,

отбрасывать в сторону и прятать. Надежда. И сестра Игнатия всё чаще и чаще уходила голодной.

— Умная, — тонкая линия её губ шептала эти слова. — Ты заперла меня. Пока что.

Это они её заперли, эта сумасшедшая мысль, и крошечная искра надежды воспламеняла её душу. Сейчас.

Сумасшедшая прижалась лицом к толстому стеклу окна. Ведьма сейчас хромала в сторону городских стен, равно как Совет нёс последнего ребёнка к воротам.

Ни одна мать не вопила. Ни один отец не кричал. Они не боролись за их обречённого ребёнка, они только ошеломлённо наблюдали, как младенца отвели в ужасный лес, полагая, что он позволит удержать тонкую грань. Они смотрели на них в страхе.

Дураки, сумасшедшие! Это всё, хотела сказать она, неправильный путь.

Сумасшедшая нарисовала карту на соколе. Да, она могла позволить чему-то случиться, и ничего сейчас не могла объяснить. Это было правдой — прежде чем они пришли за ребёнком, прежде чем она оказалась в этой башней, — одна мера пшеницы становилась двумя, ткань становилась тонкой, как бумага, роскошной и сильной в её руках. И долгие годы в башне делали её дар четче и яснее. Она отыскивала в зазорах мира кусочки волшебства и поймала их.

Сумасшедшая прицелилась. Ведьма направлялась на поляну. Старейшины направлялись на поляну. И сокол полетит именно туда, к ребёнку. Она знала, что его кости притянут дитя.

Великий старейшина Герланд, по правде, был уже в годах. Зелья, которые он каждый день получал от Сестёр Звёзд, помогали, но сейчас казалось, что действовали они хуже обычного. И это его раздражало.

А ещё его раздражали эти младенцы, то, что на самом деле это не давало никакого результата. Он просто не пользовался теми, что были особенно трогательными. Они забирали тех, кто был громок, хамил, кто был самым настоящим эгоистом.

К тому же, дети всегда воняли. И один из них, разумеется, тоже воняет.

Гравитация, конечно, была прелестной вещью. Прекрасной и хорошей, особенно важной для того, чтобы в мире всё оставалось хотя бы относительно на своих местах, вот только Герланд устало перекладывал ребёнка с одной руки на другую, понимая, что слишком уж он постарел для подобных вещей.

Он отпустил Энтена. Он знал, что это было невообразимо глупо. Куда лучше было бы не позволить этому мальчику просто так взять и уйти. В конце концов, сейчас обыкновенным делом были казни, но какие ж они грязные! Особенно если в этом всё ещё замешана родная семья... Насколько же иррациональным было сопротивление Энтена в День Жертвоприношения! Раздражению Герланда не было конца, и он чувствовал, что потерял что-то, когда Эnten ушёл, хотя точно не мог сказать, что именно. А в совете с его уходом воцарилась поразительная пустота. Он говорил себе, что просто хотел, дабы кто-то другой держал это извивающееся отродье, но Герланд знал, что в этом чувств было больше, чем ему на самом деле хотелось.

Люди вдоль дороги склонили головы, когда мимо проходил Совет, всё шло нормально. Извивался в руках ребёнок. Плюнул Герланду на халат, и тот тяжело вздохнул. Он не устроил сцену. Он позволил своим людям спокойно перенести эту досужую неудачу.

Довольно трудно — никто и не узнает, до какой степени! — оставаться любимым, благородным, бескорыстным. И когда Совет миновал последний рубеж, Герланд в очередной

раз поздравил себя с тем, как он добр и мил.

Вопли ребёнка превратились в тихую икоту.

— О, что за неблагодарность... — пробормотал Герланд себе под нос.

Энтен был уверен, что его заметили на дороге, когда Совет проходил мимо. Он на мгновение встретился взглядом со своим дядей Герландом — он с содроганием подумал о том, насколько отвратителен был этот человек, а после выскользнул из толпы и шагнул к воротам, когда убедился, что его никто не видит. А после, под прикрытием деревьев, бегом направился в сторону поляны.

Эсин всё ещё стояла на обочине дороги. У неё уже была подготовлена корзинка для горюющей семьи. Она — ангел, сокровище, невероятная женщина! — и вот уж месяц прошёл с той поры, как она покинула башню... А после стала женой Энтена. Они отчаянно друг друга любили. Они мечтали о семье, вот только...

Крик ребёнка.

Женщина, застывшая на стропилах.

Облако печали, зависнувшее туманом над Протекторатом.

Энтен наблюдал за тем, как раскрывался древний ужас — и ничего не делал. Он стоял, будто дитя, когда забрали ребёнка и утащили его в лес. Он повторял себе, что ничего не мог сделать, даже если бы и сильно захотел. Так все полагали. Так считал Энтен.

Но ещё Энтен думал, что всю свою жизнь он проведёт в гордом одиночестве — а любовь доказала ему, как он ошибался. И мир теперь стал ярче, чем был прежде. Если одну веру можно разбить, то почему вторая должна никогда не поддаваться?

А что делать, если они ошибаются относительно колдуньи? Что делать, если они ошибаются относительно жертвы? Энтен спрашивал себя об этом раз за разом, но даже сам вопрос считался настоящей революцией. И вот что удивительно — а что бы случилось, если б они попытались противиться?

И почему эта мысль никогда прежде даже не приходила ему в голову? Разве не было бы лучше, думал он, привести ребёнка в мир хороший, мир справедливый и добрый.

Если бы кто-нибудь попытался поговорить с ведьмой? Откуда они знают, какие у неё мотивы? В конце концов, в любой старухе должно быть немного мудрости! Это имело смысл.

Любовь сделала его легкомысленным. Любовь сделала его храбрым. Любовь смела туман с многих понятий. И теперь Энтен нуждался в ответах.

Он пронёсся мимо древних платанов и спрятался в кустах, дожидаясь, пока уйдут Старейшины.

Именно там он отыскал бумажного сокола, что украшением висел на тисовом кусте. Он схватил его и прижал близко-близко к своему сердцу.

Когда Ксан добралась до поляны, было уже довольно поздно. И она опоздала — она ведь уже сколько времени не слышала суеты ребёнка.

— Тётушка Ксан идёт, дорогой! — закричала она. — Прошу, не бойся!

Она не верила в это. Столько лет она ни разу не опаздывала. Никогда. Ох, бедняжка... Она закрыла глаза, попыталась направить в ноги поток магии, чтобы прибавить скорости, но, увы, это больше походило на лужу, чем на потом — но немного помогло. Опираясь о свой посох, Ксан быстро зашагала по зелёной тропе.

— О, слава Бугу! — она тяжело дышала, узрев наконец-то круглолицего, взбешённого, но живого и невредимого ребёнка. — Я так беспокоилась о тебе, я...

И тогда между нею и ребёнком встал мужчина.

— Стой! — прокричал он. Лицо его было покрыто шрамами, в руках оказалось оружие.

Лужа магии, что сейчас была усугублена страхом, удивлением, беспокойством за ребёнка, что оказался за спиной этого опасного пришельца, вдруг обратилась настоящим приливом. Он промчался по костям Ксан, освещая её мышцы, заставляя кожу сиять, и даже волосы зашипели магией.

— Сойди с моего пути! — прокричала Ксан, и голос её загудел среди скал. Она чувствовала, как волшебство исходит из центра земли, проходит через её ноги и с головы срывается в небеса, взад и вперёд, взад и вперёд — и массивные волны бьются о берез её безбрежной силы. Она протянула руку и схватила мужчину, и тогда он громко закричал, словно всплеск ударил его прямо в солнечное сплетение, заставляя потерять возможность дышать, как будто отбросил куда-то в сторону с невообразимой силой... И вправду, Ксан с лёгкостью могучей ведьмы отшвырнула его — словно он оказался обыкновенной пушинкой, тряпичной куклой, не имеющей особого веса. И она превратилась в огромного ястреба, спустилась к ребёнку, когтями вцепилась в пелёнки и подняла ребёнка в небо.

Ксан не могла быть таковой — магии бы просто не хватило, — но довольно долго они с ребёнком были в воздухе на гребне ветра. Там она могла бы давать ему еду и дом, если, конечно, первая не рассыплется на части — а ребёнок всё вопил и вопил.

Сумасшедшая в башне наблюдала за тем, как трансформировалась колдунья. Она ничего не почувствовала, когда перья прорвались из её пор, как расширились её руки, а тело стало короче, когда старуха внезапно завопила от своей могучей власти и от необъятной и необратимой боли.

Сумасшедшая вспомнила вес младенца на руках. Запах его кожи. Вспомнила то, как радостно новая пара ножек била её по рукам. Как ручонки изумлённо касались завитков маминых волос.

Она помнила, как прижимала её к груди, а спиной вжималась в крышу.

Вспомнила ноги на стропилах. Вспомнила, как сильно мечтала полететь.

— Птицы, — пробормотала она, когда улетала ведьма. — Птицы, птицы, птицы...

В этой башне не существовало времени. Здесь жила одна только потеря.

По крайней мере, сейчас.

Она смотрела на юношу, лицо которого сплошной пеленой покрывали шрамы. О, она жалела о шрамах! Она не хотела этого делать! Но он был добрым мальчиком, умным и любопытным, и сердце у него — хорошее. О, какой же ценной была его безмерная доброта! Его шрамы, она знала, будут отгонять всех глупых девиц прочь. А он заслуживает кого-то необыкновенного, кто обязательно его полюбит.

Она смотрела на него — и смотрела на бумажного сокола. Она наблюдала, как тщательно он раскрывал плотные складки, распрямлял бумагу на камне. Там не было карты. Но были слова.

Не забывай, — говорила одна сторона.

Вот что я имею в виду — вещала другая.

И в её душе бились тысячи птиц, птиц из бумаги, птиц их перьев, птиц из ума и сердца, и они мчались по небу и парили среди прекрасных деревьев.

Глава 19. В которой есть путешествие в город Агони.

Для существ, что любили Луну, время промелькнуло словно пятно. Луна, однако, беспокоилась — ей словно никогда не исполнится двенадцать! И каждый день казался ей тяжеленным камнем, который следовало поднять на вершину невообразимо высокой горы.

И в тот же миг, каждый день росли и росли её знания. Каждый день мир и расширялся, и сжимался — чем больше узнавала Луна, тем больше разочаровывалась, сколько не знает. Она быстро училась, быстро разбиралась и быстро бегала — а иногда вспыхивала раздражением. Она ухаживала за козами, она присматривала за курами, присматривала за своей бабушкой, за её драконом и за её прекрасным болотным чудищем. Она знала, как задобрить молоко, как испечь хлеб и как сотворить какое-то интересное изобретение, как выстроить некое хитрое здание и как вырастить растения, и как отжать сыр и стушить рагу, как подпитать ум и душу. Она умела держать дом в чистоте, хотя, по правде, занималась этим не так-то уж и часто, шить платья и вышивать — и превращала узоры в восхитительную реальность.

Она была ярким ребёнком, опытным ребёнком, ребёнком, что любил и был любим.

До поры, до времени.

Но что-то пропало. Какой-то разрыв в её знаниях. Разрыв в её жизни. Луна чувствовала это. Она надеялась, что когда ей станет двенадцать, проблема попадёт, но нет. Она никуда не делась.

Вместо этого, когда ей наконец-то стало двенадцать, Луна заметила, что меняться всё стало совсем не в лучшую сторону. Она впервые в жизни стала выше собственной бабушки. Она стала более раздражительной. Нетерпеливой. Деструктивной. Она ругалась на бабушку. Она ругалась на болотное чудище. Она даже однажды крикнула на дракона, который был столь близок её сердцу, будто бы настоящий брат-близнец. Разумеется, после она извинилась перед каждым из них, но сам факт того, что раздражение неумолимо подступало, отменить было нельзя. И Луна задавалась вопросом, почему ей всё так сильно досаждают.

И ещё одно. Луна всегда считала, что прочитала каждую книгу в мастерской, а теперь вдруг стала понимать, что там их было много больше, и некоторые она и вовсе никогда не брала в руки. Она знала, на что они были похожи, знала, где они находились на полках. Но она не помнила ни единого названия, не могла вытащить из глубин памяти ни единого слова относительно их содержания.

Вскоре она стала замечать, что не была способна даже прочесть слова на корешках некоторых томов. А ведь она должна была быть в состоянии их прочитать! Ведь слова для неё были не чуждыми, да и писать она умела вот уж сколько лет, сколько раз пользовалась этим своим умением! Буковки цеплялись одна за другую и должны были подарить ей невероятный смысл...

И всё же.

Каждый раз, когда она пыталась посмотреть на корешки, глаза словно скользили с одной стороны в другую, словно эта книга была сотворена из масла и стекла, а не из кожи и чернил. Этого не происходило, когда она смотрела на корешок "Жизни звёзд" или копии любимой Механики. Но некоторые книги оказывались столь же скользкими, сколь и шарики в масле. Более того, когда она наконец-то тянулась к одной из них, она находила себя вдруг необратимо потерянной — она словно засыпала и просыпалась там, где не бывала, она будто

бы забывала о реальности. Внезапно, она понимала, глаза куда-то косили, голова кружилась, а в мыслях появлялись обрывки стихов или какая-то очередная дивная история, о которой она прежде ничего не слышала. Иногда она возвращалась в чувство спустя минуту, иногда — через пару часов или даже полдня, качала головой, чтобы не позволить собственному мозгу испортиться, иногда приходила в себя на земле и задавалась вопросом, что она так долго делала в этом месте.

Она никому об этом не рассказала. Не поведала бабушке, не нашептала на ухо Глерку. И Фириану, разумеется, не сказала ни слова. Она не хотела их беспокоить. Эти изменения казались слишком неловкими. Слишком странными. И поэтому она держала всё в секрете. До этой поры они иногда странно косились на неё, давали нечестные ответы на вопросы, словно уже знали, что с нею что-то не так... И эта неправдивость билась в её теле головной болью, от которой она никуда не могла сбежать.

Случилось ещё кое-что, когда Луне исполнилось двенадцать — она принялась рисовать. Она рисовала постоянно. И бездумно, и когда была в осознанном состоянии. Она рисовала лица, места, мельчайшие детали растений и шерстинки животных, там тычинка, сям лапа, а вот — сгнивший зуб слишком старой козы. Она рисовала звёздные карты и карты свободных городов, а ещё — карты мест, что существовали исключительно в её воображении. Она рисовала башню с каменной кладкой и бесконечными коридорами, лестницами, что переплетались в её глубинах, и башня нависала над городом, залитым туманом. Она рисовала женщину с длинными чёрными волосами. И людей в мантиях.

Бабушка могла лишь без конца давать ей бумагу да перья. Фириан и Глерк сделали карандаши из древесного угля и камышей. И она никогда не могла насытиться.

Позже, в этом же году, Луна со своей бабушкой вновь отправилась в Свободные Города. Её бабушку там всегда очень ждали. Она проверяла состояние беременных женщин и давала советы акушеркам, лекарям, аптекарям. И хотя Луна прежде любила Свободные Города по ту сторону леса, на этот раз путешествие казалось для неё тягостным.

Её бабушка, стабильная, будто валун, за всю жизнь Луны впервые начинала слабеть — и беспокойство Луны о её здоровье кололо кожу бесконечными шипами на её платье.

Ксан хромала весь путь, и от этого становилось только хуже.

— Бабушка, — промолвила Луна, наблюдая за тем, как её бабушка содрогалась на каждом шагу. — Ну почему ты всё ещё ходишь? Тебе давно уже пора просто сидеть! Я думаю, для тебя просто необходимо — присесть прямо сейчас, в эту минуту! Вот, только посмотри. Давай зайдём, немного посидим, и тебе станет много лучше.

— О, что за вздор! — отмахнулась её бабушка, тяжело опираясь на свой посох и вновь морзась. — Чем больше я буду сидеть, тем больше времени займёт это бесконечное путешествие...

— Чем больше ты будешь ходить, тем хуже будет утром! — возразила Луна.

Каждое утро, Казалось, Ксан одолевала новая боль и новая болезнь. Помутнели глаза, ныли плечи. И Луна была вне себя.

— Хочешь, я посижу у тебя в ногах, бабушка? — спросила она Ксан. — Хочешь, я расскажу тебе историю или спою тебе песенку?

— Ну что ты, дитя моё... — вздохнула бабушка Луны.

— Может быть, тебе стоит что-нибудь съесть. Или немного выпить. Чаю, например. Хочешь, я сделаю тебе чай? Но, возможно, следует присесть. Чтобы выпить чаю.

— Я прекрасно себя чувствую. Я ходила здесь куда больше, чем могу сосчитать, больше, чем должна, и никогда никаких проблем не было. Ты слишком много уделяешь этому внимания, — но Луна знала, что в её бабушке что-то радикально переменялось. Теперь появилась дрожь в её уверенном голосе, и тремор одолел руки и ноги. И она стала такой тонкой! Раньше бабушка Луны казалась похожей на луковку, приземистой, но она всё ещё была поразительно милой, а объятия её были невообразимо мягкими. А теперь она стала хрупкой, нежной и лёгкой, словно сухая травинка, что рушилась, завёрнутая в бумагу, от каждого слабого порыва ветра.

Когда они прибыли в город под названием Агони, Луна помчалась вперёд, к дому вдовствующей женщины, что как раз жила на границе.

— Моей бабушке нехорошо, — обратилась она к вдове. — Только не говорите ей, что я об этом вам сказала!

И вдова отправила её почти взрослого сына (звёздное дитя, равно как и многие другие) к целителю, а тот помчался к аптекарю, а тот к мэру, мэр же оповестил Лигу Дам, что предупредила Ассоциацию джентльменов, Ассоциацию Часовщиков и Мастеров, потом Котельную и городскую школу. И к тому времени, как Ксан доковыляла до вдовьего сада, там собралась половина города, выстроила столы и палатки, и целые легионы были готовы оказать старухе посильную помощь.

— Ох, что за глупости... — выдохнула Ксан, впрочем, с благодарностью опустившись в подставленное молодой женщиной в садовой траве кресло.

— Мы думали, так будет лучше, — ответила вдова.

— Я подумала, что так будет лучше, — поправила её Луна, и, казалось, целая тысяча рук похлопала её по щеке и потрепала по голове.

— Такая хорошая девочка! — бормотали горожане. — Мы ведь знали, что она будет лучшей из лучших девочек, лучшей из лучших девушек, а потом станет лучшей из лучших женщин. Как приятно оказаться правыми!

В этом внимании не было ничего необычного. Всякий раз, когда Луна посещала Свободные Города, она обнаруживала и тепло встречи, и даже заискивание. Она понятия не имела, почему горожане так её любили, почему так прислушивались к каждому её слову, но с наслаждением принимала их восхищение.

Они отмечали красоту её тёмных, сверкающих ночным небом глаз, её чёрные волосы с золотыми бликами на них, даже родинку на лбу в форме полумесяца. Они видели, как длинны и тонки её пальцы, как сильны и быстры её ноги. Они хвалили её за точные фразы и умные жесты, за то, как она танцевала, за то, как мягок и сладок был её нежный голос.

— Она просто волшебна, — вздыхали городские матроны, а после Ксан бросала на них столь ядовитый взгляд, что они принимались бормотать о погоде.

Это слово заставляло Луну хмуриться. Она в то мгновение вроде как и знала, что однажды уже слышала его — по крайней мере, должна была, — но спустя мгновение оно вылетало из её головы, словно колибри. Потом исчезало. Оставалось на месте слова просто пустое пространство, какая-то глупая мимолётная мысль на самом краешке сна.

Луна сидела среди звёздных детей самого разного возраста — одни были ещё совсем маленькими детьми, которым не исполнилось и пяти лет, другие уже работали и имели своих детей, а третьи превратились в самых настоящих стариков, но всё ещё сияли изнутри счастьем.

Почему они называли их Дети Звёзд? Луна задавала этот вопрос, наверное, целую тысячу раз.

— Уверена, что понятия не имею, о чём ты говоришь, — всегда неопределённо отзывалась Ксан.

А после она меняла тему. И Луна забывала о своём вопросе каждый раз после того, как его задавала.

Только в последнее время она могла вспоминать о том, что хотя бы задавала вопрос.

Звёздные дети всё обсуждали то, что помнили о своём раннем-раннем детстве. Это было то, что они так часто видели — то, что приближало их к тому мигу, когда Старуха Ксан привела их в их дома, к их семьям, да ещё и отметила их, как избранных детей. Поскольку никто не мог помнить ничего на самом деле, ведь они были слишком юны, они забирались до того далеко в собственную память, сколько это вообще было возможно — что-то увидеть.

— Я помню зубы — они вдруг стали шататься и начали выпадать. А вот всё то, что было до этого, увы, немного размыто, — отметил пожилой Звёздный джентльмен.

— А я помню песню, которую пела моя мама. Но она всё ещё её поёт, поэтому, может быть, это даже не воспоминание... — отметила девочка.

— А я помню козу. Козу с могучей гривой, — вздохнул мальчишка.

— А ты уверен в том, что это была не Бабушка Ксан? — полюбопытствовала у него девочка, захихикав. Она была одной из самых юных Звёздных Детей.

— О, — хмыкнул мальчик. — Может быть, ты права.

Луна наморщила лоб. Где-то в глубине её сознания прятались какие-то картинки. Были они воспоминаниями или просто мечтами? Или воспоминаниями о её мечтах, может быть? Или, может, она это придумала. Откуда узнать?

Она откашлялась.

— Был старик... — промолвила она, — в тёмной-тёмной мантии, что без конца шелестела у него за спиной, будто бы её дёргал ветер, а ещё у него был морщинистая шея и нос... как у стервятника, и он меня попросту ненавидел.

Звёздные Дети подняли головы.

— Правда? — спросил один из мальчиков. — Ты совершенно уверена в этом? — они пристально смотрели на неё, закусывали губы и всё, кажется, смущались.

Ксан пренебрежительно махнула левой рукой, а щёки её из розовых внезапно стали алыми.

— Не слушайте её, — Ксан закатила глаза. — Ведь она не имеет ни малейшего представления о том, что она говорит. Никакого мужчины никогда не существовало. Мы видим столько всего в своих снах...

Луна закрыла глаза.

— А ещё там была женщина, и она постоянно стояла под потолком, совсем близко, и у неё были тёмные волосы — а ещё были ветви платанов, и они качались, будто бы в шторм....

— Ну, что за невозможное! — рассмеялась бабушка. — Ведь ты не знаешь никого, кого бы я не встречала! А я всю жизнь тут провела, — она посмотрела на Луну, прищурившись.

— И мальчик, который пах опилками! А почему он пахнет опилками?

— Многие люди пахнут опилками, — отметила её бабушка. — Лесорубы и плотники, а ещё дамы, что вырезают ложки. И, между прочим, я могу ещё продолжать!

Да, разумеется, и Луна только покачала головой. Это воспоминание было старым и далёким, но в тот же миг до такой степени ясным. Луна не так уж и много воспоминаний

хранила — столь живучих, как это одно, ведь, обычно, они были скользкими, их поймать было трудно, а это вот так взяло и попало в руки. Это что-то да значит. Она была в этом уверена.

А вот её бабушка, однако, никогда ни о чём не вспоминала. Ни разу в своей жизни.

На следующий день, после того, как она отоспалась в гостевой комнате у вдовы, Ксан отправилась в город — проверить беременных женщин, проконсультировать их, выбрать продукты и послушать животы.

Луна увязалась следом.

— Таким образом, ты сможешь узнать что-то полезное, — говорила её бабушка, и её слова отнюдь не задели Луну.

— Да, я сама полезна, — отозвалась она, спотыкаясь на брусчатке, пока они спешили к дому первой пациентке на другом краю города.

Беременность женщины была уже на таком сроке, что, казалось, она могла лопнуть в любую секунду. Она поздоровалась с бабушкой и внучкой, но выглядела до безумия истощённой.

— Я встаю, — прошептала она, — но боюсь, что он может упасть... — Луна поцеловала даму в щёку, как было принято, и быстро прикоснулась к животу, чувствуя, как бился внутри ребёнок. В горле внезапно застыл странный комок.

— Почему бы не приготовить чай? — оживлённо спросила она, отворачиваясь в сторону.

Луна вдруг подумала, что у неё когда-то был мать. Должна быть. Она нахмурилась... Да, конечно, она и об этом, наверное, когда-то спрашивала, но не могла никак вспомнить, когда именно.

Луна пыталась сделать в своей голове список того, о чём она с точностью могла говорить.

Печаль опасна.

Воспоминания скользкие.

Её бабушка не всегда говорила правду.

Она сама тоже далеко не всегда говорила правду.

Эти мысли крутились у неё в голове, а перед глазами чайные листья круговоротом вились в чашке.

— Может девочка подержать руки на моём животе? — попросила женщина. — Или, может быть, она спела бы ребёнку? Я была бы рада её благословению — жизни по завету магии...

Луна не знала, почему женщина хотела благословения, не знала даже, что такое благословение. И это последнее слово... Оно так знакомо звучало. Но Луна не могла вспомнить. И точно так же, вместе с забытым словом, уловила тиканье громадных часов. Так или иначе, бабушка поспешно отогнала Луну за дверь, и мысли стали нечёткими, и она отправилась разливать чай по чашкам, но чай уже остыл. Как долго она была снаружи? Она несколько раз стукнула себя ладонью по лбу, чтобы поставить мозги на место, но, казалось, ничто не было в силах ей помочь.

В соседнем доме Луна разложила травы для ухода за матерью в порядке полезности. Она переставила мебель, чтобы будущей матери было удобнее передвигаться с огромным животом, переставила кухонные принадлежности, чтобы было не так трудно добираться.

— Ну, вы только посмотрите! — воскликнула мать. — Как же полезно!

— Спасибо, — стыдливо отозвалась Луна.

— И умна, и остра, словно жало, — добавила она.

— Разумеется, — согласилась Ксан. — Это, в конце концов, моя внучка, разве нет?

Луна почувствовала прилив холода. И вновь в памяти мелькнули чёрные волосы, сильные руки и запах молока, тимьян, чёрный перец, громкий женский крик... Она моя, она моя, она моя...

Изображение казалось столь ясным, словно она там и стояла — и Луна почувствовала, как замерло её сердце и остановилось дыхание. Беременная женщина и Ксан этого даже не заметили. В ушах Луны эхом бился голос кричащей женщины. Она чувствовала на кончиках пальцев её чёрные волосы. Она подняла взгляд к стропилам — а женщины там не оказалось.

В общем, визит прошёл без инцидентов, и Луна с Ксан проделали долгий путь домой. Они не говорили о воспоминании, о мужчине в мантии. Да и о каком-либо другом воспоминании тоже. Они не говорили ни о печали, ни о тревоге, ни даже о черноволосой женщине у стропил.

И то, что они молчали об этом, перевешивало то, о чём говорили. Каждый секрет, каждая негласная вещь была такой тяжёлой, такой холодной, словно на их шеях висели тяжёлые камни.

И спины их согнулись под тяжестью тайны.

Глава 20. В которой Луна рассказывает историю.

Послушай, ты смешной дракон! Прекрати вертеться, иначе я не расскажу тебе эту историю, больше никогда в собственной жизни!

Ты всё ещё вертишься...

Да, да, объятия — это просто прекрасно! Ты можешь обниматься.

Когда-то давно жила девушка, у которой не было ни единого воспоминания.

Когда-то жил дракон, что никогда-никогда не рос.

Жила-была бабушка, что почти никогда не говорила правду.

Когда-то был болотный монстр, чудище старше целого мира — и он любил мир, и любил его людей, но не всегда знал о том, что именно нужно было сказать...

Жила-была девочка без воспоминаний. Подожди. Разве я тебе уже этого не говорила?

Жила-была девочка, что не помнила о том, что потеряла свои воспоминания.

Жила-была девочка, у которой были воспоминания, что следовали за нею, словно тень. Они шептали, словно призраки. И она не могла посмотреть им в глаза.

А ещё был мужчина в халате с лицом стервятника.

И женщина под потолком.

Когда-то у неё были чёрные волосы и чёрные глаза, а ещё она была на луну. Однажды женщина с волосами-змеями кричала "она моя" — и именно это она имела в виду. А потом её забрали.

Когда-то была тёмная башня — она пронзала небо и не отпускала серость.

Да. Это всё одна история. Моя история. Я просто не знаю, как она заканчивается.

Однажды в лесу жило что-то ужасное. Или это лес был ужасным? Или, может быть, весь мир был отравлен ложью и злом, и это время пришло узнать об этом...

Нет, Фириан, нет, дорогой. Я ни капельки в это не верю.

Глава 21. В которой Фириан делает открытие.

— Луна, Луна, Луна, Луна! — пел Фириан, кружась и выписывая пируэты в воздухе.

Спустя две недели, как она оказалась дома, Фириан всё ещё радовался.

— Луна, Луна, Луна, Луна! — он закончил свой необыкновенный танец размахом собственных крыльев, а после приземлился на свои коготки прямо в центре ладони Луны. Он низко поклонился. Луна, вопреки всему, улыбнулась. Вот только её бабушка лежала в постели, болея — всё ещё. Она заболела с той поры, как они вернулись домой.

Когда пришло время ложиться спать, она поцеловала Глерка, пожелала ему спокойной ночи и отправилась в дом с Фирианом, что не должен был бы спать в постели Луны, но, вне всяких сомнений, сегодня это и сделает.

— Спокойной ночи, бабушка, — промолвила Луна, склонившись над спящей старушкой и поцеловав её в тонкую, как бумага, щёку. — Сладких снов, — добавила она, чувствуя, как сломался её голос. Ксан не двигалась. Она всё ещё посапывала во сне — и веки даже не дрогнули.

И именно потому, что Ксан не могла этого видеть, Луна сказала Фириану спать в её постели у неё в ногах, как и в старые добрые времена.

— О, радостная радость! — вздохнул Фириан, прижал к сердцу передние лапы и едва ли не замертво рухнул.

— Но, Фириан, я тебя пну, если ты будешь храпеть! И ты почти сжёг подушку в прошлый раз.

— Я не буду храпеть! — пообещал ей Фириан. — Драконы не храпят, я в этом совершенно, абсолютно уверен! Или, может быть, Огромные Драконы не храпят! Вот тебе моё слово, как Огромного Дракона! Мы старый, славный род, наше слово связывает нас...

— Да ты так всегда говоришь, — вздохнула Луна, заплетая волосы в тугую чёрную косу и спрятавшись за занавеской, чтобы надеть сорочку.

— Ну, нет! — обиженно отозвался он, а потом вздохнул. — Что ж. Может быть. Мне так хочется, чтобы иногда здесь бывала моя мама. Было бы неплохо общаться с хотя бы ещё одним драконом, — её глаза округлились. — Нет, не то чтобы тебя было недостаточно, моя лунная Луна! И Глерк учит меня столькому... И тётушка Ксан любит меня больше, чем могла бы любить самая лучшая на свете мама! Тем не менее... — он вздохнул и ничего не сказал. Вместо этого он забрался в карман ночной сорочки Луны и свернулся в комок. Луна подумала, что это походило на вытащенный из угля камень, который она положила себе в карман, вот только всё равно немного утешало.

— Ты такая загадка, — прошептала Луна, положив руку на изгиб спины дракона и погладив пальцами по жару его чешуи. — Ты моя любимая загадка... — что ж, Фириан, по крайней мере, отчасти помнил собственную мать. Но у Луны зато были её сны. Она, конечно, не могла поручиться за их точность... Зато Фириан видел смерть собственной матери — но ведь он хотя бы знал! Так что теперь он мог безо всяких сомнений любить свою новую семью...

Но ведь и Луна любила свою семью. Она любила их.

Но у неё были вопросы.

И всего этого было слишком много — она забралась под одеяло и уснула.

К тому времени, как лунные лучики миновали подоконник и заглянули в комнату, Фириан храпел. А к тому времени, как луна забралась в окно, поджёг ночную сорочку девочки. А в тот миг, когда кривая луна коснулась противоположного края оконной рамы, дыхание Фириана оставило ярко-красный знак на её бедре — ожог.

Она вытащила его из кармана и переложила на край кровати.

— Фириан, — невнятно пробормотала она во сне. — Убейся...

И Фириан ушёл.

Луна осмотрелась.

— Ну? — прошептала она. Он вылетел в окно? Точно сказать было невозможно. — Это было довольно быстро...

И она представила себе, что лёд тает вокруг её ладони, прижала её к ожогу, пытаясь впитать боль — и когда та немного отступила, Луна наконец-то уснула.

Фириан не просыпался, пока Луна не закричала, громко-громко. Он вновь видел этот кошмарный сон. Его мать пыталась ему что-то сказать, но она была так далеко, а воздух гремел и был преисполнен дыма, так что он не мог её услышать. Но, прищурившись, мог разглядеть, как она стояла с другими замковыми магами и как стены рассыпались вокруг них.

— Мама! — срывал во сне Фириан голос, но его слова искажал дым. Мать позволила невероятно старому мужчине забраться на её спину, и тогда они полетели в вулкан, такой неистовый и воинственный, и вулкан ревел, вулкан грохотал, вулкан плевался лавой, пытаясь вытолкнуть их обратно.

— Мама! — вопил Фириан, чувствуя, как слёзы градом стекали по его лицу.

Он не свернулся рядом с Луной, уснув, не отдыхал в своём драконьем мешке, подвешенном над болотом, где можно было шептать Глерку спокойной ночи снова и снова. На самом деле Фириан понятия не имел, где он оказался. Он знал лишь то, что его тело было невероятно странным и походило на раздутое тесто для хлеба, за миг до того, как его кулаком обратно втолкнул в бочку. Даже его глаза, казалось, вздулись.

— Что происходит? — спросил Фириан вслух. — Где Глерк? Глерк! Луна! Тётушка Ксан! — но никто не ответил, ведь он был один-одинёшенек в лесу.

Он, должно быть, летел во сне, хотя прежде во сне он никогда не летал. А сейчас взмахнуть крыльями не получилось — он пробовал раз за разом, но не взлетел. Он так сильно бил ими, что деревья по обе стороны от него согнулись и потеряли свои листья (разве так бывает? Наверное, да), а грязь на земле закрутилась огромными смерчами вокруг его крыльях. Они были невероятно тяжёлыми, и тело его было необъятным, и он просто не мог летать.

— Так всегда бывает, когда я устаю, — твёрдо сказал себе Фириан, хотя отлично знал, что это не так. Крылья его всегда работали, и глаза его всегда видели, и лапы его всегда были в нормальном состоянии, так что, в любой ситуации он мог либо ходить, либо ползать, либо хотя бы очистить собственную кожу зрелыми плодами гуджо, ну, или хотя бы полазить по деревьям вокруг. Все части его тела обычно были в хорошем состоянии, по крайней мере, большинство... Так почему же его крылья сейчас не помогали летать?

Его сон оставил в сердце занозу. Его мать была красивым драконом, воистину

красивым. Веки её были украшены крошечными драгоценными камушками, и все они казались разноцветными. Её живот был словно свежее прекрасное яйцо. Когда Фириан закрыл глаза, он почувствовал, как касается её гладкой шкуры, чувствует остроту её шипов. Он чувствовал сладкий запах серы — запах её дыхания.

Сколько лет прошло? По правде, не так уж и много. Он был всего лишь маленьким дракончиком (но всякий раз, когда он думал о времени, голова начинала болеть).

— Ау? — позвал он. — Есть кто-нибудь дома?

Он покачал головой. Разумеется, дома никого не было. Ведь это не дом. Он был в середине глубокого, тёмного леса, куда летать не разрешалось, и, вероятно, здесь он и умрёт — и во всём этом он сам виноват, даже если не помнил, как именно всё это случилось. Летал во сне, вероятно. Хотя ему казалось, что прежде он не умел этого делать.

— Когда ты почувствуешь страх, — говорила его мама сколько-то там лет назад, — гони его прочь! Спой ему. Драконы умеют петь лучше всего на свете! Все так говорят, — и хотя Глерк уверял его в том, что это не так, а драконы в первую очередь были мастерами самообмана, Фириан использовал любую возможность, чтобы ворваться в песню. И это заставляло чувствовать его лучше.

— Я здесь! — громко запел он. — Посреди ужасающего дерева! Тра-ля-ля!

Он громыхал, бил отяжелевшими лапами по земле. Были ли его лапы когда-то до такой степени тяжёлыми? Должны быть, по крайней мере.

— И я не боюсь! — продолжал Фириан. — Ни капельки! Тра-ля-ля!

Это не было правдой. Он был в самом настоящем ужасе.

— Где же я? — громко спросил он. И словно в ответ на его вопрос из темноты появилась фигура. В голове Фириана мелькнула мысль о чудище. Нет, по правде, чудища его совсем не пугали. Ведь Фириан любил Глерка, а Глерк был чудищем. Тем не менее, это чудище было куда выше Глерка. И затенено. Фириан сделал шаг вперёд. Его большие лапы всё тонули в грязи. Он попытался взмахнуть крыльями, но всё равно не были в силах оторвать его от земли. Чудище не двигалось. Фириан подошёл ближе. Всё шумели и стонали деревья, а их большие ветви сгибались под тяжестью ветра. Он прищурился.

— Да ты не чудище! Ты дымоход. Труба без дома...

И это было правдой. Труба стояла ровно посередине болота. Казалось, дом сторел около года назад. Фириан внимательно рассматривал его. Верхние камни украшали резные звёзды, испод — почерневшая копоть. Фириан заглянул в верхнюю часть дымохода и столкнулся с гневной матерью-ястребом, что сидела над перепуганными птенцами.

— Прошу прощения! — пропищал он, и ястреб ущипнула его за нос, заставляя кровь закапать по чешуе. Он отвернулся от дымохода. — Ох, какой маленький ястреб... — размышлял он. Впрочем, он осознал, что оказался очень далеко от земель гигантов, и тут всё было совершенно нормального размера. В самом деле, он просто встал на задние лапы и вытянул шею, а уже заглянул дымоход.

Он огляделся по сторонам. Он стоял посреди разрушенной деревни, среди остатков домов с центральной башней, среди стен, которые прежде могли быть местом поклонения. Он видел драконов и вулкан, и даже маленькую девочку с волосами цвета звёзд.

— Это Ксан, — однажды сказала ему мать, — и она позаботится о тебе, когда меня не станет, — и он полюбил Ксан с самой первой встречи. У неё был веснушчатый нос и сколотые зубы, а её длинные звёздные косы заплетались с красивыми лентами. Но это не могло быть правдой... Ведь Ксан — старенькая женщина, а он совсем молодой, юный

дракон, и он уж точно не мог знать её тогда, когда она была до такой степени молодая!

Ксан взяла его на руки. Щека её была испачкана грязью. Они оба воровали сладости из кладовой замка.

— Но я не знаю как! — воскликнула она, а потом заплакала. Как самая настоящая маленькая девочка.

Но она не могла быть маленькой девочкой. Или могла?

— Ты сможешь. Узнаешь, — промолвил нежный драконий голос матери Фириана. — Я в тебя верю.

Фириан почувствовал, как в его горле застыл какой-то странный комок. Две гигантских слезинки навернулись на его глаза и принялись капать на землю, очищая два пятна мха. Как давно это было? Кто может дать ему ответ? Время было сложное и скользкое, словно грязь.

И Ксан предупреждала его о печали.

— Печаль опасна, — повторяла она раз за разом, хотя он так и не смог вспомнить, зачем она говорила ему об этом.

Центральная башня ненадёжно кренилась в сторону. Несколько камней с подветренной стороны фундамента уже осыпались, поэтому Фириан присел низко-низко и заглянул внутрь. По правде, там что-то было, и он увидел какой-то проблеск по краям. Он протянул лапу и вытащил это, взвесил в лапах. Они были такими крошечными, помещались на подушечках его пальцев...

— Обувь, — прошептал он. Чёрные сапоги с серебряными пряжками. Они были такими старыми... Должны быть. Тем не менее, они сверкали, словно их только что отполировали. — Они выглядят точно так же, как сапожки из старого замка... — промолвил он. — Но это не могут быть они. Они слишком малы. А обычно они были гигантскими, и носили их гиганты...

Когда-то давно маги изучали подобные сапоги. Они положили их на стол, рассматривали их с помощью инструментов и специальных стёкол, порошков, тканей и ещё чего-то. Каждый день они экспериментировали над ними, наблюдали и делали записи. Сапожки-в-Семь-Лиг, вот так их называли. И ни Фириану, ни Ксан не позволяли к ним прикасаться.

— Вы слишком малы, — отвечали другие маги Ксан, когда он пыталась их тронуть.

Фириан покачал головой. Ну нет же, такое точно не могло быть правдой! Ксан была совсем уж не мала, в конце концов, разве нет? Ведь не могло пройти столько времени...

В лесу что-то заворчало. Фириан вскочил на задние лапы.

— Я не боюсь! — пропел он, чувствуя, как дрожат колени, а ровное дыхание сменилось удушьем. Мягкие-мягкие шаги приближались. Он знал, что в лесу живут тигры. По крайней мере, они жили здесь совсем недавно.

— Я очень жестокий дракон! — крикнул он, и его голос обратился тихим писком. — Пожалуйста, не трогайте меня... — стал умолять он.

И тут он вспомнил. После того, как его мать растворилась в вулкане, Ксан рассказала ему об этом.

— Я буду заботиться о тебе, Фириан. Всегда. Ты моя семья, я твоя семья. Я наложу на тебя заклинание, что будет держать тебя в безопасности. Ты никогда не должен заблудиться, но если это вдруг случится, если ты вдруг испугаешься, тебе надо будет просто трижды промолвить "тётушка Ксан", и тебя притянет ко мне быстрее, чем молнию к дереву.

— Как? — спросил тогда Фириан.

— Это сделает волшебная верёвка.

— Но ведь я её не вижу!

— То, что ты её не видишь, совершенно не означает, что её не существует на самом деле. Ведь некоторые самые замечательные на свете вещи кажутся нам невидимыми. Уверовать в их невидимость — сделать их мощнее и чудеснее. Вот увидишь!

Фириан никогда не пробовал.

Рычание приближалось.

— А-а-а! Тётушка Ксан, тётушка Ксан, тётушка Ксан! — прокричал Фириан. Он закрыл глаза, потом открыл их, но ничего не произошло. В горле забились паника. — Тётушка Ксан, тётушка Ксан, тётушка Ксан!

Ничего не случилось. Приближалось кошмарное рычание, а в темноте светились два жёлтых глаза. Что-то огромное сгорбилось в далёкой темноте.

Фириан вскрикнул. Он попытался взлететь, но его тело было слишком большим, а крылья слишком маленькими. Всё было не так. Почему это произошло? Где же его исполины, его Ксан и его Глерк, где его милая Луна?

— Луна! — вскричал он, когда зверь рванулся вперёд. — Луна, Луна, Луна!

Он почувствовал, как его что-то потянуло вперёд.

— Луна! Луна! Моя Луна! — кричал Фириан.

— Почему ты так вопишь? — спросила Луна. Она открыла свой карман и вытащила оттуда Фириана, что свернулся в клубок.

Фириан без конца дрожал — и теперь выдохнул с облегчением. Он был в безопасности. Он едва не зарыдал от облегчения.

— Я испугался, — прошептал он, сжимая зубами ночную рубашку.

— Хм-м... — протянула девочка. — Ты храпел. А потом ещё и обжёг меня.

— Я? — шокировано переспросил Фириан. — А где же?

— Да вот здесь, — ответила она, — минутку... — она села и присмотрелась. Больше не было следа поджога, хотя осталось отверстие на сорочке, и ожога на её бедре тоже. — Он... Он был здесь, — медленно промолвила она.

— Я был в странном месте. И там был монстр. И моё тело не работало так, как надо, я не мог взлететь. А ещё я нашёл сапожки! И оказался здесь. Мне кажется, ты меня спасла, — нахмурился он. — Только я не знаю, как.

Луна покачала головой.

— Ну, как я могла это сделать? Наверное, нам обоим просто приснились кошмары. Я не горела, а ты всегда был в безопасности — вот и ложимся сейчас же спать!

И девочка, и её дракон, свернувшись под одеялом, уснули в тот же миг. Фириану ничего не снилось, он не храпел, а Луна этой ночью даже не вертелась во сне.

Когда Луна вновь проснулась и открыла глаза, Фириан всё ещё крепко спал на сгибе её руки. Из его ноздрей тонкими лентами вырывались две струйки дыма, а губы растянулись в сонной улыбке. Никогда ещё Луна не видела дракона до такой степени удовлетворённым. Она высунула руку из-под его головы и села, но Фириан не пошевелился.

— Ну, — прошептала она. — Соня. Просыпайся, соня.

Фириан всё ещё не шевелился. Луна зевнула, потянулась, а после легонько поцеловала Фириана в кончик его тёплого носа. Дым заставил Луну чихнуть, но Фириан не шевелился, и девушка просто раздражённо закатила глаза.

— Лентяй! — упрекнула она его, выскользнула из кровати, ступила на прохладный пол

и принялась искать туфли и одежду. День был прохладным, но ничего, скоро потеплеет. А от прогулки Луна однозначно почувствует себя легче. Она потянулась к направляющим канатам, чтобы подтянуть кровать к потолку. Фириан не возражал просыпаться на убранной кровати, более того, он чувствовал себя куда лучше, когда его день начинался с кровати, привязанной к верху. Этому её научила бабушка.

Но как только кровать поднялась вверх, и она закрепила её, Луна заметила что-то на земле.

Большая пара сапог.

Они были чёрные, кожаные, довольно тяжёлые — тяжелее, чем выглядели. Луна едва-едва смогла их поднять. А ещё у них был странный и смутно знакомый запах, хотя откуда бы Луна могла его знать? Подошвы оказались толстыми, сделанными из материала, который она даже определить толком не смогла. И ещё у них были на закахбуках странные письма.

"Не носите нас", — гласила левый каблук. "Помни об этом", — подтверждал правый.

— Что это на земле? — громко спросила Луна. Она взвесила в руке один сапог и попыталась рассмотреть его по внимательнее. Но прежде, чем она смогла хоть что-то понять, в её голове, прямо в центре, вспыхнула дикая боль. Она швырнула её на колени. Девочка прижала руки к черепу, пытаясь затолкнуть боль внутрь, чтобы голова не раскололась на части.

Фириан всё ещё не шевелился.

Она лежала на полу некоторое время, пока головная боль не утихла.

Луна посмотрела на свою кровать.

— Да сколько же можно валяться! — издевательски протянула она. Заставив себя подняться на ноги, она подошла к небольшому деревянному сундучку под окном и ногой открыла его. Она держала там памятные сувениры да игрушки, с которыми когда-то развлекалась, одеяльце, которое любила больше всего, странного вида камушек с вырисованными на нём цветами, книги в кожаном переплёте с нацарапанными на них мыслями и вопросами, а ещё тетради с вопросами, рисунками и эскизами.

А теперь там были сапоги. Больше, чёрные сапоги. Со странными словами, странным запахом, что причинял ей сильную боль. Луна закрыла крышку и выдохнула с облегчением. Казалось, в этот миг перерезало всё, что привязывало её к головной боли, и голова больше не болела. Она больше не вспоминала даже о боли — так сказал бы Глерк.

Фириан всё ещё посапывал.

Луна почувствовала сильную жажду. И голод. А ещё она беспокоилась о своей бабушке. И хотела увидеть Глерка. А ещё много чего следовало сделать. Подоить коз. Собрать яйца. И что-то ещё...

Она остановилась на пути к кустам с ягодами.

Она собиралась о чём-то спросить. А о чём?

Впервые за свою жизнь Луна поняла, что не может вспомнить об этом.

Глава 22. В которой рассказывается другая история.

Конечно, шла речь о сапогах, дитя!

Ну, пусть. Из всех самых отвратительных устройств и изобретений, которыми пользовалась Ведьма, были Сапоги-в-Семь-Лиг. А теперь только подумай о сапогах, в которых есть немножко магии, ни хорошей, ни плохой. Они просто позволяют своему

владельцу огромное расстояние преодолеть в один только миг, и мера одного шага всё больше и больше с каждым разом.

Вот что позволяет ей воровать наших детей!

Вот что позволяет ей бродить по всему миру, распространять собственную безграничную злобу и печаль! Вот что позволяет ей выскользывать из наших рук. Над этим у нас нет никакой власти! И нет лекарства от нашего безграничного горя!

Давным-давно, знаешь, ещё до того, как лес стал до такой степени опасным, колдунья была просто крохотулечкой. Ну, почти что муравьём! И силы её были очень ограничены. Её способность творить зло вряд ли стоила того, чтобы на неё обращали хоть какое-то внимание.

Но однажды она нашла странные сапоги.

Во всяком случае, когда они оказались у неё на ногах, она вдруг поняла, что может весь мир переступить одним только шагом. А блуждая по всему миру, она смогла бы найти ещё больше магии. Она воровала её у других волшебников! Она воровала её у самой земли! Она выпивала её из воздуха и деревьев, выдавливала из безграничных цветочных полей. Говаривали, она даже у луны магию своровала! А потом она всех-всех околдовала — и огромное облако печали окутало весь мир.

Разумеется, абсолютно весь мир! Вот именно по этой причине он такой однообразный и серый. И надежда есть только на маленьких детей. Это лучшее, что ты можешь знать в этой жизни.

Глава 23. В которой Луна рисует карту.

Луна оставила записку для своей бабушки, где сообщила, что пошла за ягодами — и чтобы нарисовать какой-нибудь эскиз с солнцем. Скорее всего, бабушка всё равно будет ещё спать, когда Луна наконец-то вернётся, ведь она обычно так много спала, по крайней мере, в последнее время! И хотя старушка уверяла девочку, что на самом деле она всю жизнь столько спала, что ничего не изменилось и никогда больше в жизни ничего не изменится, Луна отлично знала, что это была очередная, ещё и отборная ложь.

Они обе лгали друг другу — это им подсказывали собственные сердца. И никто из них не знал о том, как это остановить. Именно поэтому она оставила на столе записку о том, что уходит, а потом выскользнула на улицу, тихонько прикрыв за собою дверь.

Луна перекинула через плечо шлейку собственной сумки и скользнула в собственную обувь, а после ступила на длинный извилистый путь, что закручивался вокруг болота и вёл до следующего следа покоса, а там — проходил между двумя курящимися кратерами невидимого вулкана, на юг от основного источника извержения. День был тёплым и липким, и она с ужасом осознала, что начинает вонять. Такого рода вещи часто встречались в последнее время — то дурные запахи, то странные высыпания на лице. Луне казалось, что её тело будто бы сговорилося само с собой, и даже её голос предательски менялся.

Но это было далеко не самым плохим на свете.

К тому же была... Ещё одна сыпь, так сказать. Она не могла объяснить это. Впервые она заметила это, когда попыталась подпрыгнуть, чтобы лучше рассмотреть птичье гнездо, и

вдруг совершенно неожиданно оказалась на самой верхней ветке дерева.

— Должно быть, ветер, — проговорила она себе под нос, хотя это казалось откровенно смешным. Разве кто-то когда-то видел, чтобы ветер подбросил человека аж до вершины дерева? Но поскольку Луна не могла придумать хоть какое-нибудь другое объяснение, должно быть, это был просто очень сильный ветер. Она ничего не сказала ни своей бабушке, ни Глерку. Она не хотела их беспокоить. Кроме того, она почему-то чувствовала себя неловко от того, что с нею случилось.

Да и что случилось? Ведь она, в конце концов, просто подлетела на ветре!

А потом, спустя месяц, когда они с бабушкой собирали в лесу грибы, Луна заметила вновь, насколько сильно устала её бабушка, какой она стала тонкой и хрупкой, как болезненно грохотало у неё в груди дыхание.

— Я беспокоюсь о ней, — промолвила она вслух, когда бабушка зашла достаточно далеко, чтобы не иметь возможности её услышать. Луна чувствовала, как тяжело звучал голос.

— Я тоже, — ответила орехово-коричневая белка. Она как раз восседала на нижней ветви дерева и смотрела вниз, а на мордочке застыло понимающее выражение.

Луне понадобилось несколько минут, чтобы понять, что белки разговаривать не должны.

А потом ещё одна, чтобы осознать, что она далеко не впервые разговаривала с животным. Прежде такое тоже бывало, она в этом была уверена. Просто не могла вспомнить, когда именно.

А потом, пытаясь объяснить Глерку, что именно произошло, она нарисовала эскиз. Она не могла вспомнить, что именно случилось в её жизни, но знала, что что-то да было. Просто не могла конкретно понять, что именно.

Это произошло до того, шептал голос её голове.

Это произошло раньше.

Это произошло раньше.

Эта пульсирующая уверенность, это дикое знание, которое было таким же привычным, как и тикающие в её голове часы...

Луна зашагала по дорожке, миновала первый холм, и болото осталось позади. Древняя смоковница раскинула ветви на дорогу, словно приветствуя каждого, кто проходил мимо. На самой нижней ветви восседал ворон. Он был могуч, а перья его сверкали, будто бы намащенные. И он так посмотрел Луне в глаза, словно её и дожидался.

Это произошло до того.

— Привет, — поприветствовала его Луна, глядя ворону в глаза.

— Кар-р-р! — отозвался ворон, но Луна сразу поняла, что он имел в виду "привет".

И в тот же миг Луна вспомнила.

За день до этого она как раз забирала из курятника яйца. Во всех гнёздах было только одно яйцо, и она не взяла с собой корзинку, так что пришлось просто держать его в руке. И она не успела даже добраться до дома, ведь яйцо внезапно зашевелилось. Оно перестало быть гладким и тёплым, теперь оно казалось острым и щекотало ей руку. А потом её укусило. Она с криком отпустила яйцо, но оно оказалось не яйцом и вовсе — это был огромный ворон. Он расправил крылья, взмыл над нею спиралью и пристроился на ближайшем дереве.

— Кар-р-р! — сказал ворон. Или должен был бы сказать — на деле же всё произошло

по-другому.

— Луна, — каркал вместо этого ворон. И не улётал. Он сидел на самой нижней ветви над домом Луны, летал за нею целый день. Луна была в недоумении.

— Кар-р-р! — каркал ворон. — Луна, Луна, Луна!

— Тише! — ругала его девочка. — Я пытаюсь думать...

Ворон был чёрным и блестящим, как и любой нормальный, но стоило Луне прищуриться, она видела в нём и другой цвет. Синий. С отливом серебра на крыльях. Эти цвета растворялись, стоило только открыть глаза и посмотреть на него прямо.

— Что ты такое? — спросила Луна.

— Кар-р-р, — ответил он. — Я самый прекрасный ворон, — вот что это значило.

— Я вижу. И тебе стоит постараться сделать так, чтобы моя бабушка тебя не видела, — ответила Луна. — А ещё моё болотное чудище, — добавила она, немного присмотревшись. — Мне кажется, ты мог бы очень сильно их расстроить.

— Кар-р-р! — отозвался ворон. — Я согласен, — а вот это он на деле имел в виду.

Луна покачала головой.

В вороньих разговорах не было никакого смысла. И всё же, ворон никуда не делся. И она была уверена в том, что он и умён, и совершенно живой.

Существовало слово, которое могло бы всё это объяснить. Существовало слово, которое открывало завесу тайны и могло дать название всему, чего она не понимала. Оно просто должно существовать! Вот только она никак не могла его вспомнить.

Луна дала ворону инструкции — он должен был оставаться вне поля зрения, пока она не разберётся, и ворон её послушал. Это и вправду был очень умный ворон.

А теперь вот опять. На нижней ветви смоковницы.

— Кар-р-р, — должен был сказать ворон. — Луна! — произнёс он вместо этого.

— Тихо ты! — воскликнула Луна. — Тебя ведь могли бы слышать!

— Кар-р-р! — смутившись, прошептал ворон.

Луна, разумеется, ворона простила. Она зашагала дальше, но отвлёклась, споткнулась о камень и болезненно упала о землю, уронив даже собственную сумку.

— Ой! — воскликнула её сумка. — Оставь меня!

Луна посмотрела на неё. Впрочем, уже не удивилась. Даже говорящие сумки не могли её ошеломить.

Тогда из-под крылышка показался маленький зелёный нос.

— Это ты, Луна? — спросил этот нос.

Луна закатила глаза.

— И что ты делаешь в моей сумке? — спросила она. Она раскрыла сумку и уставилась на пристыженного дракона.

— Ты отправишься в неизвестные дали! — промолвил он, заглядывая ей прямо в глаза. — И всё это сделаешь без меня! А ведь это ну совершенно, абсолютно несправедливо! Я просто хотел отправиться туда с тобой! — Фириан вспорхнул вверх и завис на уровне её глаз. — Мне просто хочется быть частью команды! — он подарил ей полную надежду драконью улыбку. — Может быть, нам стоит отправиться за Глерком! И взять с собой тётушку Ксан! О, это получится просто замечательная, просто идеальна команда!

— Нет, — твёрдо ответила Луна, продолжив своё восхождение к вершине холма. Фириан мчался у неё за спиной.

— А куда мы идём? Я могу тебе помочь? Я буду очень полезен! Эй, Луна? Куда мы

идём?

Луна закатила глаза и с фырканием развернулась на каблуках.

— Кар-р-р! — отозвался ворон. На сей раз он не промолвил "Луна", но девочка могла буквально почувствовать, что он об этом думает. Ворон летел впереди, словно отлично знал, куда они на самом деле направляются.

Они добрались уже до третьего кратера, одного из самых дальних, взобрались на его вершину.

— А почему мы сюда отправились? — любопытствовал Фириан.

— Тише, — отмахнулась Луна.

— А почему мы должны молчать? — спросил Фириан.

Луна тяжело вздохнула.

— Мне надо, чтобы здесь было очень тихо. Безумно тихо, Фириан! Только тогда я смогу сосредоточиться на собственном рисунке.

— Я могу быть спокойным! — щебетал Фириан, всё ещё летая прямо у неё перед носом. — А ещё я могу быть поразительно тихим! Я могу быть спокойнее червя, а черви, между прочим, очень тихие, пока не начнут убеждать тебя их не есть, но тогда они становятся менее спокойными и очень убедительными — но я всё равно их ем, потому что они бывают ещё и поразительно вкусными...

— Кажется, я попросила тебя успокоиться! — промолвила Луна.

— Но ведь я спокоен, Луна! Ведь я бесшумен, будто бы...

Луна указательным пальцем ударила дракона по челюсти, заставив его сжать зубы — и, чтобы он не обиделся, другой рукой привлекла его к себе и крепко-крепко обняла.

— Я так сильно тебя люблю... — прошептала она. — Но теперь тебе действительно стоит немножечко помолчать и быть тихим, хорошим драконом, — она нежно похлопала его по зелёной голове и позволила свернуться тёплым клубком на её бедре.

Она восседала, скрестив ноги, на плоской вершине валуна. Осмотрела всю землю, которую только могла увидеть, до той поры, пока та изгибалась, превращаясь в драгоценную оправу для великолепного неба, а после попыталась представить себе, что именно может оказаться там, за границами зримого. Ведь она видела один только лес! Но лес, разумеется, вечным быть не мог. Когда Луна с бабушкой шагали в противоположном направлении, деревья в итоге редели и уступали фермам, фермы сменялись городами, а те вновь позволяли взрасти фермам побольше и поменьше. В конце концов, они добирались до пустынь, до новых лесов и даже до океана — их всех связывали бесконечные сети дорог, что крутились то так, то сяк, словно кто-то уронил клубочки пряжи. Разумеется, в этом направлении тоже что-то было. Но она не могла знать наверняка, ведь никогда не отправлялась в ту сторону. И бабушка её туда не отпускала.

Она ни разу не объяснила, почему так.

Луна поставила свою тетрадь на колени и открыла её на пустой странице. Она вновь полезла в сумку, отыскала там самый острый карандаш, а после сжала его в левой руке до того осторожно, словно это была прекрасная бабочка, которая собиралась вот-вот улететь. Она закрыла глаза и попыталась представить, что ум её опустел, стал синим и таким широким, будто бы огромное безоблачное небо.

— Мне тоже нужно закрыть глаза, или не стоит? — любопытствовал Фириан.

— Тише, Фириан, — отмахнулась Луна.

— Кар-р-р! — отозвался ворон.

— Ну что за подлая ворона! — выдохнул Фириан.

— Нет. Он не подлый. И он ворон, — вздохнула Луна. — И, да, мой милый Фириан, закрой глаза.

Фириан издал восторженное бульканье и вжался в складки юбок Луны. Совсем скоро он и вовсе захрапит. Никто не осваивался быстрее Фириана.

Луна вновь вернулась к тому месту, где земля встречалась с небом. Она так ясно представила себе всё это, как только сие было возможно, и её разум словно превратился в чистый лист бумаги, и ей следовало просто нанести на неё узор, так тщательно, как она только может. Она глубоко вздохнула, позволяя собственному сердцу замедлиться, а своей душе разгладить невидимые морщины и узлы и избавиться от лишних забот. Ей казалось, что она, сделав это, ощутит что-то невероятное. Казалось, она уже это делала. Тепло в её костях. Что-то потрескивало на кончиках пальцев. И самое странное — это осознание родинки на её лбу, словно та превратилась в что-то слишком яркое, будто бы та лампа. Впрочем, кто знает... Может быть, на самом деле оно так и было!

По собственному мнению, Луна увидела край горизонта. Увидела, как земля дышит, как она расширяется, всё больше и больше, словно мир повернулся к ней лицом и ясно улыбался.

Не открывая глаз, Луна принялась рисовать. Теперь она стала такой спокойной, что едва осознавала собственное дыхание, тепло Фириана, что прижимался к её бедру, то, что он начал посапывать, и картин стало до такой степени много, они так скоро проскальзывали у неё перед глазами, что она едва-едва могла на них сосредоточиться, пока всё не превратилось в сплошное зелёное пятно.

— Кар-р-р! — проговорили со стороны.

— Луна! — прогрохотали в её ухо. И она поняла, что просыпается.

— Что?! — взревела она. А потом увидела выражение морды Фириана и вдруг почувствовала укол стыда. — Сколько... — начала она, но огляделась. Солнце, которое едва-едва касалось края мира, когда они прибыли сюда, теперь оказалось прямо над ними. — Сколько мы провели здесь времени?

Полдня — она знала ответ на вопрос. Половина дня!

Фириан парил прямо у лица Луны, прижимал свой зелёный нос к каждой из её веснушек. Выражение его морды было абсолютно серьёзным.

— Луна, — выдохнул он, — ты заболела?

— Заболела? — переспросила Луна. — Разумеется, нет!

— Мне кажется, ты могла бы заболеть, — тихо промолвил он. — Потому что что-то очень странное случилось с твоими глазами.

— Ой, это просто смешно! — отозвалась Луна, закрывая собственный журнал с эскизами и плотно завязывая кожаные ремешки, чтобы мягкая обложка не открылась, и листы не разлетелись по миру. Она сунула блокнот в собственную сумку и встала, но ноги почти подкосились под нею. — С моими глазами всё так же, как и обычно!

— Это совершенно не смешно, — отозвался Фириан, летая от правого уха Луны до левого, а потом обратно. — Обычно твои глаза были чёрными и блестящими. А теперь это просто две бледные луны. Это неправильно. Или мне кажется, что это неправильно.

— Мои глаза совсем на это не похожат, — пошатнувшись, ответила Луна. Она попыталась стать ровно, отыскать баланс на валуне. Но валуны ни капельки не помогали, и они по прикосновению её руки становились словно перьями. И один из булыжников поплыл куда-то вперёд, а Луна только хмыкнула от расстройства.

— А теперь и твои ноги, — отметил Фириан, пытаясь быть полезным. — А что происходит с этим валуном?

— У нашего разума свои дела, — ответила Луна, призывая все свои силы, чтобы прыгнуть вперёд и приземлиться на гладком гранитном склоне с восточной стороны.

— Это был далёкий прыжок, — промолвил Фириан, с открытым ртом глядя на то место, где минуту назад была Луна, а потом дугой поворачиваясь к тому месту, где она нынче стояла. — Ты обычно так далеко прыгать не могла. То есть, Луна, это выглядело, как будто...

— Кар-р-р! — промолвил ворон. Точнее, он должен был каркнуть — но это прозвучало как "закрой лицо", и она решила, что это весьма мудрый ворон.

— Хорошо, — вздохнул Фириан. — Ты можешь совсем меня не слушать. Меня ведь никто никогда в этой жизни не слушает! — и он помчался вниз по склону, превратившись в настоящее раздражённое пятно, такого яркого зелёного цвета.

Луна тяжело вздохнула и побрела к дому. Она всегда так делала — и Фириан всегда её прощал. Каждый раз.

Яркое солнце оставляло на склоне резкую тень, пока Луна спешила вниз. Она была вся грязная, потная, но от чего, от физических упражнений или от того, что рисовала? Она понятия не имела, от чего, но остановилась у потока, чтобы помыться. Озеро внутри кратера оказалось слишком жарким для того, чтобы окунуться в него, но потоки, что из него вытекали, хотя и казались гадкими на вкус, оказались достаточно прохладными, чтобы ополоснуть лицо, смыть пот с шеи или с рук. Луна опустилась на колени и принялась приводить себя в порядок, чтобы в должном состоянии явиться перед бабушкой и Глерком — а они оба пожелают узнать, где же это её носило столько времени.

Грохотали горы. Она знала, что это вулкан икал во сне. Это было совершенно нормально для вулканов, как знала Луна, ведь они очень беспокойно спят, но это беспокойство, как правило, не проблема. Обычно не проблема. Вулкан казался более беспокойным, чем обычно, и в последнее время с каждым днём становилось всё хуже и хуже. Бабушка говорила об этом не беспокоиться, но от этой фразы обычно становилось только хуже.

— Луна! — донёсся эхом голос Глерка со склона кратера. Звук отбивался от неба. Луна прикрыла глаза ладонью и посмотрела вниз. Глерк был один. Он махал своими тремя руками в знак приветствия, и Луна помахала ему в ответ. Сердце сжалось от того, что с ним не было бабушки. Она не могла спать до сих пор — и беспокойство узлом завернулось в груди. Не до поздна... И даже на таком расстоянии она видела над головой Глерка облако беспокойства.

Луна бегом помчалась домой.

Ксан всё ещё была в постели. Уже было далеко за полдень, и она спала, словно мёртвая. Луна разбудила её, чувствуя, как слёзы жалили ей глаза. Неужели она до такой меры больна?

— Ой, боже, мой бедный ребёнок... — пробормотала Ксан. — Почему ты трясёшь меня в столь безумный час? Тут люди пытаются спать... — и Ксан повернулась на бок и вновь уснула.

Ещё целый час она не вставала, но заверила Луну, что это было совершенно нормально.

— Конечно, бабушка, — ответила Луна, не глядя старушке в глаза. — Это совершенно нормально, — и бабушка с внучкой поделились друг с другом тонкими и хрупкими улыбками. Каждая ложь, которую они произносили, падала с их губ, разлеталась по земле и звенела, словно битое стекло.

Позже в тот день, когда бабушка заявила, что хочет быть в одиночестве и отправилась в свою мастерскую, Луна вытащила из своей сумки тетрадь и принялась её листать, рассматривая рисунки, что сотворила в забвении. Она знала, что лучше всего у неё получалось тогда, когда она и вспомнить не могла о том, что делала. По правде, это очень раздражало.

Она нарисовала картину с каменной башней, той, о которой однажды говорила, с обсерваторией, что вела к небесам, и высокими стенами. Она нарисовала бумажную птицу, что вылетала из западного окна. И это она уже рисовала... А ещё ребёнка, что был в окружении древних деревьев. И полную луну, что крутилась вокруг Земли.

А ещё она нарисовала карту. Две, по правде, на двух листах.

Луна вертела её взад и вперед, а потом смотрела на свои руки.

Каждая карта была запутанной и подробной, открывала рельефы и тропы, а ещё — скрытые опасности. Тут гейзер. Там — грязевой поток. А вот там он мог поглотить целое стадо коз и всё ещё оставаться крайне голодным...

Первая карта была точным отображением ландшафта и тропы, что вели к Свободным Городам. Луна могла видеть каждый изгиб, каждый дёрн на следах, каждый поток и каждый водопад. Она видела даже сбитые деревья — те, которые ещё стояли во время их последнего путешествия.

А вторая карта отражала другую часть леса. Тропа начиналась в её доме на дереве в одном углу, а после вела за склон горы и заводила на север.

Там она никогда не бывала.

Она скользила взглядом по всем изгибам, поворотам и ориентирам. Вот места, где можно разбить лагерь. Вот потоки с хорошей водой, а вот те, которых необходимо избегать.

А ещё был круг деревьев. В центре его начертано слово — ребёнок.

И город за высокой стеной.

А в городе была Башня.

И рядом с башней были начертаны слова — "она здесь, она здесь, она здесь".

Луна медленно подтянула к себе тетрадь и почувствовала, как бились в унисон с её собственным сердцем эти страшные слова.

Глава 24. В которой Энтен принимает решение.

Энтен стоял у дома дяди почти час, прежде чем набраться смелости и постучать. Он сделал несколько глубоких вдохов, посмотрел в своё отражение в оконном стекле, пытаясь спорить с сердцем. Он ходил, потел, ругался. Отёр лоб платком, вышитым Эсин — его имя в искусных цветах. Его супруга была волшебницей — волшебницей иглы и нитей. И он любил её так сильно, что боялся, что умрёт за неё.

— Надежда, — шептала она ему, скользя по шрамам на его лице с нежностью умных, маленьких пальчиков, — это когда первые крошечные побеги появляются среди зимы. Они такие сухие! Такие мёртвые! Такие холодные в наших руках. Но это ненадолго. Они вырастут во что-то больше, разбухнут, а потом весь мир зазеленеет...

И он видел свою любимую супругу — её румяные щёки, её алые, словно маки, волосы, её живот под платьем, что она сама сделала... И наконец-то постучал в дверь.

— Ах! — загудел изнутри голос дяди. — Кто-то наконец-то перестал метаться перед

дверью и объявил о собственном присутствии!

— Мне жаль, дядя... — запнулся Энтен.

— Хватит извиняться, мальчишка! — взревел Великий Старейшина Герланд. — Открой проклятую дверь и зайди наконец-то!

Мальчишка немного ужалило его. Он не был мальчишкой вот уж сколько лет. Он был успешным ремесленником, мудрым торговцем, женатым человеком, что любил свою супругу. Мальчишка — это слово, что больше никак не шло ему к лицу.

Он споткнулся, заходя в кабинет, и низко поклонился перед дядей, как делал это когда-то давно. А когда он встал, дядя посмотрел на его лицо и содрогнулся. Но в этом ничего нового не было. Шрамы Энтена всё ещё поражали людей, и он привык к этому.

— Спасибо, что согласился принять меня, дядя, — промолвил он.

— Сомневаюсь, что у меня есть выбор, племянник, — заявил Великий Старейшина Герланд, закатывая глаза, чтобы только не смотреть на лицо мужчины. — В конце концов, семья есть семья.

Энтен подозревал, что это не совсем правда, но об этом не сказал.

— В любом случае...

Великий Старейшина встал.

— Нет никакого случая, племянник. Я почти вечность стоял у этого стола, дожидаясь твоего прибытия, но теперь пришло время повстречаться с членами Совета. Ведь ты помнишь Совет, не так ли?

— О, да, дядя, — ответил Энтен, чувствуя, как краснеет его лицо. — Потому я здесь. Я хочу обратиться к совету. Как его бывший член. Если могу — то прямо сейчас.

Великий Старейшина Герланд был крайне озадачен.

— Ты... — пробормотал он. — Ты хочешь — что? — обыкновенные граждане даже не смели обращаться к Совету. Они просто не имели никакого права.

— Если всё будет в порядке, дядя.

— Я... — начал Великий Старейшина.

— Я знаю, что это отчасти непривычно, дядя, а так же сознаю, что это ставит тебя в неудобное положение. Ведь столько лет прошло с той поры, как я носил мантию! Но я хотел бы наконец-то обратиться к Совету, объяснить своё поведение и поблагодарить их за представленное за вашим столом место. Я никогда не делал этого — а теперь понимаю, что попросту должен.

Это была ложь, но Энтен проглотил её и улыбнулся.

Его дядя, казалось, смягчился. Великий Старейшина сцепил пальцы и прижал их к своим вспухшим губам, а после посмотрел Энтену прямо в глаза.

— Что ж, прочь традиции, — промолвил он, — Совет будет рад тебя!

Великий Старейшина встал и обнял своего своенравного племянника, а после, сияя, отвёл его в зал. И когда они приблизились к грандиозному холлу, прислужник открыл дверь, и оба они — и дядя, и племянник, — вошли внутрь.

И Энтен почувствовал, как что-то липкое, скользкое и свежее раскалывается в его груди.

Совет, как и предсказывал Герланд, был более чем рад увидеть Энтена — и они воспользовались его присутствием, чтобы поднять бокалы за его знаменитое мастерство и тонкое деловое чутьё, за чудовищную удачу и за самую умную девушку в Протекторате. Их

не приглашали на свадьбу, да и они не пришли бы, если б их пригласили, но теперь, хлопая его по спине и по плечам, они казались сворой доброжелательных дядюшек. Они не могли быть более горды, чем сейчас, и вторили ему об этом в один голос.

— Хороший парень, хороший парень, — клокотал зал, и члены Совета хмыкали и хохотали. Они раздавали сладости, практически неслыханные в Протекторате. Они разливали вино и пиво, пировали с колбасами и выдержанными сырами, с самыми лучшими пирожными из сыпучего теста, с прекрасным маслянистым или сливочным кремом. Эnten прихватил с собой многое из того, что ему всучили, чтобы потом показать своей возлюбленной жене. Когда слуги принялись убирать тарели, кувшины и кубки, Эnten откашлялся.

— Господа, — сказал он, когда Совет расселся по залу, — я пришёл сюда неспроста. Прошу вас простить меня. И ты, дядя... Признаюсь, я не поведал обо всех своих намерениях.

В комнате становилось всё холоднее и холоднее. Совет вдруг заметил шрамы Эntenа, которые они прежде столь притворственно игнорировали, и смотрели они теперь жестоко, с некоторым отвращением. Но Эnten вспомнил о своём мужестве и выстоял. Он подумал о ребёнке, что рос в животе его жены. Он подумал о сумасшедшей в той башне. Ведь кто-то должен был бы сказать, что она не сошла б с ума, если б не вынуждена была отказаться от своего бедного ребёнка! А кто сказал, что не сойдёт с ума его любимая Эсин? Он едва на час мог расстаться с нею, а сумасшедшую на долгие годы заперли в башне. Годы. Да он умрёт!

— Что ж, — промолвил Великий Старейшина, пронизывая его взглядом, — что ж, мой мальчик...

Не позволяя этому "мальчик" вновь уколоть его острым жалом, Эnten продолжил.

— Как вы знаете, — промолвил он, изо всех сил пытаясь представить, будто бы его тело сотворено из дерева. Ему ничего не надо уничтожать. Он пришёл сюда не ломать. Он пришёл сюда строить. — Как вы знаете, моя возлюбленная Эсин ждёт ребёнка...

— Замечательно! — воскликнули Старейшины, сияя, как единое целое. — Великолепно, великолепно!

— И, — продолжил Эnten, желая, чтобы его голос не дрожал, — наш ребёнок должен родиться только по тому дню, как повернёт год. И нет больше детей ко дню Жертвоприношения, и наше дитя — наше милое дитя, — будет самым юным в Протекторате.

И счастливый смех внезапно утих, словно его убило пламя. Старейшины прочистили горло.

— Страшная удача, — промолвил старейшина Гвинот тонким, пронзительным голосом.

— И вправду, — согласился Эnten, — но этого не должно случиться. Я считаю, что сыскал способ остановить весь этот ужас. Я думаю... Я знаю, как можно положить конец тирании Ведьмы навсегда.

Лицо Великого Старейшины Герланда потемнело.

— Не утруждай себя фантазиями, мальчик, — проворчал он, — ты, конечно, не думаешь.

— Я видел ведьму, — отрезал Эnten. Он долго держал в себе эту информацию, очень долго, а теперь она рвалась на свободу.

— Невозможно! — вспыхнул Герланд. Остальные Старейшины смотрели на молодого мужчину с расстроенными лицами, словно змеи, пожалевшие змеёныша.

— Возможно. Я видел её. Я следовал за процессией. Я знаю, что не имел на это права, и простите меня за это. Но я всё равно это совершил. Я следовал за вами и ждал с жертвенным

ребёнком — и увидел ведьму.

— Ничего такого ты не видел! — вскричал Герланд, вставая. Не было там никакой ведьмы. Никогда не было ведьмы. Старейшины прекрасно об этом знали — и они тоже вскочили на ноги, и на их лицах отражалось негодование и обвинение.

— Я видел, как она ждала в тени. Видел, как жадно закудаhtала, воспарив над малышкой. Видел сверкание её злых глаз. Она увидела меня и превратилась в птицу — и закричала от боли, когда сделала это. Она вопила от боли, господа.

— Это сумасшествие, — пробормотал один из старейшин. — Сумасшествие...

— Отнюдь. Ведьма, существует. Разумеется, существует, ведь это всем нам известно. Но мы понятия не имели, что она стара. Что она чувствует боль. Того боле — мы знаем, где она!

Энтен вытащил из своей сумки карту Безумной. Он положил её на столе и скользнул по ней пальцами.

— Разумеется, лес опасен, — Старейшины смотрели на карту, всё больше и больше бледнея. Эnten перехватил взгляд дяди — и с уверенностью выдержал его.

Я вижу, к чему ты клонишь — вот что читалось в глазах Герланда.

Эnten оборачивался. Он собирался изменить мир.

Смотри, дядя, смотри.

Но вслух он сказал совсем другое.

— Дорога — самый прямой путь через лес, безусловно, самый безопасный, учитывая ширину, глубину и ясность. Тем не менее, есть ещё несколько безопасных дорог, даже если они запутаны и сложны.

Палец Эntenа скользнул по нескольким линиям, обогнул глубокие гребни, что словно острыми, как бритва, осколками скал прорастали из земли, когда вздыхала гора, и показал альтернативные маршруты, минующие скалы, гейзеры и болото. Да, там красовалась огромная, широченная гора, заросшая лесом, и её глубокие складки и медленные склоны спускались вниз самой настоящей спиралью от центрального пика, от кратера, окружённого плоским лугом и маленьким болотом. На болоте росло корявое деревце, и на нём был вырезал полумесяц.

"Она здесь, — шептала карта, — она здесь, она здесь, она здесь".

— Но откуда ты взял это? — прошептал Старейшина Гвинот.

— Это не имеет значения, — отмахнулся Эnten. — Я убеждён в том, что карта совершенно точна. И я готов жизнь положить за эту веру! — Эnten скатал карту и вернул её в сумку. — Именно потому я здесь, Старейшины.

Герланд почувствовал, что дыхание его превратилось в быстрые рваные вздохи. А что делать, если это правда? Что тогда?

— Не знаю, почему, — промолвил он, выпрямляясь во весь свой хищный рост, — мы утруждаем себя этим...

Эnten не дал ему закончить.

— Я знаю, дядя, что прошу нечто необыкновенное. И, возможно, вы правы, и всё это — самая настоящая глупость. Но, по правде, я не прошу от вас многого. Только одно ваше благословение. Мне не нужны ни инструменты, ни оборудование, ни припасы. Жена моя знает о моих намерениях, и она поддерживает меня. В день Жертвоприношения процессия прибудет в наш дом, и она с охотой откажется от нашего ребёнка. Весь Протекторат будет скорбеть, пока вы будете ступать по пути великой печали. И вы отправитесь к тем отвратительным деревьям, тем, что служат ведьме. И положите мою милую малышку на мох,

а ещё подумаете, что больше никогда не увидите эти чудные глаза, — Энтен почувствовал, как надломился его голос. Он зажмурился и попытался собраться с силами. — И, может быть, это будет правдой. Может быть, в лесу очень опасно, а колдунья требует, чтобы я отдал ей своего ребёнка.

В комнате было тихо и холодно. Старейшины не осмелились произнести ни слова. Энтен оказался куда выше их всех, а лицо его словно сияло изнутри.

— Или, — продолжил Энтен, — может быть, нет. Может быть, это я буду ждать среди деревьев. Может быть, это я подниму малыша из круга платанов. Может быть, именно я буду тем человеком, что благополучно принёс ребёнка домой.

Гвинот вновь прошептал своим пронзительным голосом:

— Но... как, мальчик мой?

— Это очень простой план, господин Старейшина. Я последую совету карты. Я отыщу ведьму, — глаза Энтена превратились в чёрные яркие угли. — А после я убью её.

Глава 25. В которой Луна узнаёт новое слово

Луна проснулась в темноте от жгучей головной боли. Та возникла в точке в её голове — маленькой, вроде песчинки. Но она чувствовала, как у неё перед глазами разрывались вселенные — и становилось то светло, то темно, то светло, то темно. Она выпала из своей постели и с грохотом рухнула на пол. Бабушка её всё ещё похрапывала в своей постели в другой стороне комнаты, и каждое дыхание её походило на болота — она дышала так тяжело, словно пыталась выплеснуть из лёгких бесконечную грязь.

Луна прижала руки ко лбу, пытаясь не позволить своей голове расколоться на части. Лоб её горел, после остыл, а потом вновь стал невообразимо горячим. Было ли это творением её фантазии, или руки и вправду светились? И ноги, кажется, тоже.

— Что происходит? — выдохнула она.

— Кар-р-р! — ворон устроился на подоконнике, будто на том насесте. — Луна! — прокаркал он.

— Я в порядке, — прошептала она, но отлично знала, что это было совсем не так. Ей казалось, что каждая её косточка была сделана из света. Глаза её горели. Кожа казалась гладкой и влажной. Она вскочила на ноги и, спотыкаясь на ходу, выскочила за дверь и глотала большие порции ночного воздуха, пытаясь отдышаться.

Растущая луна уже проснулась на небесах, и вокруг неё всё сверкало звёздами. Пытаясь об этом не думать, Луна подняла руку к звёздам, позволяя сиянию собраться на пальцах. Один за другим, она подносила их к губам и позволяла скользить звёздному сиянию по её горлу. Делала ли она это раньше? Она не помнила. Но, так или иначе, она облегчила бесконечную головную боль и успокоила собственный ум.

— Кар-р-р! — промолвил ворон.

— Ну... — покачала головой Луна и начала свой долгий путь вниз по тропе.

Луна не намеревалась добираться до камня в высоких травах, но, тем не менее, пришла туда. Смотрела на слова, которые освещали ясные звёзды.

"Не забывай!" — вещал камень.

— О чём не забывать? — спросила она вслух. Сделала шаг вперёд, положила руку на камень — и, вопреки тому, что время было позднее, да и на улице оказалось довольно сыро, камень излучал странное тепло. Он буквально дрожал под её рукой, и она внимательнее

посмотрела на слова.

— Что не стоит забывать? — вновь спросила она, и камень распахнулся, будто бы дверь.

Нет — не будто бы дверь, поняла Луна. На самом деле камень и был обыкновенной дверью. Дверь висела в воздухе. Дверь, открывавшая освещённый каменный коридор и лестницу, что вела вниз в темноту.

— Как... — выдохнула Луна, но продолжить незаконченную фразу так и не смогла.

— Кар-р-р! — промолвил ворон, но звучало это как "я думаю, тебе не стоит туда идти".

— Тихо, — отмахнулась Луна, а после вошла в каменную дверь и принялась спускаться вниз по лестнице.

Лестница привела её в мастерскую с чистыми, открытыми рабочими столами и огромным количеством стопок бумаги. Вокруг были открытые книги, а журнал с гусиным пером лежал рядом — на странице оказалось пятно, и ярко-чёрная капля чернил цеплялась к острому кончику пера, словно кто-то остановился на середине предложения, а после вдруг передумал, бросил всё и умчался прочь.

— Ау? — позвала Луна. — Тут есть кто-нибудь?

Никто не ответил. Никто, кроме ворона.

— Кар-р-р! — провозгласил он. Хотя это походило на громкое зывание, что-то вроде "Луна, убирайся отсюда поскорее".

Луна посмотрела на книги и статьи. Казалось, что здесь был какой-то сумасшедший — клубок петель, слова, которые для неё попросту ничего не значили.

— Зачем кому-то идти на подобные неудобства для того, чтобы сделать книгу, что окажется полной тарабарщиной? — спросила она сама у себя, но ответа не было.

Луна прошлась по периметру комнаты, пробежалась кончиками пальцев по широкому столу и плавной линии корешков книг. Пыли здесь не оказалось, и отпечатки пальцы тоже не оставляли. И воздух казался не таким уж и затхлым, да она вообще не могла отловить здесь аромат какой-либо жизни.

— Эй! — вновь позвала она. Голос не разлетелся эхом. Казалось, слова просто вылетели изо рта и с мягким стуком врезались в землю. А ещё здесь оказалось окно, и одно его существование казалось совершенно удивительным, ведь она находилась под землёй, разве нет? Она спустилась вниз по лестнице. А что самое странное, снаружи она могла видеть полдень. Да ещё и пейзаж, который никогда в жизни не видела! И вместо кратера горы там оказался пик. Горный пик, вокруг которого вился страшный дым — словно это был чайник, который слишком долго кипел.

— Кар-р-р! — в очередной раз провозгласил ворон.

— Что-то не так с этим местом, — прошептала Луна. Волоски на руках встали дыбом, спина покрылась потом. Кусок бумаги слетел с одного из столов и приземлился на её руку.

— Не стоит забывать, — прочитала она вслух надпись.

— Да как я могла забыть то, о чём даже не знаю? — воскликнула она. Но кого она спрашивала?

— Карр-р-р! — возмутилась птица.

— Никто мне ничего не говорит! — закричала Луна, но на самом деле всё было совсем не так, и она сама прекрасно об этом знала. Иногда бабушка рассказывала ей об очень интересных и страшных вещах, и Глерк тоже рассказывал о чём-то таинственном и невообразимо запретном, вот только их слова упрямо вылетали из её головы в тот же миг, как только из кто-либо произносил. Даже сейчас Луна могла вспомнить отдельные слова и

словно видела, как маленькие кусочки, маленькие кусочки разорванных бумаг срывались с её сердца и парили перед её глазами, а после растворялись в пустоте, словно их уносил ветер. "Вернись", — отчаянно стучало её сердце.

Она покачала головой.

— Я просто глупа, — промолвила она вслух. — Этого никогда не было...

Её голова болела. Это зернышко размером с песчинку казалось одновременно и бесконечным, и крошечным, таким маленьким и таким необъятным, и она думала, что её голова вот-вот расколется на маленькие кусочки.

Ещё один лист бумаги вырвался из стопки и скользнул ей в руки.

Там не было первого слова в предложении — оно словно растворилось в воздухе. Оно превратилось в пятно. А предложение дальше казалось до такой степени ясным. "... является наиболее фундаментальной и, тем не менее, это — самый плохо понимаемый элемент из всех во вселенной, что только нам известны".

Она смотрела на лист.

— А что самое фундаментальное? — спросила она, поднося лист бумаги близко к собственным глазам. — Ну же, покажи себя!

И в тот же момент песчинка в её голове принялась размягчаться, отпускать её — понемножку. Она посмотрела на слова и видела, как расправлялись из дымчатого клубка буквы, как грязь стекала из них, как они медленно, но чётко проявлялись на бумаге.

— Ма... — беззвучно прошептала она, — гия, — она покачала головой. — Что это такое?

Звук гремел в её ушах. Всплески света мелькали перед глазами. Магия. Это слово что-то означало. Она была уверена в том, что оно что-то да значило. И была уверена в том, что однажды слышала это слово, вот только не могла вспомнить, где и когда это было. Да она едва-едва могла понять, как именно это произносить.

— Мммм, — начала она, чувствуя, что язык потяжелел и словно окаменел.

— Кар-р-р! — призвала ворона.

— М-м-м, — повторила она.

— Кар! Кар-р-р! Кар-р-р! — радостно возопила ворона. — Луна! Луна! Луна!

— Мммммагия! — выкашляла Луна.

Глава 26. В которой сумасшедшая осваивает навык и учится его использовать.

Когда сумасшедшая была маленькой девочкой, она рисовала. Её мать рассказывала истории о Ведьме, истории о лесе, но она никогда не была уверена в том, что это правда. По словам матери, колдунья поедала печаль, поедала души, поедала вулканы, поедала храбрых маленьких волшебников. По словам матери, у колдуньи были огромные чёрные сапоги, что могли путешествовать по семь лиг за один только шаг. И, если верить словам матери, то колдунья разъезжала на спине дракона и жила в башне, такой высокой, что та даже пронзала небо.

Вот только мать сумасшедшей была мертва. И колдуньи не было.

И в тишине башни, куда выше грязного туманного города, сумасшедшая чувствовала то, что никогда не чувствовала там, внизу. Она чувствовала, что влекла их. Раз за разом.

Каждый раз сёстры без предупреждения приходили в её комнату, щёлкали языком, видя

потоки бумаги в комнате. Сложенные в птиц. Сложенные в башни. Сложенные в Сестру Игнатию — и затоптанные ногами сумасшедшей. Покрытые какими-то каракулями. И картины. И карты. Каждый день сёстры собирали бумаги в охапку и выносили их из клетки, чтобы замочить, раздробить и вновь превратить в новые листы в своём страшном подвале.

Но откуда это взялось — вот что спрашивали себя сёстры.

Сумасшедшей хотелось сказать им, что это всё до безумия просто! Им просто надо сойти с ума! Ведь безумие и магия до такой степени связаны между собой! И каждый день в мире что-то перемешивается и вырывается на свободу. Каждый день она находит в завалах сверкающую монетку. Блестящую бумагу. Блестящую правду. Блестящую магию. Сверкание, сверкание, сверкание. Сияние, сияние, сияние. Она есть, она знает, только она совсем безумна, и никогда никто не сможет её исцелить.

Однажды, когда она сидела на полу в середине своей клетки, скрестив ноги, ей попалась горсть перьев, оставленных ласточкой, что решила свить своё гнездо на узком подоконнике клетки — но сокол однажды решил немного перекусить. Перья залетали через окно безумицы и падали на пол.

Сумасшедшая наблюдала, как они медленно опускались вниз. Перья приземлились на пол прямо перед нею. Она смотрела на них, на то, как каждый раз они тонкими нитками спадали на пол. Иногда она видела мелкие пылинки, борозды в своей клетке. Всё меньше и меньше подробностей её зрения доходили до ума — а потом она сумела увидеть каждую частицу, что вращалась вокруг неё, будто та крошечная галактика. Она была так безумна — разумеется, всё это приходило... Она перекладывала частичку за частичкой через зияющую между ними пустоту, так, что вновь возникло новое целое. Перья больше не были перьями. Они стали бумагой.

Пыль сама стала бумагой.

И дождь теперь был бумагой.

Иногда её ужин тоже становился бумагой.

И каждый раз она делала карту, каждый раз писала одно и тоже, снова, снова, снова.

Никто не читал её карты. Никто не читал её слова. Никто не надоедал безумной своими словами. Они просто варили её бумагу и дорого продавали её на рынке.

А когда она научилась творить бумагу, она вдруг поняла, как легко превращать другие вещи. Её кровать стала лодкой на какой-то промежутке времени. И решётки на её окне превратились в ленте. Её стул превратился в шелка, в которые она завернулась, как в платки, наслаждаясь прекрасным чувством. И, в конце концов, она поняла, что может превращаться сама, так прекрасно, пусть и в что-то очень маленькое, только на некоторое время. Её преобразования казались настолько утомительными, что после этого она несколько дней лежала в постели.

Крошка.

Паук.

Муравей.

Она должна была быть осторожной, чтобы её никто не затоптал. И не прихлопнул.

Блоха.

Таракан.

Пчела.

А ещё она должна была убеждаться, что вернулась в свою камеру, когда её атомы вновь собирались разорваться на части и разлететься вокруг неё. Со временем она сможет

удержать себя в той или иной форме немного дольше — у неё получалось всё лучше и лучше. Она надеялась на то, что в один прекрасный день она будет в состоянии превратиться в птицу, такую сильную, что даже долетит до середины леса.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В один прекрасный день.

Пока нет.

Вместо этого она становилась жуком. Жестким, блестящим. Она крутилась прямо под ногами сестёр с арбалетами, слетала вниз по лестнице. Она села на носок робкого мальчишки, увлечённого ежедневной рутинной — очередная марионетка сестёр. Боится собственной тени.

— Мальчик, — услышала она, как закричала главная сестра где-то внизу коридора. — Сколько нам ещё придётся ждать, пока ты наконец-то принесёшь этот чай?!

Мальчик всхлипнул, схватился за блюдо, водрузил на поднос булочки с огромным грохотом, а после поспешил вниз по коридору. Всё это сумасшествие даже не заставило его посмотреть на шнурки собственных ботинок.

— Наконец-то! — промолвила старшая сестра.

Мальчик водрузил поднос на стол со страшным грохотом.

— Вон! — прогремела сестра. — Прежде чем ты ещё что-то уничтожишь!

Сумасшедшая нырнула под стол, радуясь тени. Её сердце рвалось к бедному мальчику, что выпал за дверь, прижимая к себе руки, словно они были сожжены. Сестра тяжело вдохнула воздух через нос. Она прищурила свои страшные глаза. Сумасшедшая попыталась шуметь как можно меньше.

— Ты чувствуешь какой-то запах? — спросила она человека, что сидел в кресле напротив.

Сумасшедшая знала этого человека. Он не был в мантии. Вместо этого он надел тонкую рубашку из прекрасной тонкой ткани и длинное пальто из легчайшей шерсти. Его одежда пахла деньгами. И морщин у него было больше, чем в последний раз, когда она в последний раз его видела. Лицо его оказалось усталым и старым. Сумасшедшая думала, на что он похож. Столько времени прошло с того момента, как она в последний раз видела его — а её лицо? Какое теперь оно?

— Ну, сударыня, тут ничем не пахнет, — покачал головой Великий Старейшина. — За исключением чая и пирожных. Ну, и вашими духами, разумеется.

— О, не стоит мне льстить, мальчик, — промолвила она, хотя Великий Старейшина был куда старше её. Или, по крайней мере, он выглядел гораздо старше.

Увидев её рядом с Великим Старейшиной спустя все эти годы, сумасшедшая вдруг поняла, что за все эти годы сестра Игнатия ни разу не изменила свой возраст.

Старик откашлялся.

— О, тогда перейдём к причине, моя милая леди. Я сделал то, что вы просили, узнал, что мог узнать, и другие старцы сделали точно то же. И я сделал всё, что мог, чтобы его отговорить, но это оказалось бесполезным. Эnten всё ещё намеревается охотиться на Ведьму.

— Последует ли он хотя бы вашим советам? Он будет держать свои планы в тайне? — голос её показался каким-то странным и знакомым, и сумасшедшая, разумеется, всё узнала. Печаль. Она была способна узнать этот звук где угодно.

— Увы, но нет. Люди узнали об этом. Я понятия не имею, кто сказал им об этом, то ли

он сам, то ли его смехотворная супруга. По его мнению, стремление к этому путешествию приведёт к успеху, и по её тоже. И другие тоже так думают. Все они... надеются, — он произнёс этого слово так, словно оно было ядовитым или горьким, как лекарство. Великий Старейшина содрогнулся.

Сестра вздохнула. Она встала и зашагала по комнате.

— Тут и вправду нет запаха, правда? — Великий Старейшина пожал плечами, и сестра покачала головой. — Это не имеет значения. Скорее всего, лес его убьёт. Он никогда не перенесёт такое путешествие. Соответствующих навыков у него нет, и он понятия не имеет, о каком путешествии говорит и что делает. Его потеря другим помешает сотворить что-то в этом роде и задавать неприятные вопросы. Но ведь возможно, что он может вернуться. Вот это меня беспокоит.

Сумасшедшая вылетела из тени настолько, насколько посмела. Она видела, что движения сестры становились всё более резкими и хаотичными. И она видела, как в её глазах появлялись слезинки.

— Это слишком рискованно, — она сделала глубокий вздох, пытаясь успокоиться. — И это отнюдь не закроет наш вопрос. Если он вернётся, не сумеет ничего отыскать, это не значит, что кто-то другой не окажется столь безрассудным, чтобы туда отправиться. И если этот человек ничего не найдёт, может быть, попытается ещё кто-то, и рано или поздно это будет удачным. И, рано или поздно, отчёты о том, что ничего там нет, станут известными. И Протекторат наконец-то одержит идею...

Сестра Игнатия, как заметила внезапно сумасшедшая, была весьма бледна. Бледна и худая, словно она медленно умирала от голода.

Великий Старейшина долго молчал, а после откашлялся.

— Я полагаю, сударыня... — его голос затих, он вновь умолк, но после всё же заговорил. — Я полагаю, одна из ваших сестёр могла бы... Что ж, если бы они могли... — он сглотнул, и голос стал совсем слабым.

— Это не так уж и легко для каждого из нас. Я вижу, что у тебя к мальчишке есть чувства. В конце концов, это ваш племянник... — её голос сорвался, и язык сестры быстро, молниеносно облизнул губы. Она закрыла глаза, коснулась щеки, словно ощутила только что самый вкусный в мире аромат. — Ваша печаль так реальна... Но это не поможет. Мальчик не может вернуться. И должно быть для всех очевидно, что убила его именно ведьма.

Великий Старейшина подался вперёд на вышитом диване, всматриваясь в лицо сестры. Его собственный лик был бледным и измождённым. Он возвёл очи к потолку. Даже с её крошечными глазками было нетрудно заметить слёзы, застывшие на его рестницах.

— Кто? — хрипло спросил он. — Кто это сделает?

— Это имеет значение? — спросила сестра.

— Для меня — имеет.

Сестра Игнатия словно прижалась, прилипла к окну, долго молчала, а после промолвила?

— Все сёстры, как вы понимаете, замечательно подготовлены. Это не... привычно для любой из них — поддаваться чувствам. Но все они заботятся об Энтене куда больше, чем обо всех остальных мальчиках, что когда-либо бывали в Башне. И если б это был кто-то другой, я бы отправила любую сестру на это дело. В этом же случае, — она вздохнула и повернулась к Великому Старейшине, — это сделаю я.

Герланд закрыл глаза, пытаясь сморгнуть слёзы, а после бросил острый взгляд на

сестру.

— Вы уверены?

— Да. И можете быть уверены, я буду быстра. Его смерть будет безболезненной, и он не узнает о моём приходе. Он не узнает, что его убили.

Глава 27. В которой Луна узнаёт больше, чем ей бы хотелось.

Каменные стены были невероятно старыми и невообразимо сырыми. Луна дрожала. Она протянула руки, а после сжала ладони в кулаки, чувствуя, как в них текла кровь. Её пальцы казались обыкновенным льдом, и она думала, что никогда больше не согреется.

Бумага кружилась вокруг её ног. Целые стопки скользнули вверх, к полуразрушенным стопкам. Слово слетело со страницы и ползало по полу клопом, прежде чем вновь вернулось в собственную книжку, всё время повторяя само себя. Каждая книга, каждый документ, казалось, немного могли сказать. Они бессвязно роптали, один перед другим говорили, они пытались друг друга перекричать!

— Тише! — крикнула Луна, прижимая руки к ушам.

— Прости, — пробормотали бумаги. Они все рассеялись и собрались, они закружились огромными вихрями и волнами теперь растекались по комнате.

— Один в одно время, — прошептала Луна.

— Кар-р-р, — согласился ворон. — Не так уж и глупо, — вот что он имел в виду.

Бумага выполнила её просьбу.

Магия, как утверждали бумаги, была достойна изучения.

Она была достойна стать знанием.

И Луна узнала о племени чародеев и ведьм, о поэтах и учёных, которые пытались сохранить, продолжить, понять магию, поэтому сотворили приют для обучения и изучения в старинном замке, который окружал ещё более древнюю башню, и всё это находилось в огромном лесу.

Луна узнала о том, что одна из женщин, могучая ведьма со значительной силой, и методы её иногда заставляли все удивляться, принесла им колыбель деревянную. Ребёнок оказался маленьким, к тому же, он был довольно сильно болен. Её родители, этой девочки, были мертвы, по крайней мере, так сказала эта женщина, а какой ей был прок с собственной лжи? Ребёнок страдал, потому что сердце его было разбито, и рыдало дитя, и переставая. Она стала фонтаном печали. Учёные решили, что должны заполнить её пустоту, что ребёнка будет заливать магия. Они могли влить в её кожу, кости, кровь, даже в её волосы магию. Они хотели бы увидеть, что способны сделать. Они хотели узнать, было ли это на самом деле возможно. Ведь взрослый мог только использовать магию, но ведь ребёнок, как гласила теория, мог и сам стать волшебным. Но этого никто никогда не испытывал и не наблюдал, по крайней мере, не с научной точки зрения. Никто никогда не записывал результаты, никто никогда не делал выводы. А все известные доказательства казались, по меньшей мере, смешными. Учёные были голодны к пониманию, но некоторые из них протестовали — ведь это попросту могло убить ребёнка! А другие возражали, что если б они её как минимум не отыскивали, то она давно уже умерла, так или иначе. Так что же в этом было плохого?

Но девочка не умерла. Вместо этого магия влилась в каждую её клеточку и продолжала расти. Она росла, росла, росла. Они чувствовали это, когда касались её. Та билась под её

кожей. Она заполнила всё пустое в её тканях. Она поселилась в пустом пространстве её атомов. Она напевала мелодии в гармонии с каждой крошечной нитью материи. Магия превратилась в частицу, в волну, в движение. Вероятность и возможность. Она подавалась, она изгибалась, она привносила магию в себя всё больше и больше.

Но один учёный, пожилой волшебник по имени Зосим, был категорически против того, чтобы вселять в дитя магию, даже продолжать начатое. Он сам был наполнен чарами молодым мальчиком и отлично знал все последствия бездумных извержений магии, сбоев в мышлении, неприятного бессмертия. Он слышал, как рыдал по ночам ребёнок, и знал, что может сделать это горе. А ещё знал, что не всем в замке было хорошо.

И поэтому он положил сему конец.

Он назвался опекуном девочки и связал их судьбы. Но у этого тоже были последствия.

Зосим предупредил других учёных об интригах своей коллеги, Той, Что Ест Печаль. Каждый день могущество её росло. Каждый день влияние увеличивалось. И предупреждения старика Зосима не будили понимания у глухих людей. И писал он своё имя с дрожью страха в руках.

(Луна, стоя в комнате и читая эту историю, среди его записей, тоже содрогнулась).

И девочка всё росла и росла, а сила её всё увеличивалась и увеличивалась. Она была довольно импульсивной, иногда — довольно эгоистичной, какими часто бывают многие дети. И она не заметила, как волшебник, который так любил её, волшебник, которого так любила она, начал медленно умирать. Стареть. Снашиваться. Никто этого не заметил, пока не стало слишком поздно.

— Мы только надеемся, — зашептали бумаги на ухо Луне, — что когда она вновь встретит Ту, Что Поедает Печаль, наша девочка станет старше, сильнее, увереннее в себе. Мы только надеемся, что после нашей жертвы она будет знать, что делать.

— Но кто? — спросила их Луна. — Кто эта девочка? Могу ли я предупредить её?

— О, — задрожали в воздухе бумаги. — Мы думали, что уже сказали тебе об этом. Её зовут Ксан.

Глава 28. В которой несколько человек отправляются в лес.

Ксан сидела у камина, крутила свой фартук и так, и сяк, пока тот не превратился в сплошные узлы.

В воздухе что-то застыло. Она чувствовала это. И было что-то под землёй, без конца жужжало, урчало, раздражало. Она это тоже чувствовала.

Спина её болела. Руки её болели. Её колени, её бёдра, её локти и её щиколотки, и каждая её косточка, и её опухшие ноги всё болели, болели и болели. Каждое движение, каждый импульс, каждый толчок шестерёнок жизни Луны, каждый миг к её тринадцатилетию, чувствовала Ксан, истончал, сокращал, выжигал её. Она стала лёгкой и хрупкой, как бумага.

Бумага, подумала она. Жизнь её состояла из бумаги. Бумажные птицы. Бумажные карты. Бумажные книги. Бумажные журналы. И слова тоже были бумажными, и мысли — всё на свете состояло из бумаги. Всё замирало, всё становилось мельче, всё теряло смысл. Она помнила Зосима, милого Зосима! Он казался ей сейчас таким близким — над высокой стопкой бумаги горели шесть свеч, освещали весь стол, открывая знанию чистое пространство.

Её жизнь была записана на бумаге, сохранена на бумагах всех этих кровавых учёных, что ломали свои заметки и свои мысли. И свои наблюдения. Если б она умерла, они бы записали её кончину и даже не прослезились бы. А вот луна такая же, как и она. И вот — она хватается за слово, что могло бы всё объяснить, а девочка не может ни прочесть, ни услышать!

Это несправедливо. То, что сотворили с Ксан эти люди в замке, было несправедливым. То, что сотворила с Луной Ксан — тем более! А то, что граждане Протектората делали со своими детьми — уж того хуже! Ни в одном из них не было ни капли справедливости!

Ксан стояла и смотрела в окно. Луна не вернулась. Может быть, это было к лучшему. Она оставит записку, ведь что-то легче сказать на бумаге, чем на словах.

Ксан никогда не ходила так рано за ребёнком из Протектората. Но на этот раз она не могла рискнуть, не могла опоздать. Не после того, что случилось в последний раз. И она не могла рискнуть и стать замеченной. Трансформация — весьма сложное дело, и ей пришлось сражаться, чтобы вернуть себе настоящий лик после всего, что она сотворила. Да и сколько ещё последствий она упустила из виду!

Ксан застегнула дорожный плащ, сунула ноги в пару крепких ботинок, после упаковала собственную сумку, в котором теперь было полно бутылок молока и сухой, мягкой ткани, да ещё немного еды для себя самой. Она прошептала заклинание, что заставило бы молоко не портиться за долгую дорогу, попыталась игнорировать то, насколько сильно она была иссушена и физически, и морально.

— Какая птица? — пробормотала она. — Какая птица, какая птица, какая птица?! — она думала, что, превращаясь в ворону, может стать хитрее обычного, а вот если она вдруг станет орлом и возьмёт немного сражения за жизнь от него, впитает эту невидимую, но могучую птичью силу... Или, может быть, стать альбатросом с его невообразимо лёгким полотом — это казалось такой хорошей идеей, если, конечно, не учитывать отсутствие воды в округе, что могло бы не дать ей ни взлететь, ни приземлиться так, как следует. В конце концов, она выбрала маленькую, крохотную ласточку, такую тонкую и прозрачную, но при этом способную летать хорошо, высоко да быстро, и взгляд у неё острый и пристальный. Да, ей придётся делать определённые перерывы, и ласточка была маленькой, коричневой, более того — практически невидимой для любого из хищников

Ксан закрыла глаза, прижала ноги к земле и почувствовала, как сквозь её хрупкие кости постепенно течёт волшебство. Она ощутила, что стала неимоверно лёгкой и маленькой, острой... Яркие глаза, ловкие коготки, острый, острый клювик. Она махнула крылом, почувствовала, как в глубине её души вспыхнула необходимость летать — такая, что она могла умереть от неё! — и, издав высокий, грустный вскрик одиночества и грусти по Луне, она взлетела в воздух, скользя по краю деревьев.

Быстра, как свет, светла, словно бумага.

Энтен ждал рождения собственного ребёнка — только потом он начнёт свой путь. До Дня Жертвоприношения были ещё недели — но не было шанса на то, чтобы кто-то родил в это время. Да, в Протекторате было около двух десятков беременных женщин, вот только у всех только-только начали появляться животы. И им понадобятся месяцы, а не недели.

К счастью, роды прошли легко. Или, может, Эсин только утверждала, что это было легко. Но каждый раз, когда она издавала крик, Энтену казалось, будто бы он умирает изнутри. Роды были громкими, грязными и страшными, и Энтену казалось, словно они

заняли целую жизнь или даже больше, хотя на самом деле всё длилось едва ли несколько часов. Дитя завопило как раз пополудни.

— О, что за правильный джентльмен! — воскликнула акушерка. — Появляется ровно в срок, в самый разумный час!

Они называли его Лукеном и диву давались его крошечным пальчикам и его нежным ручкам, тем, как его взгляд скользил по их лицам. А ещё они целовали его в его маленький вопящий ротик.

Энтен никогда не был более уверенным в том, что должен сделать.

Он ушёл следующим утром, задолго до того, как взошло наконец-то солнце, и его жена да его ребёнок всё ещё спали. Он не мог заставить себя сказать "до свидания", подразумевая "прощай".

Сумасшедшая стояла у окна, прижав лицо к решёткам. Она наблюдала, как из тихого дома выскользнул молодой мужчина. Она ждала, что он появится через несколько часов. Она знала, почему решила ждать его с этого мига — но ждала. Солнце всё ещё не встало, и на небесах ярко и ясно сияли звёзды, будто бы на небесах кто-то просыпал битое стекло. Она видела, как он выскользнул из собственного дома, как молча прикрыл за собою дверь. Она наблюдала за тем, как он положил свою руку на дверь, прижал ладонь к деревянному узору. На какой-то миг ей подумалось, что он мог бы и передумать и вернуться обратно, повернуться спиной к дороге и темноте — но он этого не сделал. Он зажмурился, тяжело вздохнул и повернулся на каблуках, торопясь к тёмной полосе городской стены, где склон был менее крутым.

Сумасшедшая послала ему на удачу воздушный поцелуй. Она наблюдала за тем, как он остановился и задрожал, ощутив её поцелуй, а после продолжил свой путь, и шаги его стали легче. Сумасшедшая улыбнулась.

Она знала, что была жизнь. Существовал мир, к которому она привыкла, но сейчас не могла вспомнить. Жизнь до этого была бессмысленной, будто тот дым. Вместо этого она жила в мире бумаги. Бумажные птицы, бумажные карты, бумажные люди, бумажная пыль — и чернила, и чернила, и чернила...

Молодой человек шагнул в тень, обернулся, чтобы увидеть, кто следовал за ним. У него с собою был ранец и спальный мешок, переброшенный через спину. Плащ, слишком тяжёлый для дня и недостаточно тёплый для того, чтобы сохранять от холода в ночи. И на бедре качался длинный, острый нож.

— Тебе не стоит идти одному, — прошептала сумасшедшая. — В лесу таится опасность! Опасность, что последует за тобою в лес! И есть ещё одна опасность, и она куда страшнее того, что ты мог бы себе попросту представить!

Когда она была маленькой, она слышала историю о Ведьме. Ведьма, как ей говорили, жила в лесу, и сердце у неё было не человека, но тигра. Но истории на самом деле ошибались, а правда в них была изогнута. Ведьма была здесь, в башне. И хотя у неё сердце не тигриное, она разорвёт в клочья, как только представится возможность.

Сумасшедшая смотрела в окно сквозь железные прутья, пока они перестали быть железными, а стали просто поржавевшей бумагой. Она разорвала их на клочки. И камни, что окружали окошко, уже были не камнями, просто влажными комками целлюлозы. Она руками их отбрасывала с пути.

Трепетали, роптали, трещали вокруг неё бумажные птицы. Они раскрывали

собственные крылья. Глаза их стали ярче, почти горели. Они поднялись, все, как одна, в воздух, и они потекли через окно, на спинах своих неся сумасшедшую, и молча помчались в небо.

Сёстры обнаружили, что сумасшедшая сбежала, через час после рассвета. Звучали и обвинения, и объяснения, и поисковые группы, и судебные изыскания, и даже команды детективов. Город просто шумел! Их впереди ждала длинная, грязная работа по подчистке. Но, разумеется, тихая. Сёстры не могли позволить новостям убежать в Протекторат. Это последнее, что им нужно — что у населения появятся идеи. Идеи, в конце концов, превратятся в опасные действия.

Великий Старейшина Герланд договорился встретиться с сестрой Игнатией как раз перед обедом, несмотря на её уверения, что сегодня совсем не время.

— Меня не заботит то, что у вас какие-то там дамские осложнения! — взревел Великий Старейшина, проходя в свой кабинет. Остальные сестры схлынули, бросая убийственные взгляды на Великого Старейшину, но, к счастью, он этого просто не заметил.

Сестра Игнатия чувствовала, что о побеге сумасшедшей и вовсе лучше не упоминать. Вместо этого она потребовала чаю, печенья — и предложила гостеприимный приём Великому Старейшине.

— Молись, дорогой Герланд, — промолвила она. — Что бы это ни было... — она смотрела на него из-под капюшона своими хищными глазами.

— Это случилось, — устало промолвил Герланд.

Взгляд сестры Игнатии бессознательно метнулся в сторону теперь уже пустой комнаты.

— Это? — переспросила она.

— Мой племянник. Он ушёл сегодня утром, а его супруга и младенец остались в доме моей сестры.

Ум сестры Игнатии обратился стрелой. Они не могут быть связаны, эти две пропажи, просто не могут! Она не могла знать... Не могла? В конце концов, было довольно заметно то, что печали у сумасшедшей стало немного меньше, но сестра Игнатия об этом не думала. В это время скорее раздражало оставаться голодной в собственном доме, где всегда было в изобилии печали — но ведь она висела облаком над Протекторатом, так что она не чувствовала недостатка.

Или всё было нормально? Но взорвавшаяся надежда, разожжённая Эntenом, носилась по городу и разрушала печаль. Сестра Игнатия почувствовала, как сильно урчит её живот.

Она улыбнулась и встала на ноги. Она осторожно положила руку на плечо Великого Старейшины, нежно сжала его плечо. Её длинные, острые ногти пронзали его мантию когтями тигра, заставляя его вскрикнуть от боли. Она улыбнулась и поцеловала его в обе щёки.

— Не бойся, мой мальчик, — промолвила она. — Оставь мне Энтена. В лесу столько опасностей... — она натянула капюшон на голову и подошла к двери. — Я слышала, что ведьма есть в лесу. Ты об этом знаешь? — и она исчезла в зале.

— Нет, — прошептала Луна. — Нет, нет, нет, нет, нет! — она на мгновение сжала в руках записку в собственной руке, а после разорвала её в клочья. Она даже не прочла первое предложение. — Нет, нет, нет, нет, нет!

— Кар-р-р! — провозгласил ворон, хотя на самом деле она слышала "не делай ничего

глупого".

Гнев жужжал в теле Луны, скользил от макушки до стоп её ног. Наверное, именно так чувствовало себя дерево, когда в него попадала молния. Она уставилась на разорванную записку, желая вновь собрать её по кусочкам, чтобы её можно было разорвать на мелкие кусочки вновь.

Она отвернулась, прежде чем смогла увидеть, как задрожали кусочки в её руках, толкались друг к другу.

Луна бросила на ворона дерзкий взгляд.

— Я иду за ней.

— Кар-р-р! — сказал ворон, хотя Луна отлично знала, что он имел в виду "это очень глупая идея. Ты даже понятия не имеешь, куда надо пойти!"

— Я иду, — сказала Луна, вскинув подбородок и подтянув блокнот к собственной сумке. — Видишь?

— Кар-р-р! — провозгласил он. — Ты делаешь то, что делаешь, — имел в виду он. — Когда-то мне приснился сон, что я мог дышать под водой, будто бы рыба! А тебе не кажется, что ты делаешь точно то же самое?

— Она недостаточно сильна, — голос Луны звучал надорвано. А что делать, если её бабушку внезапно ранят в лесу? Или заболит она? Или вдруг потеряется? А что делать, если Луна никогда не увидит её вновь... — Мне надо немедленно помочь ей! Я нуждаюсь в ней!

Клочки бумаги с "Луна" и "Дорогая" свели свои края, осторожно прижались друг к другу, не оставляя ни единого доказательства о том, что их однажды разделяли на клочки. Так же сделали и те, где было "к тому времени, когда ты это прочитаешь" и "есть кое-что, что мне надо объяснить". Над этим оказалось "ты когда-то будешь намного большим, чем предполагаешь".

Луна сунула ноги в сапоги и упаковала в рюкзак то, что, как она думала, могло бы ей помочь в путешествии. Твёрдый сыр. Сушеные ягоды. Одеяло. Бутылка с водой. Компас и зеркальце. Звёздная карта бабушки. Очень острый нож.

— Кар-р-р! — промолвил ворон. — А ты не собираешься сказать об этом Глерку и Фириану?

— Разумеется, нет! Они ведь попросту попытаются остановить меня!

Луна вздохнула. Маленький осколок бумажки проделал путь через всю комнату, юркий, будто бы какая-то маленькая мышка. Луна этого не заметила. Она не заметила, как тот промчался по её ноге вверх, по спине и по её плащу. Она не заметила, как та проделала путь в карман.

— Нет! — наконец-то промолвила она. — Они выяснят, куда я пойду. Всё, что я говорю, кажется таким неправильным... Всё, что я говорю, неправильно!

— Кар-р-р! — сказал ворон. — Не думаю, что это правда.

Но, думал ворон, это не имело значения. Луна уже давно всё решила. Она завязала свою сумку, проверила сделанную своими руками карту. Она выглядела достаточно детальной. И, разумеется, ворон был абсолютно прав, и, конечно, Луна отлично знала, насколько опасен лес. Но она была в этом уверена, что должна проделать этот путь.

— Ты идёшь со мной или нет? — сказала она ворону, прежде чем выйти в зелёные пятна.

— Кар-р-р! — вновь возмутился ворон. — До конца земли, моя Луна, до конца земли...

— Что ж... — промолвил Глерк, осматривая беспорядок в доме. — Это никуда не годится.

— А где тётушка Ксан? — завопил Фириан. Он уткнулся мордой в носовой платок и сначала то поджигал его, то обливал пламя собственными слезами. — Ну почему, почему она не попрощалась?

— Ксан может о себе позаботиться, — сказал Глерк. — Куда больше меня беспокоит Луна...

Он сказал это, потому что, казалось, это должно быть правдой. Но нет, на самом деле нет. Его беспокойство за Ксан узлом завязалось в его сознании. О чём она только думала? Глерк выл от этой мысли. И как он мог обратно отвести её в безопасное место?

Глерк тяжело опустился на пол, и его большой хвост обернулся вокруг его тела, а потом перечитал записку, которую Ксан оставила для Луны.

"Дорогая Луна, — вещала записка, — к тому времени, когда ты читаешь эти строки, я уже буду быстро шагать по лесу".

— Быстро? Ах! — пробормотал он. — Она трансформировалась! — он покачал головой. Глерк лучше, чем кто либо, знал, как иссякала магия Ксан. А что случится, если она застрянет в своей трансформации? Если она будет навечно белкой, или птичкой, или каким-то оленем? Или, что ещё более тревожно, если она сможет превратиться только наполовину, что ж тогда будет!

"В тебе всё меняется, моя дорогая. И внутри, и снаружи. Я знаю, что ты можешь это почувствовать, но у тебя нет слов, которые могли бы это пояснить. Это моя ошибка. Ты понятия не имеешь, кто ты, и в этом тоже моя вина. Есть вещи, которые я всё время от тебя скрывала в силу определённых обстоятельств, вещи, что могут разбить твоё сердце. Но это не меняет сути дела — ты когда-нибудь станешь намного большим, чем можешь предположить".

— Что ты говоришь, Глерк? — сказал Фириан, жужжа то по одну сторону головы Глерка, то по другую, столь раздражающий, словно шмель.

— Одну минутку, о, мой милый друг... — пробормотал Глерк.

От того, что Глерк использовал слово "друг", заставило Фириана вспыхнуть воистину легкомысленным счастьем. Он прилепил свой язык к небу, описал петлю в воздухе, дважды провернулся и случайно стукнулся головой о потолок.

— Разумеется, я дам тебе минутку, Глерк, мой милый, милый друг! — заявил Фириан, похлопав себя по шишке на голове. — Я дам тебе все минуты в этом мире! — он трепетал в воздухе, потом уселся на подлокотник кресла-качалки, такой чопорный, что это казалось невозможным.

Глерк смотрел на бумагу — не на слова, а на саму бумагу. Она была разорвана однажды, он видел это, и теперь связана до того плотно, что большинство глаз не уловили бы изменения. Ксан бы увидела. И Глерк видел — как на магической резьбе появляются нити. Синее. С серебром на краях. Целые мириады. И всё это не принадлежало Ксан.

— Луна, — прошептал он. — О, моя Луна...

Слишком рано. Её магия. Её власть, словно громадный океан, вытекала на свободу. У неё не было ни единого шанса узнать, означало ли это, что сделает ребёнок, станет ли это заметным для всех. Он вспомнил, как была молода Ксан — когда спелые фрукты буквально взрывались вихрями звёзд, стоило ей только оказаться слишком близко. Она была опасна и для себя, и для других. И Луна тоже была совсем юной — а теперь ещё и полыхала

волшебством.

"Когда ты была малышкой, я спасла тебя от ужасной судьбы. А потом я случайно предложила тебе луну для того, чтобы накормить, и ты выпила её, а вместе с этим ещё и одну страшную судьбу... Прости меня. Ты будешь очень долго жить и очень много забудешь, и люди, которых ты любишь, тоже умрут, и ты будешь продолжать ступать вперёд. Это была моя судьба, теперь она станет твоей. Существует лишь одна причина для этого..."

Глерк знал причину, разумеется, но в письме об этом не шло. Вместо этого на слове "магия" осталось отверстие. Он осмотрел пол, но не увидел его нигде. Это была одна из тех вещей, что не давала ему забыть о магии в целом. Магия — это нечто неприятное. Нечто очень глупое. И нечто имеющее собственный разум.

"Это слово, которое не может задержаться в твоём уме, но именно это слово определяет твою жизнь. Как определило однажды мою. Я только надеюсь, что у меня будет достаточно времени, чтобы всё тебе объяснить, прежде чем я наконец-то покину тебя вновь, в последний раз. Я люблю тебя больше, чем это можно описать.

Твоя любящая бабушка".

Глерк сложил письмо и сунул его под подсвечник. Со вздохом он оглядел комнату. И вправду, дни Ксан были сочтены, и вправду, если сравнивать с его невероятно длинным сроком службы, Ксан едва-едва сделала короткий, быстрый вздох, словно ласточка, в одно мгновение ока. И вскоре она навсегда исчезнет. Он почувствовал, что его сердце будто бы застыло в горле, твёрдое до невообразимого и острое.

— Глерк? — рискнул Фириан. Он подлетел к лицу древнего болотного чудище, всматриваясь в большие, влажные глаза. Глерк моргнул и обернулся. Дракончик, как он вынужден был признать, был достаточно милым существом. И с добрым сердцем. Такой юный, но такой неестественный... А теперь пришло его время — расти.

Давно уже пришло время, если по правде.

Глерк поднялся на ноги, и его спина немного изогнулась, чтобы немного скомпенсировать изгиб в позвоночнике. Он любил своё небольшое болотце, разумеется, более того, он обожал свою маленькую жизнь здесь, в кратере вулкана. Он выбрал его без сожаления. Но он и великий мир тоже любил. Были те частички, которые он отставил в сторону, чтобы жить с Ксан. Глерк едва-едва это помнил. Но он знал, что в них было что-то животворящее и подавляющее. Буг. Мир. Все эти живые существа. Он забыл, как сильно он любил всё это. Его сердце билось в его груди, когда он сделал свой первый шаг...

— Ну, Фириан, — сказал он, положив свою верхнюю левую лапу дракону, и позволил своей ладони загореться теплом. — Мы собираемся в путешествие.

— Настоящее путешествие? — сказал Фириан. — Ты имеешь в виду — и вправду уйти отсюда?

— Ну, это единственный вид путешествия, родной мой. И, да, прочь отсюда — именно такое путешествие!

— Но... — начал Фириан. Он затрепетал на его ладони и полетел по ту сторону огромной головы болотного монстра. — А что, если мы заблудимся.

— Я никогда не заблужусь, — сказал Глерк. И это было правдой. Однажды, много веков назад, он путешествовал по всему миру куда больше, чем мог бы представить. По всему этому миру! И всё выше, и ниже... Стихи. Болото. Это безграничное желание. Он едва мог это сейчас вспомнить, хотя сейчас, конечно, опасной была столь долгая жизнь.

— Но... — начал Фириан, кружась от одного уха Глерка до другого. — А что делать,

если я должен буду пугать людей? Моим огромным размером! Что, если они помчатся от меня в страхе!

Глерк закатил глаза.

— Хотя это правда, мой юный друг, что твой размер... он просто замечателен, мне кажется, обыкновенное простое объяснение от меня облегчит их страхи. Как ты знаешь, я очень многое умею замечательно объяснять.

Фириан приземлился на спину Глерку.

— Это верно! — пробормотал он себе под нос. — Ведь никто на этом свете не объясняет вещи лучше тебя, Глерк... — а после он пристроил своё маленькое тело на огромном болотном монстре, и он широко раскинул лапки, пытаясь обнять его.

— В этом нет никакой необходимости, — промолвил Глерк, и Фириан вновь вскочил в воздух, воспарил над своим другом. — Вот, смотри, — продолжил Глерк. — Ты видишь? Следы Луны.

И они последовали им — древний болотный монстр и идеально крошечный дракончик.

И с каждым следом Глерк всё больше и больше осознавал, что магия стекала с ног юной девочки, и её становилось всё больше и больше. Она сочилась вокруг, сияла, проливалась на землю, лилась через края. В этом случае, сколько же времени понадобится магии, чтобы она текла, будто бы вода, лилась, словно те ручьи, реки, настоящие океаны? Сколько времени, прежде чем она наполнит весь мир?

Сколько на самом деле у них есть времени?

Глава 29. В которой есть история об одном замечательном вулкане

Ты ведь знаешь, это не обыкновенный вулкан. Тысячи и тысячи лет назад его сотворила ведьма.

Какая ведьма? О, откуда мне знать! Отнюдь не та Колдунья, что у нас есть. Она старая... но не то чтобы старая. Разумеется, я не знаю, сколько ей лет. Никто не знает! И никто этого не видел. Я слышала, что она выглядит как молодая девочка, а иногда как старая женщина, и иногда — как взрослая леди в какое-то мгновение. Всё это зависит от обстоятельств.

А в Вулкане были драконы. В самом деле. Было однажды время драконов и их творения, но теперь их никто не видел. Может быть, больше века.

И откуда мне знать о том, что с ними случилось? Может быть, это ведьма их заполучила. Может быть, она их съела! Она всегда голодная, ты знаешь. Ведьма, я имею в виду... Пусть это удержит тебя ночью в постели!

Каждый раз, когда вулкан в очередной раз извергается, он становится всё злее, всё свирепее. Однажды было время, когда он был не больше муравьиного холма. Потом стал как дом, а теперь больше леса. А однажды он охватит весь мир, и ты даже не поймёшь, когда это случится!

В последний раз причиной извержения вулкана была ведьма. Ты мне не веришь? О, это ведь точно такая же правда, равно как и то, что ты стоишь здесь! В это время лес был безопасным. Не было никаких камней, никакого яда. Ничто не горело. И в лесу, между прочим, стояли деревни. Деревни, что собирали грибы. Деревни, что торговали мёдом. Деревни, что творили прекрасные скульптуры из глины и закаляли их огнём. И все они были связаны тропинками и маленькими дорогами, что пересекали лес паутиной.

Но Ведьма... она просто ненавидела счастье. Она ненавидела всё это! И именно потому она привела свою армию драконов в чрево горы.

— Качать! — прокричала она. И они испустили огонь в сердце вулкана. — Качать! — вновь завопила она.

И драконы боялись. Драконы, если стоит тебе знать, существа лживые, злые, в них много двуличия и безмерно много обмана. Тем не менее, весь этот драконий обман и рядом не стоял в сравнении с колдуньей!

— Пожалуйста! — вскричали драконы, дрожа от жара. — Пожалуйста, прекратите это! Ведь вы уничтожите мир!

— А какой мне толк с этого мира? — рассмеялась Ведьма. — Ведь мир обо мне никогда не заботился. И если я вдруг пожелаю его сжечь, он будет гореть!

И у драконов просто не осталось выбора. Они вздымались и вздымались, пока наконец-то не стали просто пеплом, углями и дымом. Они вздымались до той поры, пока вулкан не лопнул — не пролился дождём по всему лесу, по всем хозяйством и по каждому лугу. Даже болото затопило!

И извержение вулкана разрушило бы всё, если б не храбрый маленький мастер. Он вошёл в вулкан — и пусть я не до конца точно понимаю, что он там сделал, но он остановил извержение и спас мир. И, делая это, бедняжка погиб. Жаль, что он не убил ведьму, но никто не совершенен. Несмотря ни на что, мы должны поблагодарить его за то, что он сделал.

Но вулкан никуда не пропал. Разумеется, мастер его остановил, но он ушёл в небытие. А ярость просачивалась в бассейны с водой, и грязевые чары, и вредные гейзеры... Это отравляло Буг. Это загрязнило работу. Вот она — настоящая причина того, что сейчас голодают наши дети, засыхают наши бабушки, и наши посевы обречены на провал. Именно по этой причине никогда-никогда мы не сможем покинуть это место, и нет никакого смысла сопротивляться.

Но это не имеет значения. Однажды его вновь прорвёт. И вот тогда мы будем страдать.

Глава 30. В которой всё сложнее, чем планировалось

Луна шла не так и долго, прежде чем почувствовала, что потерялась и до безумия испугалась. У неё была карта, и она могла видеть мысленным взором путь, по которому должна была путешествовать, но она уже потеряла свою дорогу.

Тень казалась волком.

Деревья щёлкали, скрипели на ветру. Их ветви сталкивались и скручивались, будто бы острые когти, что царапали небеса. Летучие мыши визжали, а совы выхкивали им собственные ответы.

Камни скрипели под ногами, и она чувствовала горы, которые всё вспенивались, вспенивались, вспенивались... Земля сначала была горячей, потом — холодной, потом вновь становилась горячей.

Луна потеряла равновесие в темноте, и упала, чувствуя, как проваливается в мутное ущелье.

Она поранила руку, она подвернула лодыжку, и по её голове не раз ударили низко

висевшие ветви, и кипятик буквально сжигал её нос. Она была уверена, что в волосах запеклась её кровь.

— Кар-р-р! — заявил ворон. — Между прочим, я говорил тебе, что это просто отвратительная идея!

— Тише, — пробормотала Луна. — Ты ещё ужаснее, чем даже Фириан!

— Кар-р-р, — заявил ворон, но на самом деле он имел в виду целую кучу неповторимых вещей.

— Попридержи язык! — наставляла его Луна. — И, между прочим, мне совершенно не нравится твой тон!

В тот же миг, внутри Луны всё ещё происходило что-то странное, и она не могла объяснить это. Щёлкали невидимые шестерёнки, и она чувствовала, будто бы вся её жизнь теперь была похожа на звон колокольчика. Теперь существовало слово "магия". Теперь она знала, что оно есть. Но чем оно было, что оно на самом деле означало — вот этого до сих пор девушка не поняла.

В кармане что-то будто бы чесалось. Маленькое, бумажное нечто сморщилось и извивалось. Луна отчаянно пыталась игнорировать это — у неё хватало проблем и без этого инцидента.

Лес казался очень густым — что деревья, что подлесок. Тень вытеснила свет. И с каждым шагом она всё останавливалась и осторожно ставила следующую ногу вперёд, чувствуя твердость земли. Она шла всю ночь, и луна, почти полная, исчезла за деревьями, отдавая им свой свет.

Ну и что она получила, казалось, спрашивала тень? Только хлопоты и усталость?

Здесь было даже недостаточно света для того, чтобы рассмотреть карту, по которой она сверяла путь. Не то чтобы карта не приносила ей никакой пользы, но она всё равно давно уже сбилась с пути.

— Вздор и беспокойство... — пробормотала Луна, осторожно делая вперёд ещё один шаг. Дорога здесь была хитра, извивалась кривой игольчатых бесконечных скал. Луна могла чувствовать вулкан под своими ногами. Он не утихал ни на минуту. Сон — вот в чём она нуждалась! Она должна была поспать. Но Вулкан, кажется, об этом не догадывался.

— Кар-р-р! — заявил ворон. — Забудь о вулкане! Тебе надо поспать! — и он был совершенно прав. В конце концов, в это время Луна вряд ли продвинется хотя бы на несколько метров. Ей надо остановиться и отдохнуть до утра.

Но её бабушка была здесь.

А если ей стало больно?

А если она заболела?

А если она не сможет вернуться?!

Луна знала, что всё живое однажды должно будет обязательно умереть, что она видела это своими глазами, когда помогала собственной бабушке. Видела, как умер человек. И в тот же миг он причинил своим близким грусть, а это покойника, казалось, ни на капельку не беспокоило. Ведь он, так или иначе, уже был мёртв. Они просто перешли к чему-то другому...

Однажды она спросила Глерка о том, что происходит с людьми после того, как они умирают.

Он закрыл глаза и ответил:

— Болото. — На губах его застыла мечтательная улыбка. — Болото, болото, болото,

болото... — это была самая непоэтичная вещь, которую он когда-либо произносил. Луна была поражена, и это совершенно не отвечало на её вопрос.

Бабушка Луны никогда не говорила о том, что совсем-совсем скоро она тоже умрёт. Но она явно умрёт — и, скорее всего, она и умирает! — эта тонкость, эта слабость, эти попытки увильнуть от расспросов. Потому что у вопросов был только один страшный ответ, который бабушка не желала дать.

Луна шагнула вперёд, чувствуя разрывающую сердце боль.

— Кар-р-р! — провозгласил ворон. — Будь осторожна.

— Я буду осторожна! — ворчливо отозвалась Луна.

— Кар-р-р! — ответил ворон. — С деревьями происходит что-то невероятно странное!

— Я понятия не имею, о чём ты говоришь, — ответила Луна.

— Кар-р-р! — ахнул ворон. — Следи за тем, что происходит вокруг!

— Неужели ты считаешь, что я должна...

Но Луна больше ничего не сказала. Земля загрохотала, камни посыпались и заскользили под её ногами, и она, пошатнувшись, рухнула в безмерную темноту.

Глава 31. В которой Сумасшедшая Женщина находит домик на дереве.

Летать на спинах бумажных птиц, по правде, совсем не так удобно, как можно себе представить. И когда безумная немножко привыкла к этому дискомфорту, бумажные крылья принялись портить её прекрасную кожу. Они резали её, пока кожа не начала кровоточить.

— Просто немножечко дальше, — промолвила она. Она могла видеть места в собственной голове, в своём сознании. Болото. Множество кратеров. И очень большое дерево с прорубленной в нём дверью. Маленькая обсерватория, через которую можно увидеть звёзды.

Она здесь, она здесь, она здесь. Все эти годы её сердце рисовало эту картину. Её ребёнок — не плод её воображения, а плод крови её и плоти. Эта занимавшая её сердце картина была реальной. И сейчас она знала об этом.

Прежде чем сумасшедшая родилась, её мать пожертвовала ребёнка колдунье. Мальчика. Или так ей сказали. Но она знала, что у матери были видения, как рос мальчишка. Они преследовали её до самой-самой смерти. И безумная видела и собственного драгоценного ребёнка — уже довольно взрослую девочку. Чёрные волосы, чёрные глаза, кожа цвета сверкающего янтаря. Драгоценный камень. Умные пальчики. Скептический взгляд. Сестры говорили, что это шепчет ей на ухо её собственное безумие. И, тем не менее, она могла бы нарисовать карту. Карту, что вела её к собственной дочери. Она чувствовала, как правота согревала её кости.

— Там, — выдохнула сумасшедшая, указывая вниз.

Болото. Точно такое же, как и то, что она видела в своей голове. Оно было совершенно реальным.

Семь кратеров, что отмечали его границу. Равно так, как она уже сталкивалась с ними. Только теперь к ним можно было прикоснуться.

Камни, обсерватория. И это тоже всё было осязаемым и настоящим.

И там, рядом с небольшим садовым участком стояли два деревянных стула, и рядом с ними высилось громадное дерево. С дверью. С окном.

Сумасшедшая почувствовала, как болезненно вдруг закололо её сердце.

Она здесь, она здесь, она здесь!

Птицы рванулись вверх, прежде чем медленно и осторожно опустились вниз, к земле, неся сумасшедшую на своих спинах и опустив её вниз до того нежно, как мать своё дитя укладывает в постель.

Она здесь.

Сумасшедшая поднялась на ноги. Открыла рот. Её сердце внезапно невероятно забилося в груди. Конечно, она должна была дать ребёнку имя. У неё должно было быть имя!

Какой ребёнок? Вот что шептали ей сестры. Никто понятия не имеет, о чём ты говоришь...

Никто не забирал твоего ребёнка, повторяли они раз за разом в безумном своём упрямстве. Ты потеряла ребёнка. Ты отнесла его в лес и потеряла. Глупая девчонка.

Твой ребёнок умер, разве ты этого не помнишь?

Ты всё это придумала. Твоё безумие становится всё хуже с каждым днём.

Твой ребёнок был опасен.

Ты опасна.

У тебя никогда в жизни не было никакого ребёнка.

Жизнь, которую ты помнишь — это просто фантазия, плод твоего воспалённого ума.

Нет. Такое сознание у тебя было всегда.

Только твоя печаль реальна. Печаль. Скорбь. Вечная печаль. Печаль, печаль, печаль, печаль...

Она знала, что ребёнок был реальным. И дом, в котором она жила, и муж, который любил её. А теперь у него была новая жена. Теперь у него была новая семья. Теперь у него был новый ребёнок.

Никогда не было никакого ребёнка?

Никто не знает, кто ты.

Никто тебя не помнит.

Никто по тебе не скучает.

Тебя просто не существует.

Сёстры были злобными, и шипение прослушивалось буквально в каждой фразе, что они произносили. Их голоса ползли по её спине, а после обматывались верёвками вокруг её шеи. Их ложь затягивала тугую петлю. Но они только и делали, что говорили. В этой башне был только один лжец, и сумасшедшая знала, кто это был.

Сумасшедшая покачала головой.

— Ложь, — прошептала она вслух. — Она мне солгала. Она сказала мне ложь! — она однажды была влюблённой девушкой. И весьма разумной супругой. И будущей матерью. Сердившейся матерью. Скорбящей матерью. И горе, да, свело её с ума. Конечно, свело. Но ещё оно позволило ей видеть истину.

— Как давно это было? — прошептала она. Спина дрожала, и она схватилась за живот, словно пыталась затолкать печаль внутрь. Увы, но это ей никогда прежде не понимало. Она отыскивала способы лучше не дать еду Той, что Ест Печаль.

Бумажные птицы парили над её головой, тихо маша своими крыльями. Они все ждали приказа. И они будут ждать её целый день. Она знала это. Она не знала, откуда, но...

— Это... — голос её дрогнул. Он был таким скрипучим, из-за того, что она столько лет молчала. Она вновь кашлянула. — Здесь есть кто-нибудь?

Никто не ответил.

Она попыталась позвать ещё раз.

— Я не помню, как меня зовут! — это было чистой правдой. А ведь она решила, что правда — это единственное, что у неё осталось. — Но однажды у меня было имя. Однажды. И я разыскиваю своё дитя. Но её имя я тоже не могу вспомнить! Но оно существует. И моё имя тоже существует. Я жила со своей дочерью, со своим мужем, прежде чем всё пошло наперекосяк... Её забрали. Её забрали плохие люди. Плохие женщины. Может быть, ведьма. Но я не уверена насчёт ведьмы.

Тем не менее, никто ей не ответил.

Сумасшедшая огляделась. Единственными звуками, что здесь оставались, оказалось кипение болота и шелест бумажных крыльев. Дверь в чреве огромного дерева была приоткрыта. Она шла по двору. Ноги болели. Она была обнажена и испугана. Когда она в последний раз ступала по земле? Не могла вспомнить... Её клетка была такой маленькой! Такой гладкой! Она могла пройти с одной стороны в другую за шесть коротких шагов. Когда она была маленькой девочкой, то бегала босиком всегда, когда только могла. Но это — тысячу жизней назад! А может, это происходило с кем-то другим.

Заблеяла коза. Потом ещё одна. Одна была цвета поджаристого хлеба, другая — угольная. Они смотрели на сумасшедшую своими большими влажными глазами. Они были голодны. И их вымя опухло. Их надо бы подоить.

Она вдруг поняла, что когда-то доила козу. Только довольно давно.

Цыплята пели в загоне, прижимали к ивовым стенам клювики, но те держали их внутри. Они отчаянно били крыльями.

Они тоже были очень голодными.

— Кто о вас заботится? — спросила сумасшедшая. — И куда они сейчас запропастились?

Она проигнорировала жалобные крики животных и проскользнула через дверь.

А внутри оказался дом, ухоженный и уютный. На полу — коврики. На стульях — одеяла. А ещё были две кровати, подтянутые к потолку благодаря умной конструкции из канатов и шкивов. На вешалке красовались платья, на крючках висели накидки. Одна кровать была прислонена к стене как раз под стопками трав. На полках стояли банки с джемами, пучки трав, сушёное мясо, наштигованное специями и солью. Круглые головки сыра, что ждал на столе. Картины на стенах — картины на дереве или на бумаге, или даже на траве. Дракон на голове старушки. Монстр довольно странного вида. И гора с луной, что парила прямо над лесом — и башня с черноволосой женщиной, что тянула ладони к птице.

"Она здесь", гласила надпись.

Каждая картина была подписана совсем детским почерком.

"Луна", вещала эта подпись.

— Луна, — прошептала сумасшедшая. — Луна, Луна, Луна...

И каждый раз, когда она произносила это, она чувствовала, что внутри неё что-то щёлкало, становясь на место. Она почувствовала собственное сердцебиение. Сердце всё билось, билось, билось — и она задыхалась.

— Мою дочь зовут Луна, — прошептала она. И её сердце подтверждало, что это было чистой правдой.

Кровати были холодными. И очаг давно остыл. И обуви не было на коврике у двери. Никого здесь не было. Это означало, что Луна жила с кем-то в этом доме, но их здесь не было. Они сейчас были в лесу. А ещё в лесу была ведьма.

Глава 32. В которой Луна находит бумажную птицу. В самом деле, несколько бумажных птиц.

К тому времени, как Луна пришла в себя, солнце было уже высоко в небе. Она лежала на чём-то очень мягком — сначала даже подумалось, что это была её собственная постель. Она открыла глаза и увидела небо, просвечивающееся сквозь ветви деревьев. Прищурилась, задрожала, подтянулась, чувствуя дрожь.

— Кар-р-р, — выдохнул ворон. — Слава Бугу!

Первым делом она попыталась проверить своё состояние. На щеке красовалась царапина, но, благо, не очень глубокая, на голове выросла шишка, болела наощупь. В волосах запеклась кровь. Платье было разорвано — и подол, и на локтях. Но всё остальное, кажется, было в порядке, что казалось Луне просто замечательным.

Ещё более примечательным было то, что она лежала на шапке какого-то гриба, такого огромного на краю ручья. Луна никогда не видела таких больших грибов. Или таких удобных. Мало того, что она без него переломала бы все кости при падении, так ещё и скатилась бы в ручей и, наверное, утонула — ан нет!

— Кар-р-р! — заявил ворон. — Пошли домой!

— Минутку, — сварливо отозвалась Луна. Она порылась в сумке, достала блокнот и нашла карту. Дом был отмечен. Потоки, бугры, скалистые склоны... Опасные места. Старые города, сейчас обратившиеся в руины. Гейзеры. Ручья. Водопады. Гейзеры. Места, куда нельзя идти. И вот, нижний правый угол...

"Грибы", вещала карта.

— Грибы? — громко промолвила Луна.

— Карр-р-р-р-р! — возопил ворон. — О чём ты там говоришь?

Грибы на её карте красовались рядом с ручьём. Это не наводило на путь, но зато тут рядом было место, где можно было спокойно добраться до ровной местности. Возможно.

— Кар-р-р! — заскулил ворон. — Пожалуйста, пошли домой!

Луна отрицательно покачала головой.

— Нет, — промолвила она. — Бабушка нуждается во мне. Я чувствую. Без неё я не уйду.

Содрогнувшись, она поднялась на ноги, всё ещё шатаясь, поправила блокнот в сумке и старалась идти вперёд, не прихрамывая на каждом шагу.

С каждым шагом её раны болели куда меньше, и ум становился чище. С каждым шагом кости становились всё сильнее и сильнее, и даже запекшаяся кровь в волосах была уже не такой липкой. И комок в горле ушёл. Даже царапины на лице пропали, и платье, казалось, само себя зашило.

Что за диво дивное, думала Луна. Она не оборачивалась, потому и не заметила, что каждый её шаг превращался в сад цветущий и ясный, и каждый цветок покачивался на ветру, и все они, крупные, аляповатые, поворачивались к уходящей девочке.

Ласточка в полёте была изящной, проворной, точной. Нырля в воздухе, подлетала, перехватывала воздух, поворачивала и била. Танцор, музыкант, стрела...

Обычно.

А вот эта ласточка перелетала от дерева к дереву. Не было ни скорости, ни вихрей. Её перья терялись целыми горстями. Её глаза были тусклы. Она врезалась в ствол ольхи, она упала в объятия сосен. Мгновение там полежала, пытаясь восстановить дыхание, распахнула

крылья.

Было что-то, что следовало сделать. Но что?

Ласточка с трудом поднялась на лапки, цепляясь коготками за зелёные кончики соснового сука. Она запыхтела, спустила перья и сделала всё, что только могла, чтобы осмотреть лес.

Мир плыл перед глазами. Всегда ли он был таким странным? Ласточка посмотрела на свои морщинистые лапки, прищурившись.

Всегда ли у неё были такие ноги? Должны быть. Но ласточку не покидало смутное ощущение, что это совсем не так. Она чувствовала приход ещё чего-то другого. Надо что-то сделать. Что-то важное. Она чувствовала, как колотилось сердце, то опасно замедляясь, то до безумия ускоряясь и обращаясь землетрясением.

Она умирала — вот о чём думала ласточка, наверняка зная, что это было чистой правдой. Конечно, это было не тем, чего она хотела, но факт оставался фактом — она умирала. Она могла чувствовать, что её жизненная сила постепенно вытекала из неё. Теперь там не было ничего. Что ж. Это не имело значения. Она была уверена, что у неё была хорошая жизнь — просто хотела вспомнить её.

Она плотно сжала клюв, потёрла голову о крыло, пытаясь разбудить память. Наверное, вспоминать не так и трудно... Даже дурак способен! И, ломая мозг, ласточка слышала голос вниз по тропе.

— Мой милый Фириан, — промолвил голос, — по моим последним подсчётам, ты уже час не умолкаешь. В самом деле, я шокирован тем, что тебе даже дыхание перевести не нужно!

— Я могу надолго задержать дыхание, как тебе известно, — ответил другой город. — Это один из плюсов огромности.

Первый голос на какой-то короткий миг умолк.

— Ты уверен? — вновь молчание. — Ведь такие навыки не были перечислены в текстах по физиологии драконов. Может быть, тебе это сказали, чтобы обмануть?

— Кто мог меня обмануть?! — второй голос задыхался от возмущения. — Никто в жизни не говорил мне ничего, кроме правды! всю мою жизнь! Не так ли?

Первый голос испустил краткий возмущённый ропот, а после вновь воцарилось молчание.

Ласточка знала эти голоса. Она подлетела немного ближе, чтобы рассмотреть их получше.

Второй голос улетал и возвращался, крутился на спине владельца первого голоса. А у первого было много лап и длинный хвост, большая, широкая голова. Он походил на огромную смоковницу — такое себе ходячее дерево. Ласточка придвинулась. Огромное многорукое и хвостатое существо-дерево остановилось. Огляделось. Наморщило лоб.

— Ксан? — переспросило оно.

Ласточка сидела очень тихо. Она знала этот голос. Имя. Но откуда? Вспомнить не могла.

Вернулся второй голос.

— В лесу что-то есть, Глерк! Я нашёл дымоход, и стену, и маленький дом! Или это был дом, но теперь там только дерево...

Первый голос не сразу ответил. Он очень медленно поворачивал голову из стороны в сторону. Ласточка скользнула в чащу листьев, едва дыша.

Наконец-то тяжело вздохнул первый голос.

— Возможно, ты увидел одну из заброшенных деревень. В этой стороне леса их довольно много. После последнего извержения люди бежали в Протекторат, там их собрали маги — тех, кто остался... Никогда не слышал о том, что с ними случилось после этого. В лес они, разумеется, вернуться попросту не могли. Слишком это опасно.

Существо из стороны в сторону покачало своей громадной головой.

— Ксан была здесь, — промолвил он. — Совсем недавно.

— А Луна с нею? — спросил второй. — Это было бы безопаснее. Ведь Луна не может летать. И не невосприимчива к огню, как Громадный Дракон. Это все знают!

Первый голос застонал.

И Ксан вдруг всё узнала.

"Глерк, — подумала она, — в лесу. Вдали от болота".

Луна. Она одна там.

И ребёнок. Ребёнок, оставленный в лесу. Она должна его спасти, а она что делает, сумасшедшая старушенция?!

О Буг! И вправду, что она делает?

И Ксан ласточкой вырвалась из чащи и взмыла над деревьями, молотя своими древними крыльями до того быстро, как она только могла.

Ворон едва не кукарекал от беспокойства.

— Кар-р-р! Нам пора возвращаться назад.

— Кар-р-р-р! — заявлял он каждый раз, когда Луна оборачивалась. — Будь осторожна! Ты знаешь, что камни в огне? — и вправду, это было так. Целый пласт породы изгибался от жары под зелёным лесом рекой угольков. Может, это было правдой. Луна посмотрела на карту — та знаменовала "реку Эмберс".

— Эх, — вздохнула Луна и попыталась высмотреть обходной путь.

Эта сторона леса была куда опаснее, чем та, где она прежде бродила.

— Кар-р-р! — заявил ворон, и на этот раз Луна его не поняла.

— Говори чётче, — ответила она.

Но ворон не послушался. Он носился спиралями вокруг неё, на короткое время усаживался на ветви огромной сосны. Каркал. Летал вниз. Вверх-вниз... У Луны закружилась голова.

— Что ты видишь? — спросила она, но ворон не ответил.

— Кар-р-р! — кричал он, воспарив над верхушками деревьев.

— Да что на тебя нашло! — возмутилась Луна, но ворон не ответил.

Карта вещала "деревня", которую они должны были скоро повидать, за следующим хребтом. Как кто-нибудь вообще может жить в этом кошмарном лесу?

Луна пересекла склон, рассматривая его подножие и сверяясь с картой.

Её картой.

Она сделала её.

Но как?

Понятия сейчас не имела.

— Кар-р-р, — заявил ворон. — Что-то тут происходит! — да что могло происходить? Луна всмотрелась в зелень.

Она видела застывшую в долине деревню. Она была разрушена. Остатки центрального

здания, зубчатые основы некоторых домов, будто бы тут прошлись по аккуратным квадратам великаны. И деревья росли там, где прежде жили люди.

Луна миновала грязевой гейзер, к скале, к старой деревне. Центральное здание оказалось круглой, низкой башней с окнами, выпирающими глазами наружу. Задняя часть стены отвалилась, крыша обвалилась. Но на камне были рисунки. Луна подошла к нему, приложила руку к панели.

Драконы. Драконы на скале. Большие, маленькие, средние... Люди — с колючками, со звёздами в руках, люди с родинками-полумесяцами на лбу. Луна прижала пальцы к своему собственному лбу — у неё была точно такая же родинка.

А ещё были вырезаны горы, горы с великими вершинами, и дым вздымался на свободу, облако, и драконы погружались в кратер вместе со своими скалами.

— Что это означает?

— Кар-р-р! — проговорил ворон. — Почти здесь...

— Дай мне минуту, — отмахнулась от него Луна.

Она услышала звук, похожий на шуршание бумаги.

Такой же высокий, тонкий, острый, будто тот птичий клюв.

Она подняла голову и посмотрела вверх. Ворон всё быстро наматывал петли у неё над головой, такой бесконечно быстрый, поворачивал на невообразимой скорости, и перья чёрные, и клюв чёрный, и паническое, испуганное до ужаса карканье. Он всё воспарял вверх, а потом возвращался обратно, он трепетал у неё рук, прижимался своей чернильно-чёрной головой к сгибу её локтя, словно так и надо было, так и надо!

Небо вдруг стало таким густым-густым от птиц, что заполонили его своими тяжёлыми крыльями — всех видов и всех размеров. Они превратились в огромное облако, которое то расширялось, то сжималось, и так без конца, и изгибалось и так, и сяк. Они кричали и пронзительно вскрикивали от боли и от радости, а ещё завернулись в огромную петлю из облака рядом с разрушенной деревней, и щебетали, и суетились рядом с нею...

А потом вдруг раз — и перестали быть птицами. Ведь они были сделаны из бумаги. И они привезли зеленоглазую к земле.

— Магия, — прошептала Луна. — Так вот что такое магия!

И она наконец-то поняла истинное значение этого слова.

Глава 33. В которой колдунья встречается со старым знакомцем.

Когда Ксан была маленькой девочкой, она жила в деревне в лесу. Её отец, как она ещё могла вспомнить, был резчиком. Вырезал ложек, зверушек... А мама собирала цветы и виноградные лозы, сотворяла дивные эссенции с мёдом, который находила в диких ульях на самых высоких деревьях. Она, проворная, как паучиха, поднималась на самый верх, а после спускала соты вниз в корзине на верёвке, и Ксан ловила их. Ксан пробовать не разрешали — но это всё в теории. Она всё равно пробовала, а мама спускалась вниз и целовала в медовые щёки.

Это воспоминание, преследовавшее её, ранило её сердце острыми ножами. Её родители были трудолюбивыми, бесстрашными людьми. Она не могла вспомнить их лица, но помнила ощущения, когда была рядом с ними. Запах дерева, запах опилок и пыльцы. Она помнила, как руки ложились ей на плечи, как трепали по голове, как дышала мать, утыкаясь носом в волосы Ксан. А потом они умерли. Или исчезли. Или не любили её и ушли. Ксан понятия не имела.

Учёные сказали, что обнаружили её в одиночестве в лесу.

Или это сделал один из них. Женщина с голосом из гранённого стекла. И тигриным сердцем. Это она принесла Ксан много лет назад в замок.

Ксан упёрлась крылом в дерево. Ей потребуется вечность, чтобы на такой скорости добраться до Протектората. О чём она только думала? Альбатрос был бы куда лучшим выбором. Ей пришлось бы только зафиксировать крылья, и ветер сделал бы всё остальное.

— Вопреки всему, — защебетала она своим птичьим голосом, — я сделаю всё, что могу. А потом вернусь к моей Луне. Буду там, когда проснётся её волшебство. Научу им пользоваться. Но кто знает? Может, я ошиблась. Может, её магии никогда не будет. Может, я не умру. Может...

Она бросилась к муравьям в поисках сладкого. Так мало — но голод она удовлетворила. Встряхнув перья, чтобы согреться, Ксан закрыла глаза и уснула.

Взошла луна, громадная и круглая, словно спелая ягода над верхушками деревьев. И свет её разбудил Ксан.

— Спасибо, — прошептала она, чувствуя, как лунный свет напитывал её кости и унимал боль.

— Кто там? — промолвил голос. — Предупреждаю, я вооружён!

Ксан не удержалась. Голос звучал так страшно, так потерянно. А она могла бы помочь, ведь насытилась лунным светом. Ведь если бы она просто помолчала, могла бы брать его своими крыльями, пока бы не наполнилась... Нет, наполниться трудно — она слишком пористая, — но ведь она так хорошо себя чувствовала! А внизу застыл человек, быстро перемещался из стороны в сторону, со сгорбленными плечами, и смотрел то туда, то сюда. Он был в ужасе, и Лунный свет подпитал Ксан. Она стала сострадательной. Она выпорхнула из своего укрытия и полетела к нему. Молодой мужчина. Он закричал, бросил камень, ударил Ксан в левое крыло — и она упала на землю, лишь издав писк.

Энтен понимал, что что-то было не так, полагал, что сейчас ему на голову свалится страшная ведьма, возможно, на драконе и в сопровождении пламени, но вместо этого узрел только маленькую коричневую птичку, что, вероятно, просто просила у него немного еды, и испытал страшный стыд. Как только камень вылетел из его пальцев, он пожелал, чтобы тот его самого ударил. Вопреки всему бахвальству перед советом, он даже цыплёнку шею свернуть не мог. И не был уверен в том, что сможет убить ведьму.

Ведьма заберёт его сына, но... Это жизнь. И решимость его ослабевала.

Птица приземлилась у его ног, не издав ни звука. Он едва дышал — мертва? Энтен сглотнул.

И — о чудо! — вздымалась птичья грудь, поднималась и падала... Только вот крыло было вывернуто под тошнотворным углом. Сломано — он был уверен в этом.

Энтен склонился.

— Мне жаль, — выдохнул он. — Мне очень, очень жаль...

Он взял птицу на руки. Та не казалась здоровой. Да какое здоровье в этих проклятых лесах? Половина воды отравлена. Ведьма. Всё вокруг сделала ведьма. Будь проклято её имя! Он прижал птицу к груди, пытаясь согреть теплом своего тела.

— Мне очень, очень жаль...

Птица открыла глаза. Он видел, что это ласточка. Эсин любила ласточек. Он только что разбил ей сердце. Как он только мог! Как мог оставить её? Как мог оставить своего сына? И

что он сделает, если больше никогда их не увидит?

Птица строго посмотрела на него и чихнула. Может быть, обвиняла в чём-то?

— Послушай, мне жаль, что так вышло с твоим крылом. Я не умею его лечить. Но моя жена, Эсин, — его голос дрогнул, — умна и добра. Люди всегда приносят ей своих животных. Она тебе поможет, я знаю.

Он снял капюшон, сделал небольшой мешочек и скрыл птицу внутри. Птица запела. А потом укусила его за указательный палец, когда он оказался слишком близко, и выступила кровь.

Ночной мотылёк затрепетал у лица Энтена, может быть, привлечённый сияющим на его коже лунным светом. Он быстро поймал его и предложил птице.

— Вот. Я не хочу тебе ничего плохого...

Птица бросила на него ещё один осуждающий взгляд, а после неохотно выдернула мотылёк из его пальцев и за три укуса съела.

— Вот? Видишь? — он посмотрел на луну, потом на карту. — Пойдём. Просто надо немного пройти, и там можно будет отдохнуть.

И Эnten с ведьмой углубились в лес.

Сестра Игнатия чувствовала, что слабела с каждым мигом. Она сделала всё, чтобы поглотить каждый глоток печали, и поверить не могла, ведь сколько было горя над городом! Большие вкусные облака вечного тумана. Она превзошла сама себя — и никогда не восхищалась тем, что было ей дано. Весь город был колодцем печали, вечно наполненным бокалом. Всё для неё. Никто в истории не совершал такого. О ней должны написать песни — сложить о ней книги!

Но когда прошло два дня, а доступа к печали всё не было, она чувствовала себя слабой и износившейся. Ломкой. Истоки её магии разрушались. Она должна была отыскать этого мальчишку, и как можно быстрее!

Она остановилась и опустилась на колени рядом с маленьким ручейком, осматривая лес на предмет хоть какой-то жизни. В потоке были рыбы, но рыбы не испытывали печали. И скворцы над головой с двухдневными птенцами. Она могла раздавить птенцов одного за другим и съесть материнское горе. Но горе птиц было не таким, как горе зверей, а зверей здесь не было. Сестра Игнатия вздохнула. Она собрала всё, что могла, чтобы выстроить самодельное гадальное устройство — немного вулканического стекла, кости недавно убитого кролика и шнурок, потому что это всегда полезно. Нет ничего полезнее шнурка. Она не могла сделать его таким же хорошим, как делали провидцы в башне, но ей и не надо...

Она не могла видеть Энтена. Знала, где он, была уверена, что узрела пятно, но что-то блокировало её взгляд.

— Магия? — пробормотала она. Но, разумеется, нет. Все маги на земле, все, кого она знала, погибли пять сотен лет назад во время извержения вулкана. Или почти извержения. Дураки! Отправить её с Сапогами-В-Семь-Лиг, спасти людей в лесных посёлках! Конечно она спасла. Собрала всех в целости и сохранности в протекторате. Все их бесконечные горести в одном только месте, как и хотела.

Она облизнула губы. Она так проголодалась! Надо бы осмотреться.

Старшая сестра поднесла своё устройство к правому глазу и осмотрела остаток леса. Очередное пятно! Да что могло случиться с этой несносной вещицей? Она вновь затянула узлы. Тем не менее, всё осталось размытым. Может быть, во всём виновен голод... Ведь

даже основные заклинания теперь сотворить было поразительно трудно.

Сестра Игнатия рассматривала гнездо.

Она посмотрела вверх. И задохнулась.

— Нет! — воскликнула она. — Ты всё ещё жив, ты, уродец!

Она протёрла глаза и вновь посмотрела.

— Я думала, что убила тебя, Глерк, — прошептала она. — Что ж, попробуем ещё раз, гадкое ты существо! Ты почти убил меня однажды, но нет. И ты вновь потерпишь неудачу!

Для начала надо бы перекусить. Засунув устройство в карман, сестра Игнатия взобралась на ветку в скворечное гнездо, поймала крохотного птенчика и сдарила его в кулаке, впитывая ужас матери. Да, его было мало — но достаточно. Сестра Игнатия облизала губы и потянулась к следующему птенцу.

А сейчас ей надо было вспомнить, куда она подевала Сапоги-в-Семь-Лиг.

Глава 34. В которой Луна встречается с женщиной из леса.

Бумажные птицы осели на ветвях, на камнях и остатках дымовых труб, стен, старых зданий. Они не издали ни звука, кроме вечного шелеста бумаги. Они унялись — и повернулись лицами к девочке на земле. Глаз у них не было, но Луна всё равно чувствовала, что они пристально смотрели на неё.

— Привет, — промолвила она, потому что понятия не имела, что ещё она могла им сказать. Бумажные птицы не ответили. Ворон, в тот же миг, спокойным оставаться попросту не мог. Он взвился вверх настоящей спиралью, потом описал круг, упал петлёй вниз, без конца крича.

— Кар-р-р! Кар-р-р! Кар-р-р! — визжал ворон.

— Тише! — окликнула его Луна. Она всё смотрела на бумажных птиц. Те склонили головы в унисон, клювами указывая на землю, потом на безумного ворона, потом на саму девочку.

— Кар-р-р! Мне страшно!

— Мне тоже, — ответила Луна, глядя на птиц. Они разлетелись, потом вновь помчались в клуб облака, парили над нею, кружась вокруг ветвей дуба.

Луне подумалось, что они её знали.

Откуда они её знали?

Птицы, карта, женщина в её снах. Она здесь, она здесь, она здесь.

Слишком много простора для мыслей. В этом мире слишком много вещей, о которых надо было узнать. У Луны от боли разрывалась голова.

Бумажные птицы устали на неё.

— Чего вы хотите от меня? — спросила Луна. Бумажные птицы устроились на свои насесты. Их слишком много, чтобы считать — и они ждали. Но чего?

— Кар-р-р! — возмутился ворон. — Какая разница, что им нужно? Они жуткие!

Конечно, жуткие. И красивые, и странные. И они что-то искали. И пытались что-то ей сказать.

Луна опустилась в грязь. Смотрела на птиц и позволила ворону пристроиться у неё на коленях. Она закрыла глаза, достала блокнот и огрызок карандаша. Однажды она позволила своим мыслям блуждать — и тогда подумала о женщине из снов. А потом нарисовала карту, и карта была верной, по крайней мере, до этой поры. "Она здесь, она здесь, она здесь",

вещала её карта, и Луна могла предполагать, что та не лгала. А теперь ей надо сделать ещё кое-что. И узнать, куда запропастилась её бабушка.

— Кар-р-р! — заявил ворон.

— Тише, — отмахнулась Луна, не открывая глаз. — Я пытаюсь сосредоточиться.

Бумажные птицы наблюдали за нею. Она чувствовала их взгляды. Луна знала — рука двигалась по странице. Она пыталась держать перед глазами бабушкино лицо. Чувствовать прикосновение её руки. Запах кожи. Луна почувствовала, как сжалось от беспокойства её сердце, как слезинки упали восклицательным знаком на бумагу.

— Кар-р-! — заявил ворон. — Птицы.

Луна открыла глаза. Ворон был прав. Это не походило на её бабушку. Она нарисовала глупую птицу, сидевшую на руке у человека.

— Ну что такое?! — возмутилась Луна, чувствуя, как болело сердце. Как найти бабушку? Как?!

— Кар-р-р! — заявил ворон. — Тигр.

Луна поднялась на ноги, чувствуя, как дрожат колени

— Держись ближе, — сказала она ворону. Ей хотелось, чтобы птицы были из чего-то посущественнее бумаги. Камни. Острая сталь.

— Ну, — промолвил голос, — что тут у нас здесь?

— Кар-р-р! Тигр!

Но это был не тигр. Просто женщина.

Так почему она чувствовала себя так странно?

Эсин стояла — к ним подходил Великий Старейшина в сопровождении двух вооружённых сестёр Звёзд. Кажется, совершенно не боялся. По правде, это до ужаса возмутительно! Великий Старейшина хмурил брови, надеясь выглядеть внушительным, но никакого особого впечатления это не справляло. Казалось, солдаты справа и слева от него могли только усугублять положение, но ведь они были просто друзьями. И она просияла, увидев улыбки на лицах безжалостных солдат.

— Лиллиэнз! — воскликнула она, улыбаясь девушке слева. — И милая, милая Мэй.... — она послала девушке справа воздушный поцелуй.

Это было отнюдь не то, на что надеялся Великий Старейшина. Он откашлялся, но женщины в комнате словно не заметили его присутствия. Это приводило его в бешенство.

— Добро пожаловать, дядя Герланд, — нежно посмотрев на него, промолвила Эсин. — Я как раз нагревала воду в чайнике, и у меня есть в саду место... Сделать вам чай?

Великий Старейшина Герланд поморщился.

— Большинство домохозяек, сударыня, — едко сказал он, — не беспокоятся подобным в своём саде, когда есть кого кормить. Почему б не заняться чем-то посущественнее?

Эсин всё так же невозмутимо скользила по кухне. Дитя было привязано к её телу широкой полосой вышитой ткани. Всё в доме казалось таким умным... Трудолюбивым, творческим, осторожным. Герланд уже однажды это видел — и его сие раздражало. Она налила горячую воду в две чашки ручной работы, добавила мяты, подсластила мёдом из улья. Пчелы, цветы, пение птиц окутали дом. Герланд заёрзал. Он взял чашку чая, возблагодарил хозяйку, хотя был уверен, что его будут презирать. Чай, как он вдруг осознал, был самым вкусным из всех, что он только пил.

— О, дядя Герланд! — Эсин радостно вздохнула, поцеловав головку своего ребёнка. —

Вы, разумеется, знаете, как хорош этот сбор. Есть растения, что поедают почку, а есть те, что её питают. И мы выращиваем больше, чем могли бы когда-либо съесть — разумеется, всё это сподручнее раздавать. Как вы знаете, ваш племянник всегда готов многое отдать, чтобы только помочь другим людям.

Если упоминание о муже и причинило ей боль, она этого не показала. Девушка словно и не печалилась, а светилась изнутри от гордости. Герланд был сбит с толку и сделал всё, что смог, чтобы сдерживаться.

— Как вы знаете, дитя моё, близится день Жертвоприношения... — он ожидал, что она побледнеет при этих словах. Ошибся.

— Я знаю, дядя, — она вновь поцеловала дитя, а потом подняла глаза и встретила с ним таким взглядом, с такой уверенностью в своём равенстве с Великим Старейшиной, что он умолк от столь слепой дерзости. — Милый дядя, — мягко продолжила Эсин. — Почему вы здесь? Разумеется, вы можете приходить в этот дом, когда пожелаете, и мы с мужем всегда будем вам рады. Но обычно старшая сестра приходит, дабы испугать семью обречённого ребёнка, и я ждала её в этот день.

— Ну, — промолвил Герланд, — её сейчас нет. Я пришёл вместо неё...

Эсин бросила на старика пронзительный взгляд.

— И что ж вы имеете в виду, когда говорите, будто бы её нет? Где же сестра Игнатия?

Великий Старейшина откашлялся. Люди не расспрашивают. Люди в Протекторате не задают вопросов — ведь они столько всего приняли в своей жизни. Но эта молодая женщина, этот ребёнок... Что ж, Герланду оставалось только надеяться, что она сойдёт с ума, как когда-то давно сделала это другая. Куда легче запереть её в башне, чем слушать дерзкие вопросы на семейных обедах, которые он просто ненавидел. Он вновь откашлялся.

— Сестра Игнатия нынче далеко, — медленно промолвил он. — Отбыла по делу.

— По какому делу? — прищурившись, спросила девушка.

— Подозреваю, по своему, — ответил Герланд.

Эсин встала и подошла к двум сестрам. Их учили, конечно, смотреть бесстрастно и не выходить на контакт. Они должны походить на камни. Они должны быть камнями. Это признак хорошего солдата, а сёстры — хорошие солдаты. Но куда всё это и подевалось, когда девушка подошла к ним! Они упёрли свой взор в землю.

— Эсин... — прошептала одна из них. — Нет.

— Мэй, — промолвила Эсин. — Посмотри на меня. И ты, Лиллиэнз, — челюсти Герланда отвисли. Он никогда не видел этого за всю свою жизнь. Эсин была куда ниже их, и в тот же миг словно возвышалась над ними.

— Ну... — пробормотал он. — Я должен...

Эсин его проигнорировала.

— Рыскает ли тигр?

Солдаты молчали.

— Я чувствую, что мы отходим от темы разговора... — начал Герланд.

Эсин подняла руку, заставляя дядю умолкнуть. И он, вопреки всему, замолчал, хотя до сих пор не мог в это поверить.

— Этой ночью, Мэй, — продолжила молодая женщина. — Ответь. Рыскал ли тигр?

Солдат поджала губы, словно пытаясь задержать слова внутри. Содрогнулась.

— О чём идёт речь? — вспыхнул Герланд. — Тигр? Ты стара для девичьих игр!

— Молчать! — резко отозвалась Эсин. И Герланд, уму непостижимо, умолк! Он был

поражён.

Сестры кусали губу и колебались. Одна склонилась к Эсин.

— Никогда не думала об этом, но да. Не было лап, что ступали по коридорам башни. Ничто не рычало. Вот уж несколько дней. Мы... — девушка зажмурилась, — спали спокойно впервые за столько лет.

Эсин прижала к груди младенца. Мальчик содрогнулся во сне.

— Итак, сестра Игнатия не в башне. И в Протекторате её нет, иначе я бы слышала. Значит, она пытается его убить, — пробормотала Эсин.

Она подошла к Герланду. Тот прищурился. В доме было так светло... Хотя весь город погружён в туман, этот дом он обходил. Солнечный свет заливал окна. Всё сверкало. И Эсин сияла, как разъярённая звезда.

— Дорогая...

— Ты! — голос Эсин колебался между ревом и шипением.

— Я хотел сказать... — Герланд чувствовал, что вспыхивает, словно бумага.

— Ты отправил моего мужа в лес на верную смерть! — глаза превратились в языки пламени. И волосы были пламенем. Даже кожа горела, Герланд чувствовал, как опалило его ресницы.

— Что? Что за глупости. Я...

— Своего племянника! — выплюнула она, сопроводив слова жестом, со стороны таким несказанно милым. И впервые в своей жизни Герланд испытал стыд. — Ты отправил убийцу по его следам! Первый сын твоей сестры! О, дядя, как ты мог!

— Моя дорогая, всё не так, как ты думаешь. Прошу, сядь. Ведь мы семья... Давай поговорим... — но Герланд чувствовал, что разрушался изнутри. Его душа пошла тысячей трещин.

Она шагнула прочь от него и вернулась к солдатам.

— Дамы, — промолвила она. — Если в каждой из вас хоть когда-то была ко мне капелька любви и уважения, я вынуждена смиренно просить вас о помощи. Есть дела, которые я должна осуществить до дня Жертвоприношения, что, как мы все знаем, — она бросила на Герланда колючий взгляд, — не ждёт, — слова застыли в воздухе. — Думаю, нам надо навестить сестёр. Кошка с дому — мыши в пляс. А мыши способные существа.

— О, Эсин... — выдохнула сестра по имени Мэй, сжимая ладони молодой матери. — Как я соскучилась по тебе! — и обе женщины взяли за руки и зашагали вперёд. Вторая солдатка нерешительно посмотрела на старца, а после поторопилась за ними.

— Я должен сказать... — начал Великий Старейшина, — что правила... Это... — он огляделся, выпрямился и состроил бессмысленно надменное выражение. — Правила...

Бумажные птицы не шевелились. Ворон не шевелился. И Луна тоже.

Однако женщина подошла ближе. Луна не могла назвать её возраст. С одной стороны она казалась очень молодой, с другой — невообразимо старой.

Луна ничего не сказала. Взгляд женщины скользил по птицам на ветвях. Её глаза сузились.

— Я видела это раньше, — сказала она. — Ты сделала это?

Она вновь посмотрела на Луну, и взгляд словно прорезал её насквозь. И она закричала. Женщина широко улыбнулась.

— Нет, — промолвила она. — Это не твоя магия.

Слово, произнесённое столь громко, прорезало голову Луны, и она прижала руки ко лбу.

— Больно? — спросила женщина. — Это печально, да? — в её голосе звучала надежда.

Луна всё ещё корчилась на земле.

— Нет, — ответила она, пусть голова и болела. — Просто раздражает.

Улыбка женщины превратилась в хмурость, и она вновь посмотрела на бумажных птиц, косо усмехнувшись.

— Они прекрасны. Это твои птицы? Это подарок?

Луна пожала плечами.

Женщина склонила голову набок.

— Посмотри, как они ждут твоих слов, даже если это не твоя магия!

— Ничто не моя магия, — ответила Луна, и птицы за её спиной зашелестели крыльями. Луна посмотрела бы, но для этого пришлось бы отвернуться от незнакомки, а этого она делать не хотела. — Нет у меня магии. Откуда ей взяться?

Женщина зло засмеялась.

— О, какая ты глупышка! — Луна почувствовала ненависть. — Я скажу, что твоя магия. А её скоро будет больше. Хотя, кажется, магию от тебя прятали, — она наклонилась вперёд и прищурилась. — Интересно. Знакомая работа. Но сколько лет, сколько лет...

Бумажные птицы, словно услышав какой-то сигнал, с громким трепетом крыльев взметнулись в воздух и застыли рядом с девочкой. Клювы были направлены в сторону незнакомки, и Луна почувствовала, что они каким-то образом стали в сотни раз опаснее, чем прежде. Женщина отступила на шаг или два назад.

— Кар-р-р! — прохрипел ворон. — Убирайся.

Камни под рукой Луны затрепетали. И воздух. И земля затряслась.

— Я б на твоём месте бы им не доверяла. Они имеют свойство нападать, — отметила женщина.

Луна скептически посмотрела на неё.

— Ах, ты мне не веришь! Что ж. Сделавшая их женщина совершенно безумна и сломлена. Она скорбела, пока наконец-то печаль в ней не перевелась окончательно, и теперь она в конец сошла с ума, — она пожала плечами. — И стала бесполезной.

Луна не знала, почему женщина так разозлила её. Но она противостояла всему, что в глубине души её толкало наброситься на женщину.

— Ах! — незнакомка широко улыбнулась. — Гнев. Мило. Бесполезно, увы, но он так часто предшествует печали, что я просто в восторге... — она облизнула губы. — Я в восторге!

— Не думаю, что мы подружимся, — прорычала Луна. Оружие. Ей нужно оружие.

— Нет, — согласилась женщина. — Я тоже так не думаю. Я просто пришла за своим, и... — она умолкла и подняла руку. — Подожди, — она повернулась и вошла в разрушенную деревню. Башня стояла в центре руин, хотя, казалось, ей недолго осталось. И в её основании виднелась громадная пробоина, казавшаяся со стороны открытым ртом. — Они были в башне... — она говорила себе самой. — Я сама их туда положила. Теперь я помню, — она помчалась туда и опустилась на колени, всмотрелась в темноту. — Где же мои сапоги? — шептала женщина. — Идите ко мне, мои дорогие...

Луна смотрела на неё. Однажды ей это снилось. Просто снилось? И Фириан впихнул лапу в разбитую башню, вытащил сапоги. Это был сон, Фириан оказался невероятно большим. Но сапоги он ей принёс, и она положила их в сундук.

Её сундук!

Прежде она об этом даже и не думала.

Она покачала головой, чтобы мысль стала яснее.

— Где мои сапоги? — взревела женщина. Луна отпрянула от неё.

Незнакомка встала, и её платье вихрями вилось вокруг неё. Она подняла руки над головой, и парящим движением разогнала воздух в стороны. Башня рухнула, Луна упала на камни с визгом. Ворон, ужаснувшись шуму, пыли, суматохе, взмыл в небо. Он кружил в воздухе, всё время кого-то проклиная.

— Она собиралась упасть, — прошептала Луна, пытаясь понять, что это. Она смотрела на облако пыли, плесени и песка, на груды щебня и сгорбленную фигуру женщины, что будто бы пыталась поймать небо. Ни у кого не может быть столько сил. Или нет?

— Где они? — завопила женщина. — Их нет!

Она повернулась к деревушке. Взмахнула рукой, поднимая Луну на ноги. И её левая рука почти превратилась в когтистую лапу, чтобы Луна стояла ближе.

— У меня их нет, — захныкала она. Женские пальцы сжимали до боли. Луна чувствовала, как страх ширится в ней грозовой тучей, а вместе со страхом и улыбка женщины. И Луна делала всё, что могла, чтобы оставаться спокойной. — Я только гуляла здесь.

— Но ты к ним касалась! — прошептала женщина. — Я вижу следы на ногах.

— Нет их у меня! — Луна запихнула руки в карманы. Она пыталась отогнать воспоминания о сне.

— Ты скажешь мне, где они, — женщина вскинула правую руку, и Луна почувствовала пальцы на своей шее. Она задыхалась. — Ты мне скажешь в этот же миг!

— Убирайся! — выдохнула Луна.

И внезапно всё вокруг пришло в движение. Птицы слетели со своего насеста и бросились вперёд, закрывая своими маленькими телами девочку.

— О, ты, глупая девица! — расхохоталась женщина. — Ты думаешь, твои глупые штучки могут... — и птицы, закрутившись циклоном, атаковали. Они заставили воздух дрожать. Они гнули деревья.

— Убери их! — завопила женщина, размахивая руками. Птицы резали её кожу. Её руки, её лоб, немилосердно нападали.

Луна прижала ворона к груди и помчалась так быстро, как только могла.

Глава 35. В которой Глерку пахнет чем-то неприятным.

— Я весь зужу, Глерк, — сказал Фириан. — Я весь зужу. Весь мир зудит?

— Ну, мой милый мальчик, — тяжело вздохнул Глерк. — Всяко бывает... — он закрыл глаза и тяжело вздохнул. И куда она ушла? Где Ксан? Он чувствовал, как беспокойство клещами сжимало сердце. Фириан уже сидел прямо между его большими глазами — и безумно почёсывал свой зад. Глерк закатил глаза. — Ты никогда никого не видел. И чесотку ты подхватить не мог.

Глерк чесал хвост, живот, шею. Уши, череп, даже собственный длинный нос.

— А драконы сбрасывают шкуры? — спросил вдруг Фириан.

— Что?

— Неужели сбрасывают шкуры? Как змеи? — Фириан атаковал слева.

Глерк задумался. Пытался вспомнить. Драконы были довольно легки. По пальцам

пересчитать. И изучить их было довольно трудно. Даже драконы, как он знал, мало знали о драконах.

— Я не знаю, друг мой... — сказал он наконец. — Как говорит поэт, каждый смертный зверь должен отыскать то, что основой его является, будь то лес или болото, или поле-огонь... Может быть, когда мы отыщем землю, ты всё узнаешь.

— Но что — моя земля? — спросил Фириан, выкручиваясь, словно желал почесать всё сразу.

— Изначально драконы были созданы на звёздах. Вот твой Первый Огонь. Пройди через пламя и узнаешь, кто ты.

Фириан задумался.

— Звучит страшно, — наконец-то промолвил он. — Я не хочу ходить через пламя, — он почесал живот. — А что твоя земля, Глерк?

Болотное чудище вздохнуло.

— Моя? — он вновь покачал головой. — Болото, — он прижал руку к сердцу. — Мой Буг, моё болото, — сердцебиение. — Это сердце мира. Это чрево мира. Это стих. Я — это Буг, и Буг — это я...

Фириан нахмурился.

— Нет, это не так, — ответил он. — Ты Глерк. Ты мой друг.

— Иногда люди — что-то большее, чем что-то одно. Я Глерк. Друг. Семья Луны. Поэт. Буг. Болото. Но для тебя просто Глерк. Твой Глерк. И очень люблю тебя.

И это было правдой. Глерк любил Фириана. И Ксан. И Луну. И весь этот мир.

Он вновь вздохнул. Он был в состоянии ощутить хотя бы ветер заклинания Ксан. Почему нет?

— Смотри, Глерк! — Фириан вновь завертелся перед носом Глерка и указал куда-то. — Земля такая тонкая, и огонь плавит камни. Ты провалишься, как и все.

Глерк поморщился.

— Ты уверен? — он покосился на камни, в которых билось тепло. — Тут не должно гореть...

Но горело. Скала пылала, и гора гудела под ногами. словно взрывалась луковица переспевшего Зирина...

После извержения и волшебной закупорки он не спал спокойно. Даже впервые дни. Вулкан всегда был беспокойным. Но теперь всё пошло иначе. Впервые за пять сотен лет Глерк испугался.

— Фириан, парень, — промолвил монстр, — сбавим темп? — и они принялись скользить по высокой стороне шва, искали место безопасное, чтобы через него переступить.

Огромное чудище осмотрело лес, шурилось, куда могло. Он ведь лучший! Он глубоко вздохнул и попытался вдохнуть гору.

Фириан с любопытством смотрел на него.

— Что это, Глерк? — промолвил он.

Глерк покачал головой.

— Запах. Знакомый, — он закрыл глаза.

— Запах Ксан? — Фириан вновь устроился у него на голове. Он попытался тоже нюхать, но лишь расчихался. — Мне нравится запах Ксан. Очень.

Глерк покачал головой, медленно, чтобы Фириан случайно не свалился.

— Нет, — тихо прорычал он. — Кое-кого другого.

Сестра Игнатия при желании умела быстро бегать. Как тигр. Как ветер. Быстрее сегодняшнего дня. Но это не то, как когда у неё были Сапоги.

Эти сапоги!

Она забыла, как сильно их любила когда-то давно. Когда была любопытной, страстной к путешествиям, склонной бродить по той стороне земного шара и возвращаться в тот же день. Прежде чем вкусная, обильная печаль Протектората сделала её душу ленивой и пресыщенной. Теперь одна только мысль о сапогах вселяла надежду. Чёрные, прекрасные Сапоги-В-Семь-Лиг. И когда сестра Игнатия носила их по ночам, она словно разрывалась от света — и от лунного тоже. Сапоги были ей как раз впору. Их магия была иной — не той, что от горя. Но как же легко было горем наесться!

А теперь магии в сестре Игнатию становилось всё меньше. Она никогда не думала о запасе на чёрный день. Ведь чудесный туман Протектората не могли развеять дожди.

Глупая! Ленивая! Она должна была об этом помнить!

Но для начала она должна найти свои сапоги.

Она больше не пробовала пользоваться своим устройством. Во-первых, она теперь видела только мрак во мраке да бледную светлую линию горизонта. Но линия медленно расширялась в пару рук.

Коробка. Они в коробке. И их вновь воруют, опять!

— Это не твоё! — закричала она. И хотя владелец рук их услышать без магии не мог, человек поколебался. Отстранился. Руки задрожали.

Это руки не ребёнка, но взрослого. Но чьи?

В ботинки скользнули женские ноги. Подтянули их пальцы. Игнатия знала, что сапоги могут разорвать человека — но не могла отобрать их силой, пока владелец был жив.

Ну, что ж, это не проблема...

Сапоги шагнули к какому-то животному. Одевший их не знал, как ими воспользоваться. О, Сапоги-в-Семь-Лиг тут просто рабочие тапочки! Что за преступление! Кошмар!

Неизвестный встал у коз, что обнюхали юбки — совершенно непривлекательно! А тогда она стала ходить.

— Ах! — сестра Игнатия присмотрелась. — Посмотрим, где ты находишься...

Сестра Игнатия увидела огромное дерево с дверью. Болото в цветах. Знакомое болото. И крутой склон с зубчатыми ободами...

О Буг! Это кратеры?

Она знала этот путь.

И там знала.

Могли ли сапоги вернуться к старому замку? Или к тому месту, где прежде этот замок был.

Это не главное. Но это её дом. После всех этих лет... вопреки простоте Протектората, она никогда не была так счастлива, как в компании этих магов и учёных. Жаль, что они должны были бы умереть. Конечно, они не умерли бы, имей они сапоги, как сначала и планировалось. Им и в голову не приходило, что кто-то попытается их украсть и бежит от опасности, оставив всё позади.

И они полагали, что были так умны!

В конце концов, не было мага умнее Игнатию, и Протекторат тому доказательство. Конечно, никто не мог остаться и доказать, как всё изменилось. У неё были только сапоги, а

теперь и они пропали.

Но что б ни было, это её. Всё.

Всё.

И она побежала по тропинке вверх к дому.

Глава 36. В которой Карта практически бесполезна.

Никогда прежде Луна так быстро не бегала. Казалось, она бежала много часов, дней, недель. Вечно. Она бежала от валуна к валуну, от холма к холму. Прыгала через ручьи. Миновала деревья. Она не переставала удивляться лёгкости своего тела и длине прыжков. Н думала только о тигриной женщине. Опасной женщине. Луна могла только удерживать панику. Ворон вырвался из её рук и кружился над её головой.

— Кар-р-р! Не думаю, что она следует за нами.

— Карр-р-р! Может быть, я ошибался относительно бумажных птиц.

Луна подбежала к краю крутого холма, чтобы осмотреться повнимательнее и убедиться, что за нею не гонятся. Но нет — леса и леса. Она устроилась на голом осколке скалы, открыла блокнот и посмотрела на карту, но оказалась так далеко от своего пути, что не была уверена, есть ли это место на карте. Девочка лишь тяжело вздохнула.

— Что ж, — промолвила она, — кажется, я многое натворила. Мы не стали ближе к бабушке, чем в самом начале. И только глянь! Солнце садится. В лесу странная дама, — она сглотнула. — с нею что-то не так, а я не знаю, что именно. Но не хочу, чтобы она бывала рядом с моей бабушкой. Ни за что!

Внезапно в голове Луны будто бы стало тесно от того, что она знала, но не ведала об этом. Её ум походил на огромный склад с запертыми шкафами, которые вдруг широко распахнули, вываливая содержимое на пол. И ни один из них не был пуст, и Луна помнила, как когда-то закладывала вещи в эти бесконечные шкафы.

Она была маленькой, из-за юности не могла запомнить всего... Стояла в центре поляны. Глаза опустели. Рот открылся. Её словно прикололи к месту.

Луна ахнула. Какое ясное воспоминание!

— Луна! — рыдал Фириан, выбираясь из своего кармана и зависая перед её лицом. — Почему ты не двигаешься?

— Фириан, дорогой... — отмахнулась бабушка. — Принеси-ка Луне цветок с самого дальнего кратера. Это игра — и с цветком она тут же оживёт.

— Я люблю игры! — вскричал Фириан, прежде чем улететь, насвистывая бойкую мелодию.

Глерк выбрался из болота. Открыл сначала один глаз, потом другой, после повернулся к небу.

— Сколько лжи, Ксан! — упрекнул он.

— Нет! — запротестовала Ксан. — Это ложь во благо. Что ещё сказать? Я не могу рассказать правду.

Глерк шагнул к тёмной воде болота, всматриваясь в бусины жидкости на своей коже. Он приблизился к Луне — и нахмурился.

— Мне это не нравится, — сказал он, сжимая её лицо ладонями, а другие руки возложив на плечи. — Третий раз за сегодня. Что теперь случилось?

Ксан застонала.

— Это я вероятно. Я что-то почувствовала! Тигра в лесу, ты понимаешь. Ты знаешь...

— Была ли это она? Та, что Поедает Печаль? — голос Глерка превратился в опасный рокот.

— Нет. Я волновалась вот уж пять сотен лет. Она преследовала меня в каждом моём кошмарном сне. Но нет. Ничего там не было. Вот только Луна увидела, как я колдую.

— Нам надо сказать Фириану, — промолвил он.

— Нельзя! — вскричала Ксан. — Посмотри, что случилось, когда она уголком глаза посмотрела на гадальное устройство! Ей не становится лучше с той поры вот уж несколько часов! Лишь представь, если Фириан сообщит, что её бабушка ведьма. Она будет входить в транс каждый раз при виде меня! И это не закончится до тринадцати лет. А тогда магия прорвётся на свободу, и я умру. Умру, Глерк! И кто тогда позаботится о ребёнке?

И Ксан подошла, положила руку на щеку Луны, обняла болотного монстра. Попыталась — Глерк был просто огромен.

— А можно пообниматься? — спросил, возвращаясь, Фириан. — Я люблю обниматься! — и он бросился под руку Глерка, прижимаясь к его телу, и теперь казался самым счастливым драконом на свете.

Луна сидела неподвижно, и её разум всё ещё не мог прийти в себя после того, что её собственная память открыла ей. Её собственная разблокированная память

Ведьма.

Магия.

Тринадцать.

Умереть.

Луна прижала запястья ко лбу, пытаясь заставить голову не разваливаться. Сколько раз она хотела улететь птицей? И вот — тринадцатый день рождения Луны вот-вот наступит. Бабушка больна. Слаба. И вскоре она уйдёт. Луна останется одна. И с магией.

Ведьма.

Это слово она прежде никогда не слышала, но находила всюду в своих воспоминаниях. Люди бормотали это слово на рынках по ту сторону леса. Люди говорили его, когда они посещали дома. Называли, когда бабушка помогала при родах. Или останавливала споры.

— Моя бабушка ведьма, — громко промолвила Луна. И это было правдой. — И я теперь ведьма.

— Кар-р-р! — воскликнул ворон.

Она прищурилась, глядя на него.

— Ты это знаешь? — спросила она.

— Кар-р-р! Разумеется! А что ж ты ещё? Ты не помнишь нашу встречу?

Луна посмотрела на небо.

— Ну, полагаю, я об этом никогда не думала.

— Кар-р-р! В точку! Вот она — твоя основная проблема...

— Гадальное устройство... — пробормотала Луна.

И вспомнила. Бабушка делала их. Иногда из пшагата, иногда из сырого яйца. А раз скрутила из тюльпана.

— Это имеет значение, — громко промолвила Луна, и кости загудели. — Любая хорошая ведьма знает, как сделать инструмент из подручных средств.

Это были не её слова. Бабушкины. Луна была в комнате, когда та говорила это. Но слова улетели, всё потемнело. А теперь они возвращались. Она подалась вперёд, сплюнула,

схватила за пучок трав под рукой — макнула в слюну и принялась скручивать узел.

Она не до конца понимала, что делала, собирала, словно кусочки песни, которую едва помнила.

— Покажи мне бабушку, — прошептала она, пропихивая палец в центр узла.

Сначала Луна ничего не видела.

А после узрела мужчину со шрамами на лице — в лесу. Он был напуган. Спотыкался о корни. Дважды врезался в дерево. Двигался слишком быстро, как для того, кто не знал, куда идёт. Но это не имело значения — устройство не работало. Она не ждала мужчину. Бабушку.

— Бабушку! — громко приказала Луна.

Человек был одет в кожаную куртку. На поясе у него висели маленькие ножи. Он открыл сумку, что висела у него на плече, шепнул что-то внутрь, и из складок выглянул маленький клювик.

Луна прищурилась. Ласточка. Старая и больная.

— Я уже обратила тебя, — прошептала она вслух.

Ласточка, словно отвечая, подняла голову и огляделась.

— Мне нужна моя бабушка! — она почти кричала. Ласточка пронзительно запела. Она казалась такой отчаянной...

— Не сейчас, глупышка, — шептал мужчина. — Сначала тебе поправят крыло. А потом на свободу. Вот. Съешь паучка, — и он запихнул в клювик ласточки паука.

Ласточка его прожевала, а на её мордочке отражалось разочарование и благодарность.

Луна фыркнула от досады.

— Я не слишком сильна в этом, но покажи мне бабушку, — твёрдо сказала она. И устройство сосредоточилось на лице птицы. И птица смотрела в её устройство, прямо в глаза Луны. Ласточка не могла её видеть, нет. И всё же, Луне казалось, будто бы птица тряхнула головой и медленно покачала ею из стороны в сторону.

— Бабушка? — прошептала Луна.

И тогда устройство потемнело.

— Вернись! — потребовала девушка.

Было всё так же темно. Устройство сломалось, как поняла Луна, кто-то его блокировал.

— О, бабушка, — прошептала Луна. — Что ж ты наделала...

Глава 37. В которой колдунья узнаёт нечто шокирующее.

Это не Луна, раз за разом повторяла Ксан. Её Луна дома. В безопасности. Она повторяла, пока не поверила в это. Мужчина затолкал в клюв второго паука. Пусть пища была неприятной на вид, её птичий животик считал её вкусной. Она никогда раньше не ела в трансформации — это первый и последний раз. И она не грустила от того, что жизнь таяла в её глазах. Но мысль об уходе Луны...

Ксан содрогнулась. Птицы не рыдают. А вот будь она старушкой — заплакала бы. Всю ночь рыдала бы.

— Ты в порядке, друг мой? — приглушённым, поражённым голосом спросил мужчина. Чёрные глаза-бусинки Ксан ответили на взгляд человека, но он не заметил.

Но Ксан была несправедлива. Это хороший мужчина, пусть немного возбуждённый — велика беда.

— О, я знаю, ты просто птичка и меня не поймёшь, о, я прежде никогда не причинял

боль ничему живому, — надломился его голос, и в глазах стояли слёзы.

Ой! Ему было так больно! И ей стало теснее, а он так старался сделать лучше птичке, чтобы своё сердце не болело. Ксан умела утешать людей — пять сотен лет практики! Облегчать печаль, успокаивать боль...

Молодой мужчина разложил маленький огонь и изжарил на нём кусочек колбасы. Если бы у Ксан был человеческий нос, человеческие вкусовые рецепторы, колбаса бы пахла вкусно. Но будучи птичкой она не заметила ни специй, ни яблок, ни лепестков зирина. Только любовь. Ещё до того, как пакет раскрыли. Кто-то так любил этого мальчишку! Счастливчик...

Колбаса зашипела на огне.

— Ты всё ещё голодна?

Ксан защебетала, надеясь, что он поймёт. В конце концов, о пище она нынче не думала, а бедный парень потерялся в лесу. Во-вторых, её птичий пищевод просто не перенесёт мясо! Да, паучки-моськи как раз для неё, но не что-то больше.

Мужчина принялся есть, и пусть он улыбался, по лицу всё ещё текли слёзы. Он посмотрел на птицу и вновь залился краской.

— Прости, мой крылатый друг. Видишь, эту колбасу сделала моя любимая жена, — его голос звучал сдавлено. — Эсин. Её зовут Эсин.

Ксан защебетала, надеясь, что он продолжит. В нём плескалось столько чувств, и все они ждали одной только первой искры!

Он ещё раз откусил. Полностью исчезло солнце, на небесах засияли звёзды. Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Ксан чувствовала, как билась в груди юноши его потеря. Она фыркнула и обнадеживающе ткнулась ему в руку. Он посмотрел на неё — и улыбнулся.

— Что, мой друг? Я знаю, что могу тебе кое-что поведать... — он протянул руку и положил ещё немного хвороста в огонь. — Не так уж много. Просто чтобы тебе было тепло, пока не поднимется луна. А потом в путь. День Жертвоприношения не ждёт. Или прежде не ждал... Но видишь, мой милый друг, возможно, я смогу ждать целую вечность...

День Жертвоприношения? О чём это он говорил?

Она ещё раз быстро клюнула его. Говори, говори! Но он только рассеялся.

— О, моя злая птичка. Если Эсин не сможет поправить твоё крыло, мы сделаем тебе удобный дом, где ты сможешь жить. Эсин... — он вздохнул. — Она удивительна! Всё делает красиво. Даже меня, а ведь без неё я столь уродлив... Я любил её с самого детства, но был застенчив, она присоединилась к Сёстрам, а меня искалечили... И я поклялся быть один.

Он откинулся на дерево, и его лицо, покрытое шрамами, ловило сверкание костра. Он не был уродлив — но был сломлен. И не шрамами. Что-то другое сломало его. Ксан могла заглянуть в его сердце — и видела женщину с волосами-змеями на стропилах, с ребёнком, прижатым к материнской груди.

Ребёнок с родинкой в форме полумесяца.

Ксан чувствовала, как похолодело её сердце.

— Ты не поверишь, моя милая, но в лесу есть ведьма.

Нет.

— И она забирает наших детей, по одному ежегодно. Мы должны оставлять младшее дитя в кругу платанов и никогда не оглядываться назад. А если мы не сделаем этого, то колдунья придёт и уничтожит каждого из нас.

Нет! Нет, нет, нет!

Эти дети!

Бедные отцы, бедные матери...

Она любила их всех, разумеется, и у них была счастлива жизнь, но... Не облако висело над протекторатом, а печаль. Как она была так слепа?!

— Я здесь из-за неё. Из-за моей прекрасной Эсин! Она любит меня, она хочет семью, но наше дитя самое юное во всём протекторате, а я не могу позволить своему ребёнку, ребёнку Эсин, уйти. Большинство людей просто принимает это как должное, ведь разве есть у них выбор? Но есть люди, у которых души нежны, как у моей Эсин, и они просто сходят с ума. И их запирают, — он умолк. Тело дрожало, или, может быть, это дрожала Ксан? — Наш мальчик, он такой красивый... И ведьма его отберёт? Это убьёт Эсин! Это и меня убьёт.

Если б Ксан могла ощутить магию, она бы трансформировалась сию секунду. Обняла бы бедного мальчика. Рассказала бы о своей ошибке. О детях, которых переводила через лес. О том, как радовались они и их семьи.

— Но! Горе висело над Протекторатом!

О Буг! Тирания горя...

И... Вопли сумасшедших матерей. Горе и боль, а она не сделала ничего, чтобы остановить это, даже если не видела ничего — и он тоже, и его горе... Она видела, как боль прижилась с его виной и стыдом.

Как это началось? Как?

И словно в ответ она услышала свои воспоминания а в дивных невидимых пещерах — тихие, хищные, пугающие шаги, ближе, ближе, ближе.

Нет. Не может быть. Но она была осторожна — печаль внутри. Она знала, что лучше пусть горе разрушит её саму, чем вырвется на свободу и окажется в чужих руках.

— Так или иначе, друг мой, я никогда прежде не убивал. Никогда не причинял боль живому существу. Но я люблю Эсин. И люблю Лукена, своего сына! И сделаю всё, что нужно, чтобы защитить свою семью. Да, моя ласточка — не хочу, чтобы ты испугалась, когда я сделаю то, что должен. Я не злой человек, я просто люблю свою семью. И потому и убью ведьму. Да. Я убью ведьму или, попытавшись, хотя бы спокойно умру...

Глава 38. В которой поднимается туман.

Когда Эсин и Мэй пересекли площадь, вышагивая к башне, население протектората прикрывало лица руками. Они отбрасывали свои шали и плащи, смаковал и блеск солнца на коже, удивлялись отсутствием прохлады — и теперь понимали, что тумана больше нет.

— Видела ли ты когда-нибудь такое небо? — удивилась Мэй.

— Нет, — медленно ответила Эсин. — Не видела... — малыш бормотал и суетился в светлой ткани на груди матери. Эсин обняла его тёплое тело, поцеловала в лоб. Его должны совсем скоро отобрать и изменить, но сейчас только любовь. Мать должна выполнить ту задачу, что дана ей свыше.

Когда Эсин была маленькой девочкой, мать рассказывала ей историю после рассказа о лесной ведьме. Эсин была любознательным ребёнком, и, узнав, что старшего брата отдали в жертву, преисполнилась вопросами. А куда он пропал? А что делать, если попытаться его найти? Что сделает колдунья? Что она такое? Она одинока? А она точно женщина? А если бороться невозможно, то почему не попытаться научиться? Ведьма злая, но насколько? Какое это зло?

У постоянных вопросов Эсин были последствия. Ужасные последствия. Её мать,

бледная, измождённая женщина, полная смирения и печали, одержимо бормотала о колдунье. Она рассказывала истории, когда её никто не просил. Бормотала их про себя, пока должна была шагать с другими на Буг.

— Ведьма ест детей. Или поработает. Или выпивает их дотла, — бормотала мать Эсин.

— Ведьма рыскает по лесу на огромных лапах. Она однажды съела тигриное сердце, полное скорби, и теперь это сердце бьётся в её груди.

— Ведьма умеет становиться птицей. Она может среди ночи залететь в твою спальню и выклевывать твои глаза!

— Она стара, как пыль. Она может переступить мир в своих сапогах-в-Семь-Лиг. Ты и не поймёшь, когда она вытащит тебя из твоей постели!

Со временем её истории становились всё длиннее и запутаннее, они наматывались тяжёлой цепью вокруг её тела, и она больше не могла держать их на себе. А потом она просто умерла.

Или так, по крайней мере, видела Эсин.

Тогда Эсин было шестнадцать, и она прославилась на весь Протекторат как на диво умная девушка — быстрые руки, острый разум. Когда Сестры Звезд прибыли к ней после похорон матери и предложили стать их ученицей, она колебалась лишь один миг. Её отец ушёл, исчезла её мат, старшие братья, те, которых не отобрала колдунья, давно уже сотворили свои семьи. Это было слишком грустно. Был один мальчик в классе, задевший её сердце, тихий мальчишка, но из важной семьи. Занятый своими вещами. И не было шанса, что он посмотрит на неё ещё раз. Потому, когда пришли Сёстры Звёзд, она упаковала вещи и двинулась за ними.

Но потом поняла, что во всех этих вещах, которые она узнавала в башне, в астрономии, ботанике, механике и математике не было ни слова о колдунье. Ни одного. Слово её не существовало.

А потом она заметила, что у сестры Игнатии не было возраста.

А потом почувствовала тихие шаги каждую ночь.

А потом увидела, как одна из новеньких сестер рыдала — её дедушка умер, — и сестра Игнатия смотрела на девушку с поразительным голодом во взгляде.

Всё детство Эсин пронесла на себе истории матери о колдунье. Она носила это при всех. И спины остальных тоже изогнулись под тяжестью скорби. Она искала истину среди сестёр, но правды о ведьме ей так и не открыли.

История может поведать правду, но ещё история может солгать. Изогнуться, закрутиться и запутаться. История — великая сила! И кто получил бы самую большую выгоду от такой власти? Ведь всё меньше и меньше людей помнили лес по другую его сторону, а Башня всё большую тень отбрасывала на Протекторат.

И её душа была нетронута, когда Эсин вернулась в башню, всё ещё сжимая руку Мэй.

Младший брат Энтена, Вин, встретил их у двери. Она любила его больше всех братьев Энтена. Эсин обняла его до того крепко, словно пыталась отдать всё, что у неё было.

— Могу ли я тебе довериться? — беззвучно прошептала она ему на ухо. — Поможешь ли ты мне спасти семью?

Вин ничего не ответил. Он закрыл глаза, чувствуя, как голос ветра лентой оборачивается вокруг его сердца. В этой башне ещё было немного доброты. А Эсин была добрейшим человеком. И он обнял её в ответ, лишь бы убедиться в том, что она была

совершенно реальной.

— Мои бывшие сестры, думаю, медитируют, милый Вин, — улыбнулась ему Эсин. Вин задрожал, когда она произнесла его имя. Его по имени в башне никто не называл — просто мальчик. И именно тогда он решил, что во всём на свете поможет Эсин. — Ты проведёшь меня к ним? И я должна попросить тебя ещё об одной услуге...

Сестры собрались для утренней медитации и часа молчания, потом они пели, потом — сражались. Эсин и Мэй вошли в комнату, когда первые ноты песни скользнули по каменным коридорам. Голоса сестёр замерли, когда Эсин подошла к ним. Ворковал ребёнок, и сёстры с открытыми ртами смотрели на неё — заговорила лишь одна.

— Ты, — промолвила она.

— Ты оставила нас, — ответила другая.

— Никто никогда не доходит, — отозвалась третья.

— Знаю, — кивнула Эсин. — Знание — страшная сила, — неофициальный девиз их сестринства. Никто не знал больше сестёр. Ни у кого не было такого доступа к знаниям. И всё же, они здесь, слепые. Что ж... Сегодня это изменится. — Я ушла. И не просто так. Мне жаль. Но, милые мои сёстры, мне есть что сказать вам, прежде чем я вновь вынуждена буду уйти. — Она наклонилась и поцеловала сына в лоб. — Мне придётся поведать вам одну историю.

Вин прижался спиной к стене у двери, что вела в комнату для медитации.

В руке у него была длинная цепь. И висячий замок. Ключ, который он вложит в руки Эсин. Сердце у него колотилось от одной мысли об этом. Он никогда прежде не нарушал правила. Но Эсин была так добра, а башня — так отвратительна...

Он прижался ухом к двери. Голос Эсин звучал, будто бы тот колокол.

— Нет в лесу страшной Ведьмы, — промолвила она. — Зато Ведьма затаилась здесь. Она давным-давно сформировала наше сестринство. Она придумала историю о другой Ведьме, Ведьме, что питается детьми. Ведьма в этом сестринстве питалась горестями протектората. Наши семьи. Наши друзья. Наше горе было велико, и она становилась сильной. Я знала долгое время об этом, но моё сердце, мой ум окутало облако, то самое, что располагается над каждым домом, зданием, над каждой живой душой в Протекторате. Много лет облако печали не позволяло выйти моим знаниям на свободу. Но теперь облака сгорели, засветило солнце, и я могу видеть ясно. Думаю, вы тоже сможете.

У Вина был ключ на поясе — целая связка! Ещё один шаг в их плане.

— Не хочу отнимать время, так что оставляю тех, кто готов. Остальным я говорю. Спасибо. Я была счастлива быть сестрою вашей.

Эсин вышла из комнаты, и девять сестёр шагали за нею. Она коротко кивнула Вину, и он быстро закрыл дверь и намотал цепь вокруг ручки в тугий узел, а потом навесил на него замок. Он вложил ключ в руку Эсин, и она нежно сжала его пальцы.

— Послушник?

— В рукописной комнате. Они не закончат до ужина свою работу. Я запер дверь, но они об этом даже не догадались.

Эсин кивнула.

— Хорошо. Мне бы не хотелось их пугать. Я с ними поговорю. Но сначала надо освободить заключённых. Башня призвана учить, а не быть тираном. Сегодня мы откроем

двери.

— Даже в библиотеку? — с надеждой спросил вин.

— Особенно в библиотеку. Знание — это сила, но эту страшную силу когда-то накопили и скрыли от нас, — она схватила Вина за руку и поспешила в башню, открывая все двери.

Матерей погибших детей Протектората осаждали видения. День уже прошёл, как старшая сестра ушла в лес — и никто не знал, что случилось. Они чувствовали, что поднимался туман. И их разум увидел много невозможного.

Ребёнок в руках старушки.

Ребёнок, что ест звёзды.

Ребёнок в руках чужой женщины. Женщины, которую он называет мамой.

— Это просто сны, — раз за разом повторяли матери. Люди в Протекторате привыкли к снам. Туман сам оставлял их в подобном состоянии. Они печалились во снах, они печалились, просыпаясь. Ничего нового.

Но теперь туман поднимался. И это были не сны. Видения.

Ребёнок с новыми братьями и сёстрами. Они его любят, так сильно любят! И он сияет, когда они рядом.

Ребёнок делает свой первый шаг. О, какая красота! Как сияет!

Ребёнок забирается на дерево.

Прыгает с высокой скалы в глубокий бассейн в компании ликующих друзей.

Ребёнок учится читать.

Ребёнок строит дом.

Ребёнок держит за руку любимого и признаётся в чувствах.

Такие реальные видения! Такие ясные! Словно почувствовался тёплый аромат детских головок, их мягкое тело, их нежные голоса... Они выкрикивали имена своих детей, и потеря была столь же острой, что и несколько десятилетий назад.

Но облака раскалывались, становилось ясным небо, и они чувствовали ещё что-то. То, чего прежде не было.

А вот дитя держит своё собственное на руках. Внука. Вот — и никогда не отдаст того ребёнка.

Надежда. Они чувствовали надежду.

Ребёнок в кругу своих друзей. Он смеётся. Он любит свою жизнь.

Радость. Они чувствовали радость.

А вот ребёнок сжимает руку супруга своего и смотрит на звёзды. Понятия не имеет, где его мать. Он никогда не знал другой, кроме той, что есть у него.

Матери останавливались и бросали все дела. Они выбегали на улицы. Они падали на колени и поворачивались лицом к небесам. Это всего лишь образы, всего лишь выдумка... Просто мечты. Это не может быть реальным.

Но всё же.

Как же реальными они все были!

Однажды семьи отдали Совету власть — и свои детей колдунью. Они сделали это ради спасения Протектората. Они отправляли детей на смерть. И дети были мертвы.

А если нет?

И чем больше они надеялись, тем больше спрашивали себя об этом. Чем больше

спрашивали, тем сильнее становилось пламя веры, и облако печали поднялось, поплыло вперёд и сгорело на фоне светлеющего неба.

— Не хочу показаться грубым, Великий старейшина Герланд, — прохрипел Старейшина Распин. Он был очень стар, настолько, что Герланд поражался, как он всё ещё стоял на ногах. — Но факт остаётся фактом. Это всё твоя вина.

Сбор в передней части башни начался всего с нескольких граждан с плакатами, но превратился в огромную толпу с криками, песнями и прочими злодеяниями. Старейшины, увидев это, отступили в дом Великого, закрыли окна и двери.

Теперь Великий Старейшина сидел в своём любимом кресле и смотрел на соотечественников.

— Моя вина? — голос его был тих. Горничные, повара, помощники поваров, кондитеров убежали, а это означало, что не будет никакой еды, а живот его оставался совершенно пуст. — Моя вина? — он на мгновение умолк. — Ну что ж. Почему?

Распин закашлялся, так, словно был готов прямо здесь обратиться в прах. Старейшина Гвинот попытался продолжить.

— В этом подстрекательстве замешана твоя семья. Они зажгли чернь!

— Чернь проснулась прежде, чем они до неё добрались! — вспылil Герланд. — Я обрёл её ребёнка. А после того, как ребёнок окажется в лесу, она станет горевать — и всё вернётся в нормальное русло.

— Ты видел, что происходит там? — наседал старейшина Либшиг. — Этот... солнечный свет! И, кажется, он впервые за долгие годы разбудил народ!

— И знаки! Кто мог нарисовать их на земле? — ворчал старейшина Ойрик. — Не мои люди. Они б не посмели. В любом случае, я предусмотрительно спрятал краску. Хоть один из нас думает головой!

— И где сестра Игнатия? — стонал Старейшина Доррит. — Самое подходящее время исчезнуть! И почему сестры не разрушили это в зародыше?

— Этот мальчик... Он с самого начала приносил неприятности! Нам следовало ещё тогда с ним разобраться! — заявил Распин.

— Прошу прощения... — оборвал их Великий Старейшина.

— Мы все знали, что рано или поздно этот мальчик станет проблемой. И вот, посмотрите только — он ею стал!

— Да послушайте себя! — вспылil Великий Старейшина. — Сборище взрослых мужчин! И вы ноете, как младенцы! Тут не о чем беспокоиться. Да, чернь временно возмущена, но это временно! И старшей сестры нет, но тоже временно! А мой племянник показал себя с плохой стороны, но и это временно! Дорога — единственный безопасный путь. Он в опасности. И он умрёт! — Великий Старейшина замер и попытался спрятать печаль глубоко в своём сердце. Скрыть её. Он распахнул глаза и посмотрел на старейшин так решительно... — И, мои милые братья, когда всё это случится, та жизнь, которую мы знали, вернётся. Это так же точно, как земля под ногами...

И в тот же миг задрожала под ногами земля. Старейшины распахнули южные окна и выглянули наружу. Дым вился от самого высокого горного пика. Вспыхнул вулкан.

Глава 39. В которой Глерк рассказывает Фириану истину.

— Давай! — прошептала Луна. Луна ещё не взошла, но Луна чувствовала, что она близко. В этом не было ничего нового. Она всегда испытывала странное родство с Луной, но никогда оно не было до такой степени сильным, как она чувствовала сейчас. Сегодня полная луна осветит весь мир.

— Кар-р-р! — заявил ворон. — Я очень, очень устал. Кар — рр! Эта ночь бесконечна, а вороны не летают по ночам.

— Вот, — Луна стянула капюшон своего плаща с головы. — Садись сюда. Я вообще не устала.

И это было правдой. Она чувствовала, как её кости превращались в свет, и ей казалось, будто бы она никогда больше не устанет. Ворон приземлился ей на плечо и забрался в капюшон.

Когда Луна была маленькой, бабушка учила её с магнитами и циркулем. Она сказала, что от магнита поле станет только прочнее, и полюса станут сильнее. Луна знала, что магнит притянет некоторые вещи, но игнорирует другие. Узнала, что мир — тоже магнит, и компас с его маленькой иголке всегда хочет выровняться относительно магнита. И Луна понимала, чувствовала это магнитное поле, ещё одно, и компас, о котором бабушка никогда ей прежде не говорила.

Сердце Луны билось в унисон с сердцем бабушки. Существовал ли компас любви?

Ум Луны был как ум её бабушки. Могут ли знания быть магнитом?

И было ещё кое-что. Это странное чувство в её костях... Этот щелчок в голове. Слово дюйм за дюймом в ней передвигались невидимые шестерёнки.

Вся жизнь текла мимо.

Магия наполняла её кости.

— Глерк! — промолвил Фириан. — Глерк, Глерк, Глерк, Глерк... Кажется, я больше не могу сидеть на спине. Ты немного устал? Ты стал меньше?

— Нет, мой друг, — отмахнулся Глерк. — Напротив. Кажется, ты растёшь.

И это было правдой. Фириан рос. Глерк сначала не верил, но с каждым шагом Фириан становился всё больше и больше. Не равномерно. Сначала огромным арбузом на кончике морды увеличился его нос, потом глаз стал в два раза больше другого. Крылья, ноги... Потом ещё одна лапа. Он рос, замедлялся, рос, замедлялся...

— Расту? Значит, я буду ещё более огромным? — промолвил Фириан. — А разве дракон может быть огромнее огромного?

Глерк поколебался.

— Ну, ведь ты знаешь свою тётушку... Она всегда видела твой потенциал. Даже если в тебе этого ещё не было. Ты понимаешь, о чём я говорю?

— Нет, — ответил Фириан.

Глерк вздохнул. Это будет непросто.

— Иногда слово огромный характеризует не только размер.

— Не только размер? — спросил Фириан, и его ухо увеличилось в два раза. — Ксан никогда такого не говорила...

— Да ведь ты знаешь Ксан! — вздохнул Глерк. — Она очень нужна, — он на миг умолк. — Спектр, радуга... В спектре чудовищности ты был... на нижнем конце. И это так мило... — он вновь умолк на миг и закусил губу. — Иногда правда немного... изгибается. Как свет, — он знал, что плывёт.

— Правда?

— Твоё сердце всегда было огромным, — ответил Глерк. — И останется таким.

— Глерк, — серьёзно промолвил Фириан. Губы его стали как ветви деревьев и превратили бедные челюсти в гибкое месиво. Один из зубов был в разы больше других. Одна лапа росла на глазах Глерка. — А я довольно странный? Прошу, будь честен.

Он был таким серьёзным... Странно. И самосознания никогда не хватало. Но таким серьёзным... Лучше оставаться таким, подумалось Глерку.

— Послушай, Фириан... Признаться, я не понимал, что происходит. И знаешь что? Ксан тоже. Всё хорошо. Ты растёшь. Думаю, ты станешь таким же огромным, как и твоя мама. Она умерла, Фириан. Пять сотен лет назад. Большинство дракончиков не остаются так долго в младенчестве, более того, я не могу вспомнить больше ни одного примера. Но ты оставался... Может быть, это сделала Ксан. Может быть, умерла твоя мама. Может быть, ты не мог расти. Так или иначе, теперь ты растёшь. Я думал, ты навеки останешься крошечным дракончиком, но я ошибался.

— Но... — Фириан споткнулся о свои растущие крылья, кувыркнулся вперёд и упал так сильно, что сотряс землю. — Но ты гигант, Глерк!

Глерк покачал головой.

— Нет, мой друг. Нет. Я огромен и стар, но я не гигант.

Пальцы Фириана стали в два раза толще.

— И Ксан... И Луна...

— Тоже не великаны. Они обыкновенные. И ты столь мал, что можешь влезть в карман. Или был.

— Но не теперь.

— Но не теперь, мой друг.

— И что это значит, Глерк? — глаза Фириана стали влажными. Слёзы его текли кипящими бассейнами и облаками пара.

— Я не знаю, мой милый Фириан. Я знаю лишь то, что я рядом. Что совсем скоро будут восполнены пробелы в наших знаниях, и это хорошо. А ещё я знаю, что ты мой друг, и я буду на твоей стороне всегда. Вопреки тому, как... — Фириан стал в два раза шире, а его вес оказался таким огромным, что его задние лапы подогнулись, и он с огромным грохотом сел. — Хм, независимо от того, насколько громаден ты будешь, — закончил Глерк.

— Спасибо, Глерк, — выдохнул Фириан.

Глерк поднял четыре передние лапы и помог голове подняться так высоко, так она только могла, вытянулся на задних лапах, а после тело его ещё возвысилось на его толстом хвосте. А широкие глаза стали ещё шире.

— Смотри! — сказал он, указывая вниз по склону горе.

— Что? — спросил Фириан. Он ничего не мог увидеть.

— Там, внизу каменной дороги. Полагаю, мой друг, ты не можешь этого увидеть. Это Луна. Её магия пришла. Я знал, что это случится, но Ксан сказала мне, что это пустые выдумки. Ох, Ксан... Она всегда пыталась удержать детство Луны, но этого не избежать. Девочка растёт — и совсем скоро перестанет быть ребёнком.

Фириан уставился на Глерка, открыв рот.

— Она станет драконом? — спросил он, и в голосе чувствовалась помесь скептицизма и надежды.

— Что? — удивился Глерк. — Конечно, нет! Она станет взрослой. И ведьмой.

Одновременно. Посмотри! Вот там она идёт. Отсюда я вижу её волшебство. О, и ты сможешь, Фириан. Это идеальный голубой оттенок с серебром! Фириан хотел сказать что-то ещё, но смотрел на землю, приложив обе лапы к грязи.

— Глерк? — прошептал он, прижав ухо к земле.

Глерк не обращал внимания.

— Посмотри! — он указал на следующий хребет. — А вот там Ксан. По крайней мере, там есть её магия. О... Она больна. Я вижу. И она использует заклинание преобразования... Ксан! Почему сейчас?! А что делать, если она не сможет вернуться обратно? Бред, милый Фириан. Нельзя терять ни минуты.

— Глерк? — вновь промолвил Фириан, кажется, ещё сильнее побледнев.

— Фириан, нет времени! Ксан в нас нуждается. Только посмотри... А Луна идёт туда, где нынче Ксан. Если это не срочно...

— Глерк! — возопил Фириан. — Ты слышишь? Гора!

— Говори более полно, пожалуйста, — нетерпеливо ответил Глерк — Если мы не станем двигаться быстро...

— Гора горит, Глерк! — взревел Фириан.

Глерку закатил глаза.

— Да ладно тебе. Что ж, как обычно, просто дымит.

— Нет, Глерк, — Фириан встал на задние лапы. — Это гора. Гора под ногами горит. Как тогда. Когда моя мать... — его голос сорвался, и вспыхнуло древнее горе. — Мы чувствовали это первыми. Она отправилась к магам, чтобы их предупредить. Глерк! Его лицо почти, что исказилось от беспокойства. — Мы должны предупредить Ксан!

Болотный монстр кивнул. Он почувствовал, как колотится его сердце.

— И быстро, — согласился он.

Вина билась в птичьем сердце Ксан.

Это всё её вина.

Нет... Она защищала! Она любила! Спасла этих детей от голода! Сделала семьи счастливыми.

Но стоило и возразить. Стоило полубопытствовать. Сделать хоть что-то!

И этот бедный мальчик... Как он любил свою жену, как любил своё дитя... И он был готов принести всё в жертву ради их безопасности и счастья. Ей хотелось его обнять, вернуться в нормальный облик и всё объяснить. Несомненно, он попытается убить её, прежде чем она сумеет что-либо сказать.

— Не так уж и далеко, друг мой, — шептал юноша. — Скоро станет расти луна, и мы пойдём. И я убью ведьму, а тогда мы сможем отправиться домой. И ты увидишь мою прекрасную Эсин, моего милого сына. Ты будешь в безопасности.

О, не совсем.

Когда взошла луна, она смогла поймать капельку магии. Но очень мало. Словно пытаться собрать воду в решето. Но это лучше чем ничего. Магия ещё капает. Может быть, этого хватит, чтобы немного усыпить бедного мальчика. А потом она сможет отправить его домой, и он проснётся в объятиях любящей семьи.

Ей просто нужна луна.

— Ты слышишь? — юноша вскочил на ноги. Ксан огляделась — но не смогла ничего услышать.

Но он был прав.

Что-то приближалось.

Или кто-то.

— Может ли ведьма ко мне прийти? — спросил он. — Может ли мне повезти?

И вправду, в голосе его было столько надежды, что Ксан даже издала короткий смешок — больший, чем это было справедливо. Ключнула его сквозь рубашку. О, колдунья пришла к нему. Ласточкой. Она закатила бусинки маленьких птичьих глаз.

— Смотри! — он указал вниз по гребню. Ксан посмотрела. И вправду, к ним кто-то двигался. Даже два существа. Ксан не могла объяснить, что такое второе, ведь она прежде с ним не сталкивалась, но видела первое — безошибочно.

Голубое свечение.

Мерцание серебра.

Магия Луны. Её чары! Ближе, ближе, ближе!

— Это ведьма! — воскликнул молодой мужчина. — Я уверен в этом! — и он притих в зарослях подлеска. Дрожал. И перебрасывал из одной руки в другую.

— Не волнуйся, мой друг. Я сделаю это очень быстро. Ведьма подойдёт. И не увидит меня.

Он сглотнул.

И тогда он перережет ей горло.

Глава 40. Когда появляются определённые разногласия с сапогами.

— Ну-ка отойди прочь, дорогая, — промолвила сестра Игнатия. Её голос лился водой, а она ступала мягко на втянутых коготках. — Они тебе просто не в пору.

Сумасшедшая склонила голову. Вот-вот появится луна. Под ногами грохотала гора. Она стояла у огромного камня. "Не забывай", — вещал с одной стороны камень. — "Вот о чём я".

Сумасшедшая скучала по птицам. Они улетели и не вернулись. Были ли они реальны? Сумасшедшая не знала.

Она знала лишь, что любила эти сапоги. Она покормила коз и кур, собрала молоко и яйца, поблагодарила зверей за их терпение. Но всё это время она чувствовала, как подпитывали её сапоги. Она не могла этого объяснить. Сапоги оживляли её мышцы и кости. Она чувствовала себя лёгкой, как бумажная птица. Она чувствовала, что могла работать, не покладая рук.

Сестра Игнатия сделала шаг вперёд. Губы её растянулись в тонкой улыбке. Сумасшедшая могла слышать тигриный рык — и урчание под ногами сестры. Она чувствовала, как на спине выступил пот, и отступила на несколько шагов назад, пока не упёрлась спиной о камень. Она прижалась к нему, отыскав в нём утешение, чувствовала, как начинали мерно гудеть её ботинки.

Всё вокруг этого места было окутано бесконечной магией. Её маленькие кусочки. Маленькие кусочки и просто огромные. Сумасшедшая это чувствовала. Она видела, что и сестра ощущала сие тоже. Обе женщины кончиками пальцев ловили эти маленькие кусочки волшебства в свои руки, чтобы сохранить, а после воспользоваться. Позже. И чем больше собирала сумасшедшая, тем яснее становился образ её дочери. И путь к ней.

— Бедняжка потеряла душу, — промолвила старшая сестра. — Как далеко ты от дома! Как ты заплутала! Тебе повезло, что я тебя здесь отыскала, прежде чем тебя раздерут звери. Это опасный лес. Самый опасный в мире.

Горы грохотали. Столб дыма вырвался из дальних кратеров. Старшая сестра побледнела.

— Нам надо покинуть это место, — промолвила сестра Игнатия. Сумасшедшая почувствовала, что её колени начинали дрожать. — Смотри, — сестра указала на кратер. — Я прежде видела это. Давным-давно. Хлопья пепла, дрожь земли, первые взрывы, а после извержение. Если мы будем здесь, то обе умрём. Но если ты дашь мне эти сапоги... — она облизнула губы, — то я смогу воспользоваться их силой, чтобы отвести нас обеих домой. Обратно в башню. В твою безопасную башенку, — она вновь улыбнулась, и даже её улыбка была ужасающей.

— Ты лжёшь, Тигриное сердце, — прошептала сумасшедшая, и сестра Игнатия содрогнулась. — И ты не собираешься отводить меня обратно, — она положила руки на камень. Камень давал ей многое увидеть. Или, может быть, это были сапоги. Она видела магов, стариков и старух, которых предала старшая сестра. Тогда она ещё сестрой не была. Тогда не было Протектората. Старшая сестра должна была переносить волшебников на своей спине, когда извергался вулкан, но ничего такого не сделала. Она оставила их умирать в дыме.

— Откуда ты узнала это имя? — прошептала сестра Игнатия.

— Все знают это имя, — ответила сумасшедшая. — История о том, как ведьма съела сердце тигра. Но это, конечно, шепоток известный. Но сердца у тебя нет. Вообще.

— Нет такой истории! — принялась расхаживать по поляне сестра Игнатия. Плечи сгорбились, с уст сорвался рык. — Я сотворила Протекторат и его истории! Я! Все они от меня! Нет историй, что я не рассказала бы!

— Ты не права. Тигр ходит, сестры говорят. Я слышала. Они говорили о тебе, ты знаешь. Старшая сестра побледнела.

— Это невозможно, — прошептала она.

— Это невозможно — жизнь моего ребёнка, — ответила сумасшедшая, — а она жива. И она была здесь. Долго. Невозможное возможно, — она огляделась. — Мне нравится это место, — сумасшедшая вздохнула.

— Дай мне эти сапоги.

— И ещё одно. Невозможно ездить на бумажных птицах, а мне удалось. Не знаю, где они, но ко мне они вернутся. И невозможно знать, куда пошло моё дитя, но я вижу, где она сейчас. В этот миг. И я знаю, как до неё добраться. Не в моей голове — в ногах. Это крайне умные сапоги.

— Отдай сапоги! — взревела старшая сестра. Она сжала руки в кулаки и подняла их над головой. А когда опустила руки вниз, её пальцы обратились в острые ножи. Она выставила руки вперёд, направляя лезвиями в сердце сумасшедшей. И они поразили бы её, если б сумасшедшая не отпрыгнула в сторону.

— Сапоги мои! — взревела сестра Игнатия. — Ты даже не знаешь, как ими пользоваться!

— О на самом деле, — улыбнулась сумасшедшая, — немного знаю.

Сестра Игнатия ринулась к сумасшедшей, что отступила на шаг назад, прежде чем исчезнуть в мгновение ока. И сестра осталась одна.

Закипел второй кратер. Земля задрожала, едва не сбив сестру с ног. Она прижала руки к каменистой земле, и та была горячей. Близилось извержение.

Она встала. Поправила платье.

— Ну что же. Хотите играть... И я сыграю.

И она отправилась за сумасшедшей в дрожащий лес.

Глава 41. В которой несколько дорог сходятся в одну.

Луна вскарабкалась вверх по крутому склону хребта. Верхний край луны только-только появлялся над линией горизонта. Она чувствовала в себе громкий гул, словно пружины слишком тугими стали и вырвались из-под контроля. Она почувствовала, как что-то плескалось дико в её руках. Споткнулась, и руки ударились о гальку. Камешки принялись ползти прочь клопами. Или нет. У них не могли быть ни ноги, ни усы, ни крылья... Или они стали водой? Льдом? Луна только поднялась выше над линией горизонта.

Бабушка учила Луну, когда та была маленькой девочкой с разодранными коленями и спутанными волосами, как живёт гусеница, прежде чем обратится в кокон. А внутри кокона она изменяется. Тело изменяется. Каждая часть распутывается, раскручивается, расстёгивается, становится иным.

— На что это похоже? — спрашивала Луна.

— Это кажется волшебным, — медленно отвечала бабушка, щурясь.

А тогда Луна становилась пустой. А теперь она видела, как в пустоту птицей улетала магия, вытекала из её ушей. Она могла видеть каждую букву, что убегала. Но теперь всё вернулось. Бабушка пыталась пояснить ей магию. Может быть, больше. Но тогда привыкла, что Луна ничего не знает. И теперь Луну обуревали воспоминания, вырывающиеся из черепа.

Гусеница становится куколкой. А потом меняется. Кожа, глаза, рот. Пропадают ноги. Каждый кусочек, даже знание становится кашей.

— Кашей? — широко распахнув глаза, спрашивала Луна.

— Ну, — успокаивала её бабушка, — не каша. Материал. Звёзды. Свет. Вещество, в котором была планета прежде, чем стала планетой. Ребёнок до рождения. Семена платана. Всё, что ты видишь, меняется в своей жизни, умирает, рождается. Всё меняется.

И теперь, взбежав на гребень, Луна изменилась. Она чувствовала. Кожа, кости, глаза. Дух. Её тело с каждой весной менялось, каждый хорошо оточенный рычаг изменялся, всё встало на свои места. Другие места. И она стала новой.

В верхней части хребта оказался мужчина. Луна его не видела, но чувствовала. Чувствовала бабушку. Или думала, что это бабушка. Она видела бабушку отпечатком в собственной душе, но её собственное ощущение было каким-то размытым.

— Это ведьма, — слышала она слова. Луна почувствовала боль в сердце. Она побежала ещё быстрее, хотя хребет был крутым, а путь долгим. И с каждым шагом она становилась всё быстрее.

Кричало сердце бабушки.

Уходи. Это слышали не уши. Это слышали кости.

Повернись.

Что ты творишь, глупое дитя?

Ей мерещится. Просто мерещится. Но всё же, почему она слышит голос бабушки? Почему это голос Ксан?

— Не волнуйся, мой друг, — повторял кто-то. — Я сделаю это быстро. Ведьма придёт — и я перережу ей горло.

— Бабушка! — закричала Луна. — Будь осторожнее!

И она слышала звук. Крик ласточки. Звон в ночи.

— Мне бы хотелось двигаться быстрее, друг мой, — промолвил Глерк, держа Фириана за крыло и волоча его за собой.

— Я так болен, Глерк, — ответил Фириан, падая на колени. Даже если б он упал, он бы порезался. Но ведь вся его спина теперь, и лапы, и всё тело была покрыта тяжёлыми, твёрдыми чешуйками.

— У нас времени на болезни, — Глерк оглянулся. Фириан казался таким же большим, как и он, и всё рос. Морда была зеленоватой, то, может быть, это его нормальный цвет?

Самое неудобное время для роста! Впрочем, довольно несправедливо.

— Простите, — промолвил Фириан. Он подвинулся к кустарнику и вырвал кровью. — О, кажется, я что-то поджёг.

Глерк покачал головой.

— Ты можешь поджечь что угодно. Если ты не ошибся относительно вулкана, это отнюдь не имеет значения.

Фириан покачал головой и захлопал крыльями. Он попытался захлопать мили ещё несколько раз, но оказался достаточно слабым для того, чтобы не суметь подняться в небеса. С морды не сходило поражённое выражение.

— Я всё ещё не могу летать.

— С уверенностью могу сказать, что это временно, — ответил Глерк.

— Откуда ты знаешь? — Фириан попытался скрыть слёзы, затаившиеся в его голосе. Но получилось не слишком удачно.

Глерк посмотрел на своего друга. Он стал расти медленнее, но всё ещё рос. Зато теперь Фириан казался довольно равномерным...

— Не знаю, но надеюсь на лучшее, — Глерк изогнул свои громадные челюсти в улыбке. — И ты, мой дорогой Фириан, лучшее из того, что мне ведомо! Пойдём! На вершину хребта! Поспешим!

И они бросились через подлесок и помчались на скалы.

Сумасшедшая никогда не чувствовала себя так хорошо. Зашло солнце, росла луна, и она мчалась по лесу. Казалось, она ничего не видела вокруг — не ощутила ничего, что могло превратить её в варёную. Она просто перепрыгивала белкой с ветви на ветвь.

Старшая сестра мчалась за нею. Она чувствовала растяжение её мышц. Она чувствовала скорость и вспышки бега через лес.

Она на миг замерла на толстой ветке дерева. Кора была такой старой, что по ней можно было в дождь пускать целую реку. Она позволила себе расширить круг зрения, посмотрела на овраги и холмы, на гребни этого мира.

Вот! Синий и серебро!

Вот! Зелень!

Вот! Юноша, которого она искалечила.

Вот! Монстр с животным.

Горы грохотали. Каждый раз всё громче и настойчивее. Гора поглотила власть, и власть желала свободы.

— Мне нужны птицы, — промолвила сумасшедшая, поворачиваясь к небесам. Она прыгнула вперёд, прижалась к новой ветви, и вновь, и вновь, и вновь.

— Мне нужны мои птицы! — вновь закричала она, прыгая с ветки на ветку так же

легко, как бежала по травяному полю, но это было куда быстрее.

Она чувствовала, как от магии сапог сияли её кости. Лунный свет всё увеличивал это сияние.

— Мне нужна моя дочь, — прошептала она, побежав быстрее, ориентируясь на синее мерцание.

А за нею, шепча, били бумажными крыльями тени.

Ворон выбрался из капюшона девочки. Он устроился на её плече, взмахнул своими крыльями и рванулся в воздух.

— Кар-р-р! — кричал ворон. — Луна! — раздавался по миру его голос.

— Кар-р-р! Луна!

— Кар-р-р! Кар-р-р! Кар-р-р!

— Луна! Луна! Луна!

Склон стал круче. Девочка хваталась за тоненькие стволы и ветви, что цеплялись к склону, чтобы не упасть. Лицо покраснелось, дыхание сбилось.

— Кар-р-р! Я полечу вперёд, чтобы увидеть то, что ты не сможешь!

Он тенью ринулся вперёд, скользнул по голой вершине холма, где хранили гору огромные валуны.

Он увидел мужчину. Тот держал ласточку, и она трепыхалась в его руках и клевалась.

— Тише, мой друг, — промолвил спокойно мужчина, пытаясь спрятать ласточку за пазухой.

Мужчина подходил к последнему валуну.

— Так, — он обратился к ласточке, что боролась в его руках, — она стала девочкой. Даже тигр может облачиться ягнёнком. Это не меняет того, что он тигр.

И тогда мужчина достал нож.

— Кар-р-р! — закричал ворон. — Луна!

— Кар-р-р!

— Беги!

Глава 42. В которой мир становится серебряным и синим, синим и серебряным.

Луна услышала предупреждение ворона, но замедлиться не могла. Она сама жила от лунного света. Такой вкусный... Синее на серебре, серебро на синеве. Она собирала лунный свет руками и пила. А потом смогла остановиться.

С каждым глотком всё становилось яснее.

Это зеленоватое свечение.

Бабушка.

Перья.

Они связаны с бабушкой.

Она увидела мужчину со шрамами на лице. Он казался знакомым, но узнать она не могла.

В его глазах, в его сердце таилась доброта. Его сердце излучало любовь. А рука сжимала нож.

Сумасшедшая прыгала с ветки на ветку. Синий, синий, синий. С каждым шагом магия сапог пронзала молнией её тело.

— И серебро! — пела она громко. — Синее на серебре! Серебро на синеве!

С каждым шагом она была ближе к девочке. Луна рядом. И она зажгла мир. Свет скользил по костям сумасшедшей, от головы до сапог и обратно.

Шаг-прыжок, шаг-прыжок, синий, синий, синий. Серебро. Опасный ребёнок. Руки Чудовище с добрыми глазами. Крошечный дракон. Ребёнок с лунным светом.

Луна. Луна. Луна.

Её ребёнок.

На вершине хребта оказался холм. Она мчалась к нему. Часовыми стояли валуны. А за валуном стоял человек. Зелень пробивалась пятном на его плаще. Магия. Мужчина держал нож. И напротив него раскалённый синий плакал магией.

Девочка.

Её дочь.

Луна.

Жива.

Мужчина вскинул нож. Он устремил взгляд на девочку.

— Ведьма! — вскричал он.

— Я не ведьма, — ответила она. — Я девочка. Луна.

— Лжёшь! — воскликнул мужчина. — Ты колдунья! Тебе тысячи лет! Ты убила столько детей... — дыхание сорвалось. — А я убью тебя!

Мужчина прыгнул.

Девочка прыгнула.

Сумасшедшая прыгнула.

И мир заполонили птицы.

Глава 43. В которой она впервые творит волшебство

Вихрь ног, крыльев, локтей, ногтей, клювов, бумаги... Бумажные птицы кружились над холмом всё больше, больше, больше.

— Мои глаза! — закричал мужчина.

— Мои сапоги! — закричала незнакомая женщина.

— Кар-р-р! — Завизжал ворон. — Моя девочка! Убирайтесь от моей девочки!

— Птицы, — выдохнула Луна.

Она откатилась от клубка и вскочила на ноги. Бумажные птицы кружились вокруг над ними, прежде чем огромным кругом сели на землю. Они не нападали, но клювы были остры, а крылья угрожающе распахнуты.

Мужчина закрыл лицо.

— Держи их подальше, — всхлипнул он. Он съёжился, прячась. Бросил на землю нож. Луна пнула его, и он упал вниз.

— Пожалуйста, — прошептал он. — Я встречал этих птиц. Они ужасны. Они разорвут меня в клочья.

Луна опустила на колени рядом с ним.

— Я не позволю им причинить тебе боль, — прошептала она. — Обещаю. Но они нашли меня прежде в лесу. Они не причинили мне боль и не навредят тебе сейчас. Я не позволю, понимаешь?

Мужчина кивнул. Он упал на колени и закрывал лицо.

Бумажные птицы склонили головы. Они не смотрели на Луну, они смотрели на

растянувшуюся на земле женщину.

Луна тоже на неё посмотрела.

У женщины был простой серый наряд и чёрные сапоги. Выбритая голова. Большие чёрные глаза и родинка на лбу в форме полумесяца. Луна прижала пальцы к своей собственной.

Она здесь, кричало сердце. Она здесь, она здесь, она здесь.

— Она здесь, — прошептала женщина. — Она здесь, она здесь, она здесь.

Луна видела женщину с длинными чёрными волосами, что вились змеями вокруг её головы. Посмотрела на женщину перед ней. Попыталась представить её с волосами.

— Ты меня знаешь? — спросила Луна.

— Меня никто не знает, — ответила женщина. — Имени у меня нет.

Луна нахмурилась.

— Может быть, есть?

Женщина села, обхватила колени руками. Взгляд метался из стороны в сторону. Болело не тело, болела голова.

— Однажды, — промолвила женщина, — у меня было имя. Но я его забыла. Был мужчина, что называл меня жена, ребёнок — мама. Но давно. Не помню, когда. Теперь я просто заключённая.

— Башня, — прошептала Луна, шагнув ближе. На глазах женщины выступили слёзы. Она посмотрела на Луну, а потом отвернулась и пошатывалась назад и вперёд, словно боялась, что взгляд слишком надолго задержится на девочке.

Мужчина поднял голову. Выпрямился. И смотрел на сумасшедшую.

— Это ты, — промолвил он. — Сбежала.

— Это я, — кивнула сумасшедшая. Она поползла по скале, присела рядом с ним, положила руки на лицо. — Это моя вина, — пальцы пробежались по шрамам. — Прости. Не твоя жизнь. Твоя жизнь стала счастливее. Правда?

Глаза мужчины опухли от слёз.

— Нет, — ответил он. — Да. Или нет. Моя жена родила ребёнка. Наш сын так красив. Но он — самое маленькое дитя во всём Протекторате! Как и ты, мы должны отдать ребёнка ведьме.

Он посмотрел на родинку на лбу сумасшедшей.

Он скользнул взглядом по Луне. По её родинке. По её широким чёрным глазам. Комок в плаще бился, вырывался. Чёрный клюв выглянул на свободу и вновь клюнул.

— Ой, — содрогнулся мужчина.

— Я не ведьма, — Луна подпёрла рукой щеку. — Или не была ею. И никогда не забирала детей.

Ворон прыгал по голым скалам вверх и вниз, а после устроился у неё на плече.

— Конечно, нет, — женщина всё ещё не могла смотреть на Луну, отводила взгляд, словно та была слишком яркой. — Ты ребёнок.

— Какой ребёнок?

Птица вырывалась из куртки мужчины. Зелёное свечение. Птица волновалась, клевалась...

— Прошу, дружок! — воскликнул мужчина. — Тише! Тебе нечего бояться!

— Бабушка, — прошептала Луна.

— Ты не понимаешь. Я случайно сломал крыло этой ласточки, — ответил мужчина.

Луна ничего не слышала.

— Бабушка! — ласточка притихла. Она смотрела на девочку ярким взглядом её бабушки. Она знала этот взгляд.

Что-то скользнуло на место в голове. Кожа гудела. Кости гудели. Ум сиял от воспоминаний, что астероидами сыпались в теплоте.

Кричала женщина под потолком.

Старик с огромным носом.

Круг платанов.

Платан, ставший старушкой.

Женщина со звёздным светом на пальцах. А потом что-то слаще звёзд.

И Глерк-кролик.

И бабушка, что учила её заклинаниям. Их текстуре. И строить, и играть в них. Это были уроки, которые Луна слышала и забывала, а теперь вспомнила и поняла.

Она смотрела на птицу. Птица смотрела на Луну. Бумажные спокойно поджали крылья.

— Бабушка, — прошептала она, подняв руки. Она сосредоточила на кончиках пальцев всю свою любовь, все вопросы и заботы, всё беспокойство и разочарование, всю печаль к птице. Женщина, что кормила её. Научила строить. Мечтать. Творить. Женщина, что не отвечала на те вопросы, на которые не могла. Вот кого она хотела увидеть. Она почувствовала, как гудели её кости. Её магия, её мысли, намерения и надежды. Они все стали одним целым. И сила была её по ногам. По бёдрам. По рукам. По пальцам.

— Покажи себя, — поведала Луна.

И в путанице крыльев и когтей, рук и ног появилась бабушка. Посмотрела на Луну. Её глаза слезились от ярких капелек хрусталя. Слёзы текли по щекам.

— Моя дорогая, — прошептала она.

А после Ксан содрогнулась и рухнула на землю.

Глава 44. В которой меняются сердца.

Луна бросилась на колени, чтобы подхватить свою бабушку.

Ох! Какой она стала... Как бумага на холодном ветру. Её бабушка, такая сильная все эти годы, поднимающая небеса... Луна чувствовала, что могла подхватить бабушку на руки и бежать к дому.

— Бабушка! — зарыдала она, прижавшись к её щеке. — Бабушка, проснись. Прошу.

Её бабушка едва дышала.

— Твоя магия, — прошептала старушка. — Она кипит в тебе.

— Не говори об этом, — Луна всё ещё вдыхала аромат её волос. — Ты больна?

— Не больна, — прохрипела её бабушка. — Умираю. Давно уже пора было это сделать, — она закашлялась, задрожав, зашлась приступом.

Луна почувствовала, как её перерезает приступ ужаса.

— Ты не умираешь, бабушка. Не можешь. Я поговорю с Вороном! Меня любят бумажные птицы. Всё хорошо! Я знаю. Я помню маму. И дама в лесу... не слишком хорошая.

— О, моё дитя, нынче я не умру, но совсем скоро... Твоя магия — а ведь теперь ты от этого слова не замираешь? — Луна кивнула. — Я заперла его в тебе, чтобы ты не была опасна для себя и для других, потому что поверь мне, дорогая, опасность имеет последствия. И всё вверх, вниз, в сторону... — она закрыла глаза и поморщилась от боли.

— Не хочу говорить об этом, бабушка, если тебе от того плохо, — девочка резко села. —

Тебе можно помочь?

Старуха содрогнулась.

— Я замёрзла, — сказала она. — Так холодно, луна есть?

— Да, бабушка.

— Подними свою руку. Пусть лунный свет соберётся на твоих пальцах и перетечёт в меня. Я когда-то сделала это для тебя, когда ты была ребёнком. Когда тебя оставили в лесу, и я отнесла тебя в безопасное место, — Ксан умолкла и посмотрела на сидевшую на земле женщину. — Я думала, мать бросила тебя, — она прижала ладонь ко рту и покачала головой. — Та же родинка. Те же глаза.

Женщина с земли кивнула.

— Я не отдавала её, — прошептала она. — Её отобрали. Моего ребёнка отобрали, — безумная уткнулась лицом в колени, голову закрыла руками и не выдавала больше ни звука.

Казалось, Ксан вот-вот разорвётся пополам.

— Да. Я знаю, — она повернулась к Луне. — Каждый год ребёнка оставляли на убой в лесу на том же месте. Каждый год я относила ребёнка через лес в новую семью, что будет его любить и держать в безопасности. Я была неправа — не поинтересовалась. Так неправильно не поинтересовалась! Но печаль хмелила эти места. Потому я убегала так быстро, как могла.

Ксан содрогнулась и подвинулась ближе к женщине. Та не подняла головы, и Ксан осторожно опустила ей руку на плечо.

— Простишь ли ты меня?

Сумасшедшая ничего не говорила.

— И дети были в лесу. Дети звёзд? — прошептала Луна.

— Да. Они, — кашлянула бабушка. — Как ты. Но тебе передалась магия. Я не хотела, дорогая, так вышло, но отменить было нельзя. И я любила тебя, так сильно любила! Это тоже не изменить. Потому взяла как свою внучку. И тогда я начала умирать, и это тоже нельзя было остановить. Последствия. Последствия. Сколько ошибок я допустила... — она содрогнулась. — Я замёрзла. Милая Луна, ещё немного света, если ты не против...

Луна подняла руку. Сияние луны, липкое и сладкое, собиралось на кончиках её пальцев. Она переливала это с рук в рот бабушке и чувствовала, как дрожало бабушкино тело. Лунный свет лился по коже Луны, и кости её светились.

— Лунный свет помогает лишь временно, — промолвила бабушка. — Магия вытекает из меня, как из ведра с дырами. Она обращается к тебе. Всё, что есть во мне, идёт к тебе, моя дорогая. Так должно быть, — она повернулась и похлопала Луну по щеке. Та сжала её пальцы и отчаянно притянула к себе. — Пять сотен лет — это очень много. Очень. И у тебя есть мать, что тебя любит, всегда любила.

— Мой друг... — промолвил мужчина. Он рыдал, и громадные слёзы стекали по его лицу. Теперь нож казался таким безобидным, но Луна всё равно смотрела на него с опаской. Он пополз вперёд, протянув руку.

— На расстоянии, — холодно сказала она.

Он кивнул.

— Мой друг... — сказал он. — О, птица была другом. Я... — он сглотнул, утёр слёзы рукавом. — Мне жаль, это звучит так грубо, но... — его голос затих. Луна могла обратить его в камень, но отмахнулась от этой мысли, когда затихло грозное молчание.

Нет, ударить... Камень рухнул на землю — и свалился в пропасть, словно наказанный.

Она должна быть осторожной.

— Но это ты ведьма? — мужчина посмотрел на Ксан. — Лесная? Которая утверждает, что если мы не пожертвуем ребёнка ежегодно, она нас уничтожит?

Луна холодно посмотрела на него.

— Моя бабушка никогда ничего не разрушала. Она хорошая, добрая и заботливая. Спроси людей из Свободных Городов, они знают.

— Кто-то просил жертву, — сказал мужчина, — но не ты, — он перевёл взгляд на бритоголовую женщину. — Бумажные птицы... Я знаю, я был тогда, когда уводили её дитя...

— Насколько я помню, — прорычала женщина, — ты был одним из тех, кто отбирал моего ребёнка!

Мужчина опустил голову.

— Это ты, — прошептала Луна. — Я помню, ты был мальчиком. Пах опилками. И не хотел. — Она умолкла, нахмурилась. — Ты ненавидел этих стариков.

— Да, — задыхался мужчина.

Её бабушка попыталась подняться на ноги, и Луна вскочила, помогая ей, но Ксан лишь отмахнулась.

— Довольно, ребёнок. Я ещё не настолько стара, чтобы не встать.

Но она была стара. Перед глазами Луны Ксан всегда была старой. Но сейчас... Всё иначе. Она усохла. Глаза были впалыми. Кожа цвета пыли. Луна собрала лунный свет — и вновь дала бабушке.

Ксан посмотрела на мужчину.

— Нам надо идти быстро. Я собиралась спасти ещё одно дитя. Я так долго делала это... — она содрогнулась и попыталась шагнуть вперёд. Луне казалось, что она развалится на куски. — Нет времени для суеты.

Луна обняла бабушку за талию, и ворон опустил на плечо. Она повернулась к женщине на земле и протянула ей руку.

— Ты с нами? — спросила она и затаила дыхание. Сердце колотилось в груди.

Женщина у потолка.

Бумажные птицы в окне башни.

Она здесь, она здесь, она здесь.

Женщина подняла взгляд и встретила с глазами Луны. Приняла её руку и поднялась. Сердце вспыхнуло, и поднялись в воздух бумажные птицы.

Луна услышала звук шагов, что приближались с той стороны холма, а потом увидела пару светящихся глаз. Тигр перед прыжком, но те тигр. Высокая, сильная женщина. И её магия была жестокой и беспощадной. Словно лопата. Женщина, что требовала сапоги, вернулась.

— Привет, Та, что Поедает Печаль, — поприветствовала её Ксан.

Глава 45. В котором огромный дракон принимает огромное решение.

— Глерк!

— Тише, Фириан! — промолвил Глерк. — Я слушаю!

Они видели, как Та, что Поедает Печаль шагнула по склону холма вверх, и Глерк чувствовал, как похолодела внезапно его кровь.

Та, что Поедает Печаль! Столько лет спустя!

Она выглядела точно так же. Что за трюки?

— Но Глерк!

— Прекрати! Она не знает, что мы здесь, и мы удивим её!

Столько лет назад Глерк в последний раз стоял пред ликом врага. Или злодея... Однажды Глерк был в этом хорош. Его четыре руки орудовали мечами, а цепкий кончик хвоста сжимал ещё один — и он был столь грозен, проворен и огромен, что его противники часто бросали оружие и молили о мире. Глерку это нравилось — насилие, иногда столь необходимое, казалось ему неотесанным и некультурным. Красота, поэзия, отличная беседа — вот его инструменты для урегулирования споров. Глерк был безмятежен, как и Буг — и внезапно он так влился в него, что почти растерял всю силу.

Он спал. Усыпил себя любовью к Ксан. Он хотел быть в мире веками, а теперь стыдился.

— Глерк!

Болотный монстр поднял голову. Фириан летал. Он становился всё больше и больше, но теперь, увеличиваясь, вновь мог пользоваться своими крыльями и парил над деревьями.

— Там Луна, — сообщил он. — И эта скучная ворона. Презираю ворону, Луна меня больше любит!

— Никого ты не презираешь, Фириан, — возразил Глерк. — Это не в твоей природе.

— И там Ксан! Тётушка Ксан... Она больна!

Глерк кивнул. Он так боялся этого. Тем не менее, теперь она хотя бы в человеческой форме. Это лучше, чем застрять в превращённом состоянии, не в силах попрощаться.

— А что ещё, мой друг?

— Дама. Две. Одна движется, как тигр, а вторая безволосая. И она любит Луну. Я вижу. А почему? Мы любим Луну!

— Это хороший вопрос. Как ты знаешь, Луна немного таинственна. Как и Ксан давным-давно...

— И мужчина. И много бумажных птиц на земле. Они тоже любят Луну! Так смотрят! И Луна, кажется, немного расстроена.

Глерк кивнул широкой головой. Он закрыл один глаз, потом второй, обхватил себя громадными лапами.

— Что ж, Фириан, — промолвил он, — полагаю, у нас есть некоторые проблемы. Я с земли, ты с воздуха.

— Но что нам делать?

— Фириан, ты был таким крошечным драконом, когда это случилось, но эта женщина, алчная и крадущаяся, это причина того, что твоя мать рванулась в вулкан. Она — та, что Поедает Печаль. Она распространяет страдания и ест их — самая гадкая магия на свете! Вот почему ты рос без матери, вот почему столько матерей потеряли детей. Надо остановить её, прежде чем она причинит ещё больше горя, верно?

Но Фириан уже летел, крича и извергая в ночное небо пламя.

— Сестра Игнатия? — растерялся Энтен. — Что вы здесь делаете?

— Она нас нашла, — прошептала женщина с бумажными птицами. Нет, подумалось Луне, не женщина. Мама. Эта женщина — её мама. Она едва могла это понять, но знала, что это правда.

Ксан повернулась к мужчине.

— Ты хотел найти ведьму? Вот твоя ведьма, мой друг. Ты называешь её сестрой

Игнатией? — она скептически посмотрела на незнакомку. — Что за фантазия... Я знала её под другим именем, хотя в детстве величала монстром. Она жила печалью Протектората сколько? Пять сотен лет! О Буг! Как раз для книги по истории. Тебе стоит гордиться собою.

Незнакомка оглядела поляну, и её губы изогнулись в улыбке. Та, что Поедает Печаль. Ненавистный термин для ненавистного человека.

— Ну, полно, полно, Ксан. Столько времени прошло, и года, боюсь, не были к тебе добры. Рад видеть, что ты впечатлена моей маленькой печальной затеей. Столько власти в печали... Жаль, что твой драгоценный Зосим никогда не был в состоянии это видеть. Дурак! Мёртвый дурак, бедняжка... О, дорогая Ксан, сколько лет прошло...

Магия женщины окружила её настоящим вихрем, но даже с большого расстояния Луна видела в ней пустоту. Как и Ксан, она была истощена. И без печали под рукой восстановить это была не в силах.

Луна отпустила руку бабушки и шагнула вперёд. Нити магии отходили от незнакомки и вились к магии Луны. Женщина этого не замечала.

— И что за глупости о спасении ребёнка? — сказала незнакомка.

Энтен с трудом поднялся на ноги, но сумасшедшая положила руку ему на плечо, удерживая.

— Она пытается пробудить твою печаль, — закрыв глаза, пробормотала сумасшедшая. — Не позволяй. Верь. Надейся.

Луна сделала ещё один шаг. Она чувствовала магию этой женщины — и влекла её к себе.

— Что за любопытная вещица, — промолвила Та, что Поедает Печаль. — Я знала ещё одну любопытную девочку. Столько времени прошло... Столько адских вопросов. Я не грустила, когда её поглотил вулкан.

— Несмотря на то, что это не так, — прохрипела Ксан.

— Может быть, — усмехнулась незнакомка. — Посмотри на себя. Старая. Измученная. И что ты сделала? Ничего! А эти истории, что рассказывают о тебе! О, я сказала, что твои волосы выются, — она прищурилась, — но их уже почти нет.

Сумасшедшая отошла от Энтена и двинулась к Луне. Её движения были скользящими и медленными, словно во сне.

— Сестра Игнатия! — воскликнул Эnten. — Как вы могли? Протекторат видел в вас глас разума и знаний, — он запнулся. — Мой ребёнок. Мой сын. Эсин, о которой ты заботилась, как о дочери. Это её сломит.

Сестра Игнатия зло сдвинула брови.

— Не произноси имени этой неблагодарной в моём присутствии! Сколько я сделала ради неё!

— В ней ещё есть осколок человечности, — прошептала сумасшедшая Луне на ухо. Она опустила руку на её плечо, и в Луне что-то вспыхнуло. Она могла лишь стоять на земле. — Я слышала её в башне. Она ходит во сне, оплакивая потерю. Рыдает, рыдает, рычит... Просыпается — и забывает, это спит в ней.

О, Луна мало знала. Она обратила внимание на то, что таилось в предательнице внутри. Ксан заковыляла вперёд.

— Малыши, как ты знаешь, не умерли, — промолвила старушка, и улыбка застыла на её губах.

Незнакомка усмехнулась.

— Не смешно. Конечно, умерли. От голода или жажды. Рано или поздно их растерзали бы звери.

Ксан сделала ещё один шаг вперёд. Она заглянула в глаза высокой женщины, словно в глубокие тоннели, и прищурилась.

— Ты ошибаешься. Ты не видела сквозь свой туман печали. Равно как я в нём не видела тебя. Все эти годы я крутилась к твоей двери, а ты об этом и не знала. Ну не смешно ли?

— Ничего подобного, — с рычанием ответила незнакомка. — Это просто смех! Я б знала, если б ты пришла.

— Нет, родная, ты не знала. Не знала, что случилось с детьми. Каждый год я приходила в печальный край. Каждый раз я уносила ребёнка в Свободные Города и отдавала в любящую семью. К моему стыду, без необходимости скорбела его настоящая семья. И ты питалась этим горем. Ты не будешь питаться горем Энтена. Или Эсин. Их дитя будет жить со своими родителями, расти и процветать. Пока ты рыскала по лесу, пропал твой туман. Протекторат испытал свободу.

Сестра Игнатия побледнела.

— Ложь, — сказала она, но попыталась исправить тон. — Что происходит?

Луна прищурилась. Незнакомка почти всю магию свою потеряла. Она заглянула глубже. И там, где должно быть сердце Той, что Поедает Печаль, затихла крошечная сфера, твёрдая, блестящая и холодная. Жемчужина. Много лет она пряталась от её сердца, делая его гладким и бесчувственным. Вероятно, там пряталась память, надежда, любовь, человечность. Луна сосредоточилась, пытаясь проколоть жемчуг.

Та, что Поедает Печаль прижала руки к голове.

— Кто-то отбирает мою магию. Это ты, старуха?

— Какую магию? — промолвила сумасшедшая, ступая Ксан и положив руку на талию старушки, дабы та стояла на ногах, а после, посмотрев сестре Игнатии в глаза. — Я не вижу никакой магии, — она повернулась к Ксан. — Лжёт.

— Тише, ты, безумица! Понятия не имеешь, что несёшь! — казалось, ноги незнакомки обратились в тесто.

— Каждую ночь, когда я была девочкой в замке, — промолвила Ксан, — ты приходила, чтобы есть моё горе.

— Каждую ночь в башне, — сказала сумасшедшая, — ты искала печаль в клетках. И когда я узнала и спрятала её, ты зарычала и завывала.

— Врёшь! — прошипела Та, что Поедает Печаль. Но они не лгали — Луна видела её жуткий голод. Она искала кусочки печали — лишь бы заполнить пустоту. — Ты обо мне ничего не знаешь!

Но Луна знала. Она видела жемчужное сердце в её груди. Оно так долго там пряталось, что незнакомка и забыла о нём. Оно искало щели. Там была память. Возлюбленный. Потеря. Надежда. Отчаянье. Сколько чувств может хранить одно сердце? Она посмотрела на бабушку. На мать. На мужчину, что хранил семью. Да до бесконечности! Вселенная безгранична! Свет и тьма, бесконечное движение, пространство и время, время и пространство... И она знала — нет предела для сердца.

Как ужасно быть отрезанным от собственных воспоминаний! И она ей поможет.

Луна надавила. Жемчужина треснула. Широко распахнулись глаза Той, что Поедает Печаль.

— Кто-то из нас, — промолвила Ксан. — Выбирает любовь к власти. Большинство.

Луна сжала трещину. Открыла взмахом левой руки. И печаль вырвалась на свободу.

— О! — женщина прижала руки к груди.

— Ты! — раздался голос сверху.

Луна посмотрела наверх и почувствовала, как в горле застыл крик. Она увидела парившего над головами огромного дракона. Он спускался по спирали и полыхал огнём, но казался знакомым.

— Фириан?

Сестра Игнатия выпускала печаль в землю.

— Нет... нет... — она захлёбывалась своими рыданиями.

— Моя мать! — кричал похожий на Фириана дракон. — Моя мать из-за тебя умерла! — дракон нырнул вниз и резко затормозил, и брызги земли разлетелись повсюду.

— Моя мать, — прошептала Та, что Поедает Печаль, едва заметив огромного дракона, что нёсся на неё. — Моя мама, отец, сестры и братья... Моя деревня. Друзья. Все ушли. Печаль. Печаль и память...

Фириан — или кто это? — схватил её и поднял в воздух, и она обмякла в его лапах.

— Я должен тебя сжечь! — прокричал дракон.

— Фириан! — завопил Глерк, двигаясь быстрее, чем, казалось Луне, он вообще мог. — Фириан, немедленно положи её на место! Ты понятия не имеешь, что творишь!

— Имею, — ответил Фириан. — Она злая.

— Фириан, стой! — закричала Луна, хватая его за ногу.

— Я скучаю по ней, — рыдал Фириан. — Моя мама. Скучаю... Эта ведьма должна заплатить за то, что сделала.

Глерк встал, высокий, как гора. Спокойный, как болото. Он смотрел на Фириана с такой любовью...

— Нет, Фириан. Это слишком простой ответ. Копай глубже.

Фириан закрыл глаза. Он не отпустил её. Огромные слёзы капали по громадной морде.

Луна смотрела глубже, мимо памяти, мимо жемчужины. И это изумило её.

— Она отгородила свою печаль, — прошептала Луна. — И сжимала её. Это было так тяжело, что она втягивала всё. Печаль втягивала печаль. Она стала голодной. И чем больше она впитывала, тем больше хотела. А потом поняла, что это можно сделать магией. И узнала, как взрастить печаль. Она взрастила её, как фермер возвращает посевы. И наелась страданиями.

Та, что Поедает Печаль, рыдала. Её печаль вытекала из глаз, рта, ушей. Магия исчезала. Печаль исчезала. Скоро ничего не останется.

Земля затряслась. Огромные клубы дыма вырывались из кратера вулкана. Фириан содрогнулся.

— Я должен бросить тебя в вулкан за то, что ты сделала, — голос звучал хрипло. — Съесть тебя и больше никогда о тебе не думать. Так же, как ты никогда не думала о моей матери.

— Фириан, — Ксан протянула руки. — Мой милый Фириан. Мой огромный маленький мальчик.

Фириан заплакал. Он отпустил незнакомку на скалы.

— Тётушка Ксан! Мне столько надо рассказать, — всхлипнул он.

— Конечно, мой дорогой, — Ксан поманила его к себе. Она положила руки на его громадную морду и поцеловала в огромный нос. — У тебя огромное сердце. Да, многое

сделала Та, что Поедает Печаль, но не вулкан. И, съев её, ты заболеешь. Да.

Луна склонила голову. Сердце Той, что Поедает Печаль, разорвалось на куски. Без магии его не восстановить, а в ней не было больше магии. И она начала стареть.

Вновь задрожала земля, и огляделся Фириан.

— Не только пик. Всё открыто, воздух будет плох для Луны и всех остальных.

Женщина-сумасшедшая — не сумасшедшая, её мать, пусть и слово заставляло дрожать, — посмотрела на сапоги и улыбнулась.

— Мои сапоги могут отнести нас туда, где надо оказаться. Отправим сестру Игнатию и чудище с драконом. Я отведу всех остальных в Протекторат. Надо предупредить о вулкане.

Луна восходила. Восходили звёзды. Густой дым застилал небо.

Её мать. Её мать. Женщина под потолком. Руки в окне башни. Она здесь, она здесь, она здесь. Сердце Луны разрывалось. Она взобралась на её плечи, прижалась щекой к её макушке, закрыла глаза. Мать Луны обняла Ксан, прижала к себе Энтена и Луну повесила на плечи, ворона притянула к себе.

— Будь осторожен с Глерком, — обратилась Луна к Фириану. Дракон в лапах сжимал Ту, что Поедает Печаль, и тело его было просто огромным, словно продолжало расти. Чудовище прижалось к его спине, как Фириан прижимался к Глерку много лет.

— Я всегда осторожен с Глерком, — чопорно сказал Фириан. — Он очень деликатен. Земля затряслась. Пора было идти.

Глава 46. В котором семьи воссоединяются.

Народ протектората увидел, как дымно-пыльное облако несло в сторону городских стен.

— Вулкан! — закричал один из мужчин. — Вулкан отрастил ноги и идёт сюда!

— Не смешно, — возразила женщина. — У вулканов ног не бывает. Это ведьма. Она пришла к нам. Ведь мы знали, что она однажды это сделает...

— А кто-нибудь видит гигантскую птицу, похожую на дракона? Но это ведь невозможно! Ведь драконов не существует! Правда?

Сумасшедшая резко замерла у стены, позволив Энтену и Луне спрыгнуть с её спины. Энтен, не теряя времени, бегом рванул в Протекторат. Луна осталась с сумасшедшей, чтобы осторожно поставить Ксан на землю и помочь ей подняться на ноги.

— Ты в порядке? — спросила сумасшедшая. Её глаза бегали туда-сюда, ни разу не остановившись ни на одном месте надолго. На лице круговоротом менялись выражения, одно за другим. Луна видела, что она была абсолютно сумасшедшей. Или, может быть, пусть не злой, но сломанной. Но ведь сломанное можно починить. И она надеялась, сжимая руку матери.

— Мне надо оказаться высоко, — сказала Луна. — Надо сделать то, что защитит город и его людей, когда этот вещь прорвётся, — она указала на кутившийся пик вулкана, и сердце сжалось от боли. Её дом на дереве. Её сад. Куры и козы. Красивое болото Глерка. И всё это спустя несколько моментов развалится на кусочки, если уже не разорвалось... О, всё это — последствия.

Сумасшедшая провела Луну и Ксан через ворота в стене.

В её матери была магия. Луна чувствовала её. Но не такая, как у неё самой. Магия Луны билась в каждой кости, каждой клеточке. Магия её матери походила на какие-то безделушки в корзине после долгого путешествия, маленькие осколки... Тем не менее, Луна

чувствовала не только магию, но и любовь её, пылающую на коже. И от этого в ней ещё быстрее билось сердце, и магия росла. Луна сжала её руку сильнее.

Фириан, Глерк и почти потерявшая сознание Та, что Поедает Печаль, присели совсем рядом.

Народ Протектората вскрикнул, помчался прочь от стены, пусть Энтен отчаянно кричал, что бояться им нечего. Ксан смотрела на курившийся пыль.

— Бояться есть чего, — мрачно сказала она. — Просто не нас.

Земля затряслась.

Энтен позвал Эсин.

Фириан позвал Ксан.

— Кар-р-р! Кар-р-р! Кар-р-р! — повторял ворон. — Луна! Луна! Луна!

Глерк призвал всех к тишине — чтобы подумать.

Вулкан извёрг столб огня и дыма, пока потоки лавы наконец-то его не поглотили.

— Мы можем его остановить? — прошептала Луна.

— Нет, — ответила Ксан. — Однажды его остановили, но то была ошибка. Ни за что умер хороший человек... И хороший дракон. Вулканы извергаются, меняется мир. Это нормально. Но мы можем защитить. Сама я больше не могу, и ты, подозреваю, тоже... Но вместе, — она посмотрела на мать Луны. — Я думаю, мы сможем вместе.

— Я не знаю как, бабушка, — Луна попыталась сдержать рыдания. Слишком уж многое следовало узнать, а времени у неё просто не хватало. Но Ксан лишь сжала руку Луны.

— Ты помнишь, как была маленькой девочкой, и я показала, как вокруг цветов сделать пузыри?

Луна кивнула.

Ксан улыбнулась ей в ответ.

— Вперёд. Знание идёт не от мыслей. От твоего тела, сердца, интуиции. Иногда воспоминания хранят больше, чем просто ум. Эти пузырьки, которые мы сделали, чтобы обезопасить цветы... Помнишь? Делай пузыри. Пузыри вокруг пузырей. Магия. Лёд. Пузыри из стекла, железа, звёздного света. Из болота. Меньше, чем мысли. Больше, чем душа. Используй своё воображение, представь каждый из них. Вокруг каждого дома, каждого сада, каждого дерева и каждого огорода. Вокруг всего города. Вокруг Свободных Городов. Пузырьки, пузыри, пузырищи! Окружи их. Защити. Мы используем магию нас троих... Закрой глаза, и я покажу, что надо сделать.

Она сжала пальцы бабушки и матери и почувствовала, как в кости прорвался свет и тепло, как рвался от ядра земли до самого неба — вверх и вниз, вниз и вверх... Магия. Звёздный свет. Лунный свет. Память... Её сердце было преисполнено любовью, и она вулканом прорвалась на свободу.

Гора была разрушена. Пошёл огненный дождь. Он пепла потемнело до бесконечности небо. Пузырьки светились от бесконечного жара, и их разбивала тяжесть ветра, бесконечное пламя и вечная, бессмертная пыль. Луна держала крепко.

Три недели спустя Энтен едва узнал дом. Столько пепла... Камни, разрушенные деревья валялись на улицах Протектората. Ветер донёс вулканический пепел и лесные пожары, золу и пепел, и никто не мог пройти вниз по склону горы, по пеплу на улицах. Днём солнце едва выглядывало из дымных клубов, ночью оставались невидимыми звёзды и луна. Луна посылала дожди на Протекторат, на разрушенные горы, чтобы немного очистить воздух. Тем

не менее, столько всего следовало сделать!

Люди улыбались с надеждой, вопреки беспорядку. Совет старейшин томился в тюрьме, а голосованием выбрали новых. Имя Герланда стало оскорбительным. Вин открыл для всех библиотеку в башне. И наконец-то открыли дорогу, чтобы жители Протектората могли куда-то уйти. Впрочем, сначала таких было не так уж и много.

В центре всего этого стояла Эсин — и сжимала в руках чашку с горячим чаем, с ребёнком на груди. Энтен обнимал свою семью. Он её больше никогда не оставит. Никогда на свете.

Ксан и Та, что Поедает Печаль были перенесены в больничное крыло башни. После того, как люди осознали, что натворила сестра Игнатия, они хотели заключить её под стражу, но с каждой минутой жизнь вытекала из двух женщин.

В любой день. В любой миг. Но Ксан не боялась смерти. Она испытывала только любопытство — и понятия не имела, что творилось в душе Той, что Поедает Печаль.

Эсин и Энтен поселили Луну с её матерью в детской, заверив, что пока что Лукену комната не нужна, и они не согласны с ним ни на миг расставаться.

Эсин превратила эту комнату в целительскую для матери и дочери. Всё мягкое. Шторы, закрывающие от палящего солнца. Цветы в вазах. И бумага. Столько бумаги, с каждым разом всё больше и больше! Сумасшедшая принялась рисовать, иногда ей помогала в этом Луна. Эсин приносила им суп, целебные травы. И дарила отдых. Бесконечную любовь. Всё, что угодно.

И тогда Луна принялась искать имя своей матери. Она ходила от двери к двери, спрашивала всех, кто говорил с нею — сначала их было не так уж и много. Люди в Протекторате, разумеется, не любили её, как люди из Свободных Городов. По правде, большинство из них ещё не отошли от шока.

Да, чтобы привыкнуть, понадобится время.

Спустя несколько дней расспросов и поисков она вернулась на ужин к матери и опустилась на колени у её ног.

— Адара, — прошептала она. Она вытащила свой блокнот и показала матери картины — женщина под потолком. Ребёнок на руках. Башня. Рука, протянутая из окна. Ребёнок среди деревьев. — Тебя зовут Адара. Это нормально, если ты не помнишь своё имя. Я буду повторять его, пока это не случится. И равно как ты искала меня всюду и смогла найти, моё сердце искало тебя. Посмотри. Вот моя карта. Она здесь, она здесь, она здесь, — Луна закрыла блокнот и посмотрела в лицо Адары. — Ты здесь. Я здесь.

Адара ничего не ответила. Она позволила своим пальцам сжать руки Луны. Держала её крепко за ладонь.

Луна, Эсин и Адара отправились к бывшему Великому Старейшине в тюрьму. Начали отрастать волосы Адары. Они большими чёрными кольцами обрамляли её лицо и подчёркивали темноту огромных глаз.

Герланд нахмурился, когда к нему зашли.

— Я должен был утопить тебя в реке, — сказал он угрюмо Луне. — Не думай, что я тебя не узнал. Я узнал. Каждый из этих невыносимых детей преследовал мои сны. Я видел, как вы росли, даже когда знал, что вы умерли.

— Но мы не умерли, — ответила Луна. — Никто из нас. Может быть, это говорили сны. Может быть, следовало научиться слушать.

— Я тебя не слышу! — возопил он.

Адара опустилась на колени рядом со стариком и положила руку ему на плечо.

— Новый совет сказал, что ты будешь прощён, как только попросишь прощения.

— Тогда лучше я буду гнить здесь! — разбушевался Великий Старейшина. — Попросить прощения?! Да одна идея оскорбительна!

— Извинишься ты или нет, не важно, — спокойно ответила Эсин. — Я уже прощаю тебя, дядя. И всё моё сердце отпускает твои грехи. Прощает тебя и мой любимый муж. Не если ты попросишь прощения, ты начнёшь исцеляться. Это не нам надо. Это надо тебе. Вот что я скажу.

— Я бы хотел увидеть племянника, — глухо звучал прежде властный голос. — Пожалуйста. Скажи, чтобы он пришёл. Я хочу увидеть его лицо. Родное лицо.

— Ты собираешься попросить прощения? — спросила Эсин.

— Ни за что! — сплюнул Герланд.

— Очень жаль, — ответила Эсин. — До свидания, дядя.

И они ушли, не проронив больше ни слова.

Великий Старейшина сдержал слово. До конца своих дней он просидел в тюрьме. В конце концов, люди перестали его посещать, не упоминали даже в шутку, а потом и вовсе позабыли.

Фириан продолжал расти. Каждый день он летал по лесу и рассказывал о том, что видел.

— Озеро наполнилось золой. Теперь пропал дом Ксан. И болото. Но свободные Города ещё стоят. Они целы и невредимы.

Катаясь на спине Фириана, Луна посетила каждый из Свободных Городов. И хотя жители были счастливы видеть Луну, их поражало то, что не было с нею Ксан, и, слыша о её болезни, они все горевали, как один. Они не были уверены в драконе, но, увидев, как он нежен с детьми, немного успокоились.

Луна рассказала им историю города, что находился под контролем страшной ведьмы, о плене печали. Рассказала о детях. О страшном Дне Жертвоприношения. И о другой ведьме что находила детей в лесу и приносила их в безопасное место, понятия не имея, что именно случилось с ними.

— О! — кричали граждане Свободных Городов.

И семьи Звёздных Детей крепче сжимали руки своих сынов и дочерей.

— Меня отобрали у моей матери, — объяснила Луна. — И, как и вас, меня воспитали в семье, что меня любила, и которую я люблю. Не могу и не хочу перестать любить их — просто позволяю своей любви расти, — она улыбнулась. — Я люблю бабушку, что вырастила меня. Люблю потерянную мать. Любовь в моём сердце бесконечна. И радость расширяется — видите?

И город за городом она говорила то же самое. А после забралась на спину Фириана и вернулась к своей бабушке.

Глерк отказался оставлять Ксан. Кожа его трескалась и зудела без болотной воды. Каждый день с тоской он вспоминал о Буге. Луна попросила бывших сестёр, друзей Эсин,

приносить ковши с водой, чтобы поливать его по нужде, но вода была не тем, что нужно. И однажды Ксан сказала ему перестать быть глупым и ходить к Бугу каждый день.

— Не могу думать, когда ты страдаешь, мой милый друг, — промолвила она, поднося свои иссушенные руки к его громадной морде. — К тому же, не пойми неправильно, ты воняешь, — она тяжело вздохнула. — И я тебя люблю.

Глерк обнял её своими огромными руками.

— Когда ты будешь готова, Ксан, моя родная, ты можешь прийти ко мне. В Болото.

Здоровье Ксан ухудшалось всё быстрее. Луна сказала матери и Энтену, что спать будет в башне.

— Моя бабушка во мне нуждается. Я должна быть рядом с нею.

Глаза Адары наполнились слезами, когда Луна промолвила это, и девочка сжала её руку.

— Моя любовь не делится на части, — прошептала она, — а умножается, — и она поцеловала мать и вернулась к бабушке, ночь за ночью сидела рядом с нею.

В тот день, когда вернулись первые Звёздные Дети и переступили порог Протектората, бывшие сёстры распахнули окна больницы.

Та, что Поедает Печаль, теперь казалась такой старой, что рассыпалась в пыль. Сквозь её бумажную кожу можно было увидеть каждую тонкую косточку. Глаза её теперь были совсем-совсем слепы, и она не видела ничего перед собою.

— Закройте окно, — хрипела она. — Я не могу этого слышать!

— Оставьте его открытым, — прошептала Ксан. — Я должна...

Ксан тоже иссушилась. Она с трудом дышала. И Луна каждый миг сидела рядом с Ксан и держала её за крошечную, тонкую, как свет, ручку.

Сёстры оставили окна распахнутыми настежь. Крики радости прорывались в комнату. Вскрикнула от боли Та, что Поедает Печаль. Вздохнула от счастья Ксан, и Луна сжала её ладонь.

— Я люблю тебя, бабушка.

— Я знаю, дорогая, — прохрипела Ксан. — И я люблю...

И она отошла в мир иной, любя весь мир.

Глава 47. В которой Глерк отправляется в путешествие и оставляет за собою Стих.

Позже, в ту же ночь, в комнате застыли тишина и неподвижность. Прекратил завывать у подножия башни Фириан — ушёл спать и плакать в сад. Вернулась в объятия матери Луна, к Энтену и Эсин, в свою странную, но такую любимую семью. Возможно, она будет спать в комнате с матерью, может быть, свернётся клубочком у своего дракона рядом с вороном. Может быть, её мир стал больше, чем прежде. Как у детей, что стали взрослыми. Глерк думал, что всё встало на свои места. На миг он прижал все четыре руки к сердцу, а после скользнул в тень и вернулся к Ксан.

Пора было уходить. И он был готов.

Её глаза закрыли. Губы — распахнулись. Она не дышала. Пыль, неподвижность... Ксан — но без искры.

Не было луны, но ярко сияли звёзды. Ярче обычного. Глерк собирал свет руками и сплёл из них мерцающее одеяло, обернул их вокруг старушки и прижал к своей груди.

Она открыла глаза.

— Почему, Глерк? — прошептала она. Огляделась. В комнате было тихо, только лягушки квакали. Холодно, согревала лишь грязь. Темно, только солнце сверкало на тростнике и под открытым небом сияло болото.

— Где мы? — спросила она.

Она была старой женщиной. Она была девочкой. Что-то между этими состояниями. И то, и то одновременно.

Глерк улыбнулся.

— Сначала был Буг. И Буг покрыл мир, и Буг был миром, а мир был Бугом.

Ксан вздохнула.

— Мне знакома эта история.

— Но Буг был одинок. Он мечтал о мире. О глазах, которыми мог бы его увидеть. О сильной спине, что помогала бы ему ходить. Руки и ноги, и рот, чтобы петь. И Буг стал чудищем, и чудище стало Бугом. И тогда Чудище спело миру. И мир, и чудище, и Буг были чем-то одним, и связывала их бесконечная любовь.

— Примешь ли ты меня в болоте, Глерк? — спросила Ксан. Она выбралась из его объятий и поднялась на ноги.

— Как всегда. Ты не видишь? Чудище, болото, поэма, поэт, мир... Всё тебя любит. Всегда любило. Ты пойдёшь со мной?

И Ксан взяла Глерка за руку, и они вернулись в бесконечный Буг и зашагали. Не оглядываясь назад.

На следующий день Луна и её мать прогулялись по длинной лестнице и пришли за последними вещами Ксан, чтобы подготовить её тело к последнему пути. Адара сжимала руку Луны, противоядие от горя, но Луна выбралась из объятий своей матери и тоже обвила Адару руками. И вместе они открыли дверь.

Бывшие сестры ждали их в пустой комнате.

— Мы понятия не имеем, что случилось, — глаза их сверкали от слёз. Кровать оказалась пустой и неимоверно холодной, и нигде не было ни единого признака, что Ксан однажды и вправду бывала здесь.

Луна почувствовала, как сердце её немеет. Она посмотрела на мать и встретила тот же взгляд. Тот же знак на лбу... Нет любви без потерь. Мама знала об этом. И она теперь знала. Её мать нежно сжала её руку, уткнулась носом в густые чёрные волосы девочки. Луна опустилась на кровать — но не плакала. Её рука скользнула по кровати — и она отыскала листок бумаги под подушкой.

Сердце создано из звёзд и времени. Досада тоски теряется в темноте. Поглощает бесконечность бесконечность... Сердце моё жаждет — и жажда наполняет тело, а мир всё кружится и кружится... А вселенная бесконечна всё больше и больше. Тайна любви — тайна творения мира, вновь и вновь она обвивается вокруг тебя. Я уйду. Я вернусь. Глерк.

Луна утёрла глаза и сложила из стихотворения ласточку. Та неподвижно сидела на руке. Она вышла на улицу, оставив мать там. Солнце только поднималось, окрасилось цветами радуги небо. Где-то чудище и ведьма блуждали по миру. И это хорошо. Очень хорошо.

Распахнулись бумажные крылья. Ласточка склонила голову.

— Всё в порядке, — прошептала она. Болело горло, болела грудь. Любовь болела. Почему ж она так счастлива? — Мир прекрасен. Люби его.

И птица взлетела в небо.

Глава 48. В которой история заканчивается.

Да.

Да, в лесу действительно есть ведьма.

Разумеется, ведьма! Она только вчера обходила дом. Ты видел её, я её видела, мы все её видели.

Разумеется, она не разбрасывается своей ведьмовсткостью! Это было бы очень грубо, как можно вообще заявить что-то подобное?

Магия вселилась в неё, когда была ещё ребёнком. Ещё одна ведьма, более древняя, наполнила её большой силой, большей, чем та, с которой могла бы что-то сделать. И магия текла и текла из старой ведьмы в новую, как вниз из горы времён стекает вода. Вот что случается, когда ведьма кого-то берёт под собственную защиту. Магические потоки текут всегда — отдают всё, что только могут.

Вот как наша ведьма получила нас. Весь Протекторат. Мы её, она — наша. Её магия благословила нас, благословила всё, что мы видим. Она благословила фермы, фруктовые сады и огороды. Она благословила и Буг, и Лес, и даже Вулкан! И благословила всех равно. Вот почему люди в Протекторате здоровы, бодры... Вот почему дети румяны и умны. Вот почему у нас есть так много счастья!

Однажды колдунья вышла из стихотворения Чудища в Бугу. Может быть, этот стих создал мир. Может быть, этот стих его оборвёт. Может быть, что-то другое... Я знаю лишь, что ведьма держит его в безопасности в медальоне под плащом. Она принадлежит нам, но однажды её магия исчезнет, и она отойдёт обратно в болото, и у нас больше не будет ведьмы. Только рассказы. Может быть, она отыщет Чудище. Или станет Чудищем. Или Бугом. Или Поэмой. Или Миром. В конце концов, ты ведь знаешь, что это всё одно и то же.

Больше книг на сайте - Knigolub.net